

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СТЫД И ВОССОЕДИНЕНИЕ»

Для меня большая честь писать предисловие к русскому изданию этой книги. Однако я испытываю и смущение, поскольку уверен, что в России существуют богатые многовековые традиции восстановительного правосудия, из которых я мог бы немало почерпнуть, но изучить которые у меня не было возможности. Восстановительное правосудие — одна из тех областей, где теория, похоже, всегда отстаёт от практики, иногда на целые столетия. Мне хотелось бы верить, что российские читатели не воспримут эту книгу как самодостаточный набор утверждений, претендующий на то, чтобы быть истинным. Я надеюсь, что её прочтение скорее стимулирует ваши собственные размышления по поводу того, какое применение идея воссоединяющего стыда может найти именно на русской почве.

Начать я бы хотел с рассказа о том, как книга «Преступление, стыд и воссоединение» связана с мировым общественным движением за восстановительное правосудие. Затем я позволю себе остановиться на тех выводах моей теории, которым было уделено меньше внимания и которые выходят за рамки собственно восстановительного правосудия.

Книга была закончена в 1988 году, и в то время я ещё не слышал о концепции «восстановительного правосудия», которое тогда было распространено весьма локально — в северной части североамериканского континента. Не знал я также и о дебатах вокруг *«Закона о детях, подростках и их семьях»*, принятого годом позже в Новой Зеландии. Этот законодательный акт, которым в Новой Зеландии вводилась система семейных конференций, стал ещё одним практическим шагом, предпринятым независимо от теории восстановительного правосудия и опережавшим её. В 1989 году в Новой Зеландии не существовало и подобия общественного движения за восстановительное правосудие.

В конце концов все эти направления деятельности соединились. Новая Зеландия подключилась к возникшему в Северном полушарии общественному движению за восстановительное правосудие. Австралия извлекла уроки как из североамериканского, так и из новозеландского опыта, создавая при этом собственные оригинальные конструкции правосудия. Новозеландская восстановительная практика семейных конференций представляется мне прекрасным практическим применением теории воссоединяющего стыда.

Большинство новозеландцев, однако, смотрели на это иначе. И в самом деле, я согласен, что за действенностью и нравственной приемлемостью конференций восстановительного правосудия, помимо внушения чувства воссоединяющего стыда, стоит и многое другое. Это и проникновенная идея Дэна Ван Несса о том, что, поскольку преступление неизбежно наносит раны, правосудие должно исцелять. Это и демократический принцип, который позволяет каждому человеку, так или иначе затронутому преступлением, иметь право голоса в определении того, как должна разрешаться создавшаяся ситуация. Это и ставший на настоящий момент объёмным пласт данных, кратко изложенных в моей готовящейся к изданию книге *«Restorative Justice and Responsive Regulation»* (Oxford), о том, что восстановительное правосудие укрепляет процедурную справедливость всего уголовного процесса и наполняет бóльшим практическим содержанием деятельность по защите прав человека.

Кроме того, идея восстановительного правосудия о необходимости ставить в центр круга проблему, а не человека находит прямое подтверждение в развернутой в книге «Преступление: стыд и воссоединение» концепции о необходимости избегать клеймения. Под «кругом» здесь понимается все, кто был затронут преступлением: жертвы и их близкие, правонарушители и те, кому они дороги (семья, друзья), а также другие члены сообщества и соответствующие представители государства.

В моем исследовании утверждается, что клеймение — это такая форма внушения чувства стыда, которая усугубляет проблему преступности. Клеймение — эта неуважительная, унижительная, отчуждающая форма внушения чувства стыда, которая с нравственной точки зрения оказывается менее подобающей, нежели внушение чувства воссоединяющего стыда. С недавних пор авторы критических обзоров законов США стали проявлять интерес к дебатам по поводу достоинств и пороков «постыдных наказаний» в уголовном праве. Такие наказания носят, как правило, клеймящий характер (например, табличка на доме, которая гласит, что хозяин был

осужден за жестокое обращение с детьми) и поэтому являются контрпродуктивными с точки зрения теоретических положений, выдвигаемых этой книгой.

Глубоко неправильно «читать нотации», бранить или осуждать человека за его преступление в ходе конференций восстановительного правосудия или во время проведения «круга». Исследование Натана Харриса, опубликованное в вышедшей в 2001 году книге Элайзы Ахмед, Натана Харриса, Джона Брейтуэйта и Валери Брейтуэйт *«Shame Management Through Reintegration»* (Cambridge University Press), показывает, что неодобрение, как правило, неэффективно, если его выражает чужой для наказываемого человек. Полицейские и судьи, отчитывающие преступников, с точки зрения контроля над преступностью занимаются, в общем, бесполезным делом.

С другой стороны, представленные в этой книге исследовательские результаты показывают, что если правонарушителю становится совершенно очевидно, что люди, которых он любит, уважает, которым в значительной степени доверяет, решительно не одобряют совершенное им преступление, то он с большей вероятностью будет испытывать угрызения совести и желание исправить содеянное. Особо действенным оказывается такое неодобрение, которое высказывается в рамках уважительного отношения к провинившемуся. Воссоединяющий жест прощения со стороны близких важен еще и потому, что добавляет мощи тому неодобрению, которое они высказывают в отношении поступка. Прощение показывает, что за неодобрением не скрывается утверждение о том, что правонарушитель, в сущности, порочен; неодобрение оказывается связанным с поддержкой нравственности и признанием страданий, которые испытала жертва.

Наиболее мощная форма проявления чувства воссоединяющего стыда — не осуждение со стороны других, но осуждение нарушения самим правонарушителем — принесение извинений. Извинения представляют собой также наиболее мощную форму реабилитации и признания, которую может получить жертва, ибо они исходят от человека, в наименьшей степени заинтересованного в осуждении проступка как дурного с нравственной точки зрения. В «Преступлении, стыде и воссоединении» теме реинтеграции жертвы не уделяется достаточного внимания. Это упущение было отчасти исправлено в следующем году (1990), когда Филиппом Петтитом и мной была опубликована книга, в которой излагалась нормативная теория, дополняющая объяснительную теорию «Преступления, стыда и воссоединения». Эта книга называлась *«Not Just Deserts: A Republican Theory of Criminal Justice»* (Oxford University Press).

Читателей зачастую сбивает с толку широта понятия «внушение чувства стыда» в «Преступлении, стыде и воссоединении», которое охватывает как клеймение, так и реинтеграцию, как прямые, так и косвенные способы выражения стыда. Причина этой широты заключается в желании показать не то, что внушение чувства стыда — это какой-то заранее заданный процесс (плохой или хороший), но то, что это процесс всегда разный — иногда очень хороший, иногда очень плохой — в буквальной зависимости от того, как нам удастся воззвать к этому чувству и актуализировать его.

Многие критики полагают, будто я чрезмерно увлечен положительными эффектами внушения чувства стыда. Однако на самом деле я полагаю, что деструктивное воздействие клеймящего стыда много сильнее продуктивных эффектов внушения стыда воссоединяющего.

Элайза Ахмед в своей статье в сборнике *«Shame Management Through Reintegration»* рассматривает признание стыда как особенно важный момент, помогающий и жертвам, и правонарушителям избавиться от чувства стыда или преодолеть его. Эта работа, в сущности, являющаяся продолжением моей, стала попыткой сместить фокус с практик внушения чувства стыда (что превалирует в «Преступлении, стыде и воссоединении») на не освещенную там тему *стыда как эмоции*. Признание чувства стыда рассматривалось в этой книге как ключ к преодолению деструктивности этой эмоции, которая неизбежно проявляется с каждым обвинительным приговором. Именно поэтому важно сделать воссоединение частью практики внушения чувства стыда, так же как осознание и признание — включить в переживание этого чувства. Тогда наши практики управления этим процессом помогут нам предупреждать преступность и исцелять жертв, нарушителей и их близких.

В каком-то смысле мои коллеги в Австралии были важной частью общественного движения за восстановительное правосудие на протяжении двадцати лет. Большую часть этого времени мы работали над темой корпоративной преступности. То, чем мы занимались, мы называли «чуткое

регулирование» или «коммунитарное регулирование», а не «восстановительное правосудие». Брент Фисс и я назвали нашу вышедшую в 1983 году книгу «Влияние негативного паблисити на корпоративных преступников», не ссылаясь при этом на понятие *стыда*. Еще до оформления восстановительного правосудия как прореформистского движения мы занимались тем, что исследовали проблемы восстановления потерпевших, преступников и сообществ. Стыд являлся одной из центральных проблем наших теоретических исследований, а конференции были важны для нашей практики.

Дискуссионные, основанные на диалоге институты гражданского республиканизма¹, в частности конференции, имеют ценность для разрешения множества проблем, даже более важных, чем проблема преступности. Ядро моего теоретического подхода составляет точка зрения, в соответствии с которой стыд и гордость — эмоции, играющие центральную роль в понимании наших самых глубоких проблем — от войн до глобального потепления. До тех пор, пока мы не поймем, как чувства стыда и гордости влияют на идентичность и проявляются в политике, мы не сможем стать свободными и противостоять властному произволу и насилию ни на местном уровне, ни в международном масштабе.

Такая теоретическая позиция имеет свои изъяны и, без сомнения, является частной и требует дополнения в виде многих других теорий, что и было сформулировано в начале «Преступления, стыда и воссоединения». Чтобы быть хорошим ученым или хорошим общественным деятелем, вообще лучше исходить из того, что твои теории по большей части неверны или неприменимы в реальности.

В своих работах, написанных после «Преступления, стыда и воссоединения», я выдвигал идею о том, что восстановительное правосудие не является главным выводом теории в вопросах контроля над преступностью. Один из более важных уроков — это необходимость для участников общественных движений направить внушение чувства стыда по воссоединяющей модели против злоупотреблений власти. Нужно доверять людям, если вы сторонник гражданского республиканизма, полагающий, что люди, а не государство являются наиболее важными агентами социального контроля. Если вы убеждены в том, что большей части насильственных действий противостоят не полиция или суды, но семьи, церкви, школы, футбольные клубы и дружеские компании, если вы верите, что понимание различия между внушением чувства воссоединяющего стыда и клеймением является ключевым моментом для эффективного противостояния насилию, тогда много важнее донести это понимание непосредственно до людей, а не до профессионалов из правоохранительных органов.

Другой способ, которым теория, изложенная в этой книге, вносит вклад в социальное движение и политику контроля над преступностью, — это прояснение того, что такие серьезные и широко распространенные преступления, как домашнее насилие и преступления белых воротничков, именно потому и распространены столь широко, что эти преступники ограждены от чувства стыда. Они защищены от его влияния структурами власти. Нужны конкретные политические действия социальных движений, способные встряхнуть эти структуры власти, например действия экологических групп, которые утверждают постыдность преступлений против окружающей среды, или объединений женщин, заявляющих о неприемлемости насилия в семье, или гражданских объединений, позорящие политическую коррупцию, и так далее.

Я с сожалением констатирую, что исследований, призванных определить обоснованность утверждений, изложенных в этой книге, было не столь много, как можно было бы ожидать. Имеющиеся исследования резюмированы в «*Shame Management Through Reintegration*». В них подвергается сомнению то, что клеймение и внушение чувства воссоединяющего стыда являются

¹ Гражданский республиканизм (англ. *civic republican*) — политическая позиция близкая Дж. Брейтуэйту. Автор комментирует данный термин следующим образом: «Обычно значение слова «гражданский» подразумевает вовлечение общности в обсуждение, дискуссию. Обычно слово «гражданский» ставится перед «республиканизм» или «республиканец», что бы не думать, что это имеет отношение конкретно к республиканской партии США. Гражданский республиканизм означает философию республиканизма социально-демократического характера, связанную с традицией Цицерона и Римской республики, Монтеске, Джефферсона и т.д. Эта философия разделяет с либерализмом акцент на свободе как центральной проблеме, но отличается контекстом, в котором мыслится свобода. Республиканская свобода — это свобода от господства (чье предельное выражение — рабство), а не просто свобода быть оставленным в покое другими. *Прим. ред.*

противоположными полюсами одного континуума. Также высказывается предположение о том, что, возможно, было бы правильнее рассматривать внушение чувства стыда и реинтеграцию (воссоединение) как отдельные переменные с отдельным и суммарным эффектом в предотвращении преступности, а не как составную переменную — внушение чувства воссоединяющего стыда. Несмотря на то, что данные подрывают некоторые концептуальные основы моей теории, они также подтверждают ее потенциал в области объяснения преступности. Я надеюсь, что русский перевод окажет стимулирующее воздействие на российскую исследовательскую традицию в отношении как воссоединяющего стыда, так и восстановительного правосудия, а перспективы и недостатки теории будут выявлены в процессе анализа, проводимого именно в России. Я выражаю глубокую благодарность Михаилу Флямеру и его коллегам за огромный труд и интеллектуальные усилия, которые были необходимы для того, чтобы такая возможность появилась.

Джон Брейтуэйт
Октябрь 2001

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СТЫД И ВОССОЕДИНЕНИЕ

Дж. Брейтуэйт

ПРЕДИСЛОВИЕ

Создать *общую теорию преступности* — начинание весьма претенциозное. Хотя теория, изложенная в этой книге, претендует на то, чтобы быть общей, она в то же время носит *специальный* характер — прежде всего потому, что автор прекрасно осознает необходимость существования теоретических исследований по конкретным видам преступлений, которые могли бы составить общую теорию.

Автор отнюдь не стремится последовательно развенчивать конкурирующие теории, чтобы продемонстрировать превосходство *теории воссоединяющего стыда*. Предположим, в рамках теории представлены данные о том, почему женщины меньше вовлечены в преступность, чем мужчины. Ряд исследователей полагает, что объяснение следует искать на генетическом уровне. Автор не ставил перед собой задачи опровергнуть эту точку зрения, но при помощи известных науке данных лишь проверил логичность и состоятельность этого объяснения. До того момента, пока новая теория не прошла систематическую проверку, нельзя утверждать, что следует отказаться от более ранних, в той или иной степени проверенных теорий. Это можно сделать лишь в том случае, если есть основания полагать, что новая теория способна не только объяснить любой факт, который объясняла теория старая, но и пойти значительно дальше. Вероятно, в конце концов мы сможем утверждать, что эта новая теория истолковывает значительное количество фактов, которые вообще не учитывались существовавшими ранее специальными исследованиями.

К счастью, для того чтобы утвердить свою альтернативную концепцию, мне нет надобности сводить на нет существующие теории — хотя бы в силу того, что эти теории способны объяснить лишь незначительный процент вариаций преступного поведения. Моя стратегия заключается, в частности, в том, чтобы включить некоторые достижения существующих социологических исследований феномена преступления в теорию, которую я стремился сделать одновременно более общей по охвату ситуаций и более мощной по возможностям толкования.

Неоценимую помощь в работе над книгой оказали Питер Грабоски, Доналд Крэсси, Дейвид Бэйли, Маршалл Клайнард, Джилберт Гейс, Дэн Глэйзер, Генри Понтелл, Сэт Мухерджи, Карл Клокарс, Грант Уордло, Филип Петтит, Ясек Курцевски, Иван Потас, Стефен Магфорд, Анита Мак, Фрэнк Джонс и другие участники семинаров в университете штата Делавэр, в Калифорнийском университете (Ирвин) и Австралийском государственном университете, а также Робин Дерикурт из Кембридж Юниверсити Пресс. Я бесконечно благодарен редактору Ширли Перчейз, Мишель Робертсон за ее многократные хождения в библиотеку с тем, чтобы вернуть книги, которые я цитировал в этой своей работе, Беверли Булпит за ее помощь в напечатании текста. Особенно я признателен Бренту Фиссу за те многочисленные беседы, которые мы вели в течение нескольких лет, работая над книгой «Влияние паблсити на корпоративных

преступников»² и благодаря которым, собственно, и возник мой интерес к изучению феномена стыда как механизма контроля над преступностью.

Эта книга посвящена теме *стыда*. Понятие стыда находилось на пике своей популярности в викторианскую эпоху. В частности, Линд (Lynd, 1958) отсылает нас к викторианским романам, таким, как «Анна Каренина» Льва Толстого, предлагая вспомнить, что *чувство стыда*, играющее весьма скромную роль в современной литературе и общении, когда-то было доминирующим. В постфрейдовскую эпоху значительно бóльшую популярность приобретает категория *вины*. Однако в Новом Завете слово *вина* не употребляется, в то время как слово *стыд* встречается многократно. Шекспир использует слово *стыд* в девять раз чаще, чем слово *вина* (Lynd, 1958: 25). Вероятно, современные исследователи могут испытывать известный дискомфорт, столкнувшись в рассуждениях о преступлении с таким старомодным понятием, как *стыд*. Однако, когда мы говорим, например, о преступлениях «белых воротничков», слова, характеризующие *моральное негодование*, не кажутся нам столь уж устаревшими. В каком-то смысле именно специальная литература, анализирующая «беловоротничковую» преступность, привела автора к использованию столь явно викторианского анализа преступления, который представлен в этой книге.

1

КУДА ДВИЖЕТСЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ?

Концептуально автор исходит из того, что основным средством контроля над преступностью является культурно обоснованное стремление внушать *чувство стыда* за проступки, но внушать его таким образом, чтобы это чувство было, как я его называю, *воссоединяющим*. Низкий уровень преступности отличает те общества, где внушение чувства стыда мощно в своих проявлениях, но не переходит определенные рамки, и, наоборот, к совершению преступлений прибегают те люди, которые отгорожены от чувства стыда за свои деяния. Однако, если внушать чувство стыда неразумно, это может привести к обратному эффекту. Кроме того, в данном исследовании предпринимается попытка выделить такие разновидности внушения стыда, которые скорее являются причиной преступности, чем предотвращают ее.

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ

Преступление — понятие неоднородное. Поэтому нельзя с чрезмерным оптимизмом относиться к возможности существования теории, предназначенной для того, чтобы объяснить причины всех видов преступлений. На самом деле, до недавнего времени я был настолько пессимистично настроен в этом отношении, что считал заблуждением любые попытки, предпринятые в этой области. Очевидно, что набор

² *The Impact of Publicity on Corporate Offenders*

факторов, с помощью которых можно объяснить такое преступление, как изнасилование, отличается от того, которым можно объяснить кражу.

Очевидно также, что сегодня существует целая традиция криминологических теорий, которые, претендуя на универсальность, в действительности лишь указывают на причины мужской преступности, игнорируя женскую, так как акцентируют внимание на обстоятельствах и условиях социализации мужчин как главных факторах ее возникновения. Другие теории, определяя урбанистическую среду как причину преступности, делают основной упор на преступлениях в мегаполисах, исключая тем самым из сферы своего внимания преступность в небольших городах и сельской местности. Одни исследователи изучают причины преступности несовершеннолетних, но забывают о взрослых нарушителях закона, другие — пренебрегают необходимостью искать объяснение «беловоротничковой» преступности.

Несмотря на то, что понятие *преступления* объединяет в себе самые разнообразные варианты поведения, я позволю себе утверждать, что между различными видами преступлений достаточно много сходства, а отсюда возможно их общее толкование. Однако сходство отнюдь не присуще природе этих несопоставимых друг с другом действий. Оно возникает на основании того факта, что преступление, какую бы форму оно ни принимало, является таким видом поведения, который, в отличие от большинства других действий, вызывает в обществе негативную реакцию и за которым такая реакция устойчиво закреплена. Люди, совершающие преступления, не могут продолжать совершать их, не осознавая установленного в обществе порицания, которое вызывают их действия. В отличие от сторонников *теории ярлыков (стигматизации)* я, таким образом, придерживаюсь той точки зрения, что преступление — это именно *качественная характеристика действия*, при этом разница между *поведением* и *действием* заключается в том, что поведение — не более чем физический процесс, действие же всегда имеет социально заданное значение. «Осознание того, что действие является отклонением от социальной нормы, в корне изменяет природу совершаемого относительно этого действия выбора» (Taylor *et al*, 1973: 147).

Считается, что нет никакого отклонения от нормы в том, чтобы, используя шприц, ввести себе в вену наркотическое средство, потому что врачи в больнице делают это каждый день. Девиантное поведение — это лишь поведение, которое сами люди обозначили как девиантное. Насколько бы произвольным ни был процесс такого обозначения, именно тот факт, что преступник сам выбирает тип поведения, зная, как это поведение может быть обозначено, и отличает преступный выбор от любого другого. В природе такого выбора заложено заведомое неповиновение нормам, что и делает его отличным от других социальных действий.

Джимми и Джонни находятся лицом к лицу с возможностью совершить преступление: перед ними незапертая машина. Рассматривая эту возможность, Джонни начинает чувствовать угрызения совести. Он думает о том, какое чувство стыда будет испытывать его мать, если его задержат, и, в конце концов, отступает. Джимми, наоборот, не пасует, угоняет машину и оказывается достаточно невезучим, потому что его ловят. Он предстает перед судом, сознается в совершенном преступлении, ему выносят приговор, о чем потом сообщается в местной газете. В

этой ситуации Джимми, Джонни, мать Джонни, судья и читатели этой газеты едины в убеждении относительно того, что является преступлением и какими полномочиями обладает суд в отношении задержанных преступников. Единственная возможность, чтобы все эти взаимодействия имели смысл для участников ситуации, заключается в наличии у них общего взгляда на определенные институциональные порядки — в данном случае на уголовное право и систему уголовной юстиции. Критически важным моментом оказывается то, что все они, взывая к институционально установленному порядку, помогают его воспроизведению. Джимми и Джонни, их родственники, задержавшие их полицейские, судья — все воспринимают уголовное право и систему уголовного правосудия как «реальные» понятия, позволяющие классифицировать действия Джимми. Эти понятия являются официально установленными отношениями, которые, с одной стороны, регулируют и определяют общение граждан с полицией и судом, а с другой стороны — конституируются тем набором интеракций, через которые прошел Джимми. Уголовное право и система уголовной юстиции «реальны» как раз потому, что бесчисленное множество людей, подобных задействованным в данной ситуации, воспринимают их как реальные и воспроизводят посредством подобных взаимодействий.

Полагаю, что утверждение У. А. Томаса (Thomas, 1951:81) о том, что если участники ситуаций «определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям», не совсем верно. Это знаменитое изречение исходит из того, что такое явление, как преступление, может быть нереальным, однако оно может оборачиваться определенными последствиями, если люди определяют его как реальную ситуацию. Скорее, все происходит по-другому: преступление воспроизводится как некая реальность неоднократным повторением последовательности действий, подобных действиям Джимми и Джонни. Точно так же, стыд, совесть, власть и полномочия полиции и суда — то, что удержало Джонни, но не Джимми, являются структурными и психологическими сдерживающими факторами, которые, в свою очередь, воспроизводятся теми же взаимодействиями, что и собственно *преступление*. Таким образом, социальные структуры, такие как *система уголовной юстиции*, являются и источником, благодаря которому для действующих лиц их действия обретают смысл, и одновременно продуктом этих действий. Социальная структура воспроизводится как объективная реальность, частично сдерживающая те самые действия, которые ее конституируют (Giddens, 1984).

Теория любой совокупности *X* останется лишь несостоятельной идеей, если заранее не предполагается, как это определяет Филип Петти (Philip Pettit, pers. comm., 1986), объясняемость *X*. Для того чтобы поддаваться объяснению, совокупность предметов *X* не обязательно должна быть абсолютно однородным классом, но однородным лишь в той мере, чтобы любой предмет или большинство предметов из *X* попадали под влияние одних и тех же причинных связей. Невозможно выяснить, подлежит ли объяснению какой-либо класс действий в отсутствии развитой теории этого класса. Изначально жирафы, клевер и тритоны могут показаться гетерогенным классом, но теория эволюции убедительно доказывает

обратное. От общей теории вовсе не требуется объяснение всех вариаций для всех типов случаев, но лишь объяснение некоторых вариаций для всех типов случаев.

Однородность, которая имеется в виду в данной теории, охватывающей такие несопоставимые типы преступлений, как изнасилование и кража, заключается в том, что и то и другое является следствием выбора, совершаемого преступником, осознающим, что он бросает вызов обществу и выбирает преступную возможность, которая всеми воспринимается как преступная. В конце второй главы специально подчеркнуто, что почти в каждом обществе существует почти абсолютное единство мнений в отношении большинства норм уголовного права. Однако есть небольшое количество уголовных законов, которые не всеми рассматриваются как оправданные и справедливые. Это — законы, запрещающие курение марихуаны в либерально-демократических странах, или законы, позволяющие классифицировать некоторые действия как политические преступления против государства, в странах коммунистических. Нарушение подобных законов *теория воссоединяющего стыда*, безусловно, не рассматривает. В демократических странах действия, которые не всеми воспринимаются как уголовно наказуемые, — это так называемые преступления без жертвы. Оговоримся сразу, что мы будем оценивать уровень преступности, основываясь только на насильственно-хищнических преступлениях³ против личности и собственности (Braithwaite, 1979: 10-16).

Если осознание преступности деяния в корне меняет природу выбора, совершаемого относительно этого деяния, то ключ к универсальному объяснению преступлений лежит в определении тех факторов, которые влияют на способность некоторых индивидуумов и коллективов отвергать, игнорировать или поддерживать институализированное в культуре *порицание*, вызываемое преступлением. Настоящая концепция как раз и выделяет ключевой в этом отношении фактор — своего рода вид неформальной социальной поддержки институализированному порицанию, содержащемуся в уголовном праве. Этот фактор — *стыд*.

В противовес утверждениям сторонников *теории ярлыков*, мы полагаем, что внушение чувства стыда правонарушителям — непереносимое условие низкого уровня преступности. Однако внушение чувства стыда может иметь и обратный эффект в том случае, если это чувство отчуждает, а не является воссоединяющим. Чувство стыда контрпродуктивно, если подталкивает людей в тиски криминальных субкультур. Стыд становится средством предупреждения преступности тогда, когда он, будучи мощным в своем проявлении, связан с ритуалами воссоединения преступника с сообществом законопослушных граждан. Позиция сторонников *теории ярлыков* не позволила им провести разграничение между двумя принципиально разными явлениями. Первое — это криминогенные последствия несмываемой, отчуждающей стигмы, которая распространяется на самого человека, а не на его правонарушение; второе — это влияние воссоединяющего стыда, который влечет за собой снижение преступности. Именно из-за

отсутствия разграничения этих двух моментов основные постулаты названной теории находят столь слабое подтверждение в эмпирических исследованиях.

Проницательные ученые-криминологи наверняка подвергнут мои формулировки сомнению. Брейтуэйт, скажут они, намеревается выстроить свою концепцию на двух противоположных теоретических традициях. Одна из них — *теория контроля*, которая, как и описанная здесь теория, отталкивается от модели консенсуса, согласно которой в обществе в основном существует единодушие в определении преступного поведения и в его осуждении. Вторая теория — *теория субкультур*, являясь *теорией диссенсуса (разногласия)*, подчеркивает, что разные социальные группы имеют различные ценностные установки и по-разному относятся к преступному поведению. Во второй главе я как раз и доказываю, что противоположность этих двух теорий была в значительной степени преувеличена в рамках теоретической дискуссии внутри самой криминологии. На самом деле, только радикальные формы *теории субкультур* несовместимы с *теорией контроля* и другими теориями, основанными на модели консенсуса.

Полагаю, что моя книга отнюдь не факел, с помощью которого я хочу предать огню существующие общие теории с тем, чтобы потом выстроить на этом пепелище новую теорию. Наоборот, я скорее пытаюсь нащупать как можно больше точек соприкосновения с предшественниками, что позволило бы интегрировать некоторые из основных теоретических традиций¹, пришедших к нам главным образом из американской социологической криминологии. Это — *теории контроля, субкультур, дифференцированной ассоциации, напряжения*, и в том числе *теория ярлыков*. Основой для синтеза этих потенциально несовместимых трактовок преступности станет введение в криминологическую теорию недостающего, но жизненно важного элемента, а именно элемента *воссоединяющего стыда*.

Названные мной здесь теории в 70-е годы находились под огнем всесторонней критики «новых» криминологов. Сегодня они подвергаются нападкам со стороны проповедников «неоклассицизма» в криминологии. Я утверждаю, что вышеперечисленные теории 50-х и 60-х годов выдержали атаку критически настроенных криминологов 70-х годов и криминологов-неоклассиков с гораздо большим успехом, чем мы склонны допускать, преподавая криминологию в наших учебных заведениях. Однако этот факт вовсе не отменяет ту значимость, которую несут в себе элементы, отсутствующие в указанных теориях среднего уровня.

Путь объединения этих теорий, в подтверждающие друг друга частные объяснения, не столь сложен, как это обычно представляют. Однако, если мы не пойдем по этому пути, мы останемся с криминологией, хуже которой просто быть не может. Далее мы поговорим о возрастающей опасности, связанной с тем, что криминология способна внести негативный вклад в развитие современного общества.

³ В оригинале predatory crime. Преступления, которые происходят по схеме «хищник-жертва». — Прим. перев.

Однако если мы отложим в сторону пессимистический анализ сегодняшнего состояния криминологии и обратимся к позитивному теоретическому наследию 50-х и 60-х, оставленному такими великими американскими криминологами, как Сазерленд, Кресси, Хирши, Клоуард и Олин, Альберт Коэн и Вольфганг, мы обнаружим мощный, эмпирически состоятельный фундамент для дальнейшего построения наших идей.

КРИМИНОЛОГИЯ КАК ПРИЧИНА ПРЕСТУПНОСТИ?

По крайней мере, половина наиболее влиятельных криминологов в мире — американцы. Я вовсе не хочу сказать, что раз в США столько криминологов, то и проблем с преступностью там значительно больше. Без сомнения, в США выделяются столь щедрые средства на криминологию потому, что в обществе существует убежденность в том, что это — неотъемлемая составляющая национальной реакции, направленной на снижение уровня преступности. И, тем не менее, я склонен задаваться вопросом: не является ли профессионализация исследований преступности частью более широкого явления, основная тенденция которого заключается скорее в том, чтобы ослабить, а не усилить социальную реакцию на преступность?

За последние десятилетия была создана целая индустрия экспорта криминологии из США. Представители уголовной юстиции в странах третьего мира привыкли осторожно шутить по поводу того, что американские криминологи получают финансовую помощь от консультантов ООН или из других зарубежных источников, для того чтобы иметь возможность донести свою мудрость до стран, которые справляются с проблемой преступности намного более эффективно, чем США. Есть причины опасаться, что в рамках этой «гуманитарной помощи» будет экспортирована не только американская криминология, но и американский уровень преступности.

Профессиональная криминология в большинстве своих разновидностей может негативно влиять на социальный климат, необходимый для эффективного контроля над преступностью, поскольку она различными способами способствует профессионализации, систематизации, академизации правосудия и его отделению от общества. В той степени, в которой общество верит, что «эксперты» способны предложить научное решение проблемы преступности, существует и опасность того, что граждане перестанут беспокоиться о своих обязательствах и забудут о том, что возможности по предотвращению преступлений по большей части находятся в их руках. Так, если я стал свидетелем преступления или узнал о том, что мой сосед нарушает закон, я, согласно этой точке зрения, не должен лезть не в свое дело, потому что есть профессионалы, которых мы называем полицией и которые по долгу службы обязаны решать эти проблемы. Если ребенок, по отношению к которому я испытываю чувство ответственности, отличается делинквентным поведением или перед моей общиной стоит проблема подростковых правонарушений, я могу полагать, что мне лучше забыть об этом и предоставить возможность разбираться в ситуации школьному психологу, в отличие от меня являющемуся профессионалом.

Но как именно криминология связана с этим процессом ослабления общинного контроля над преступностью? Для ответа на данный вопрос нам необходимо обратиться к трем основным традициям практических рекомендаций в сфере уголовной политики, которые родились внутри криминологии, а именно к *утилитарному, неоклассическому и либерально-разрешительному направлениям*.

В соответствии с *утилитарной традицией* при решении задачи снижения уровня преступности наиболее важным считается создание сдерживающих, реабилитационных и изолирующих стратегий. Криминологи, поддерживающие такого рода практические рекомендации, утверждают, что контроль над преступностью можно осуществлять с помощью науки. Это возможно, если работники уголовной юстиции назначают соответствующие наказания соответствующим людям за соответствующие преступления, а также если профессионалы-терапевты используют подходящие реабилитационные методики, или если одни работники уголовной юстиции «правильно» отбирают людей с тем, чтобы другие работники уголовной юстиции применили к ним определенные санкции. В свете утилитарной традиции политико-правовые рекомендации криминологов сводятся к тому, что для предупреждения преступности необходимо, чтобы профессионалы, пользуясь научными методами, играли в этом процессе главную роль, имея возможность принимать решения за общество.

Неоклассическое направление отвергает способность криминологии обеспечить умелое профессиональное руководство в процессе снижения уровня преступности. Однако это направление, в сущности, представляет собой другой тип профессионализации правосудия, предлагая профессионалам от юриспруденции систематизировать наказания таким образом, чтобы они в действительности отражали то, что заслуживает каждый обвиняемый. Представители этого направления особенно протестуют против неформального общинного решения проблем вне пределов уголовно-правовой системы. Полицейским нельзя предоставлять возможность по собственному усмотрению просто «отшлепать ребятишек в штанишках». Директора школ не должны заниматься серьезными уголовными преступлениями, пытаясь вместе с родителями решать проблемы юного правонарушителя. Если совершено серьезное преступление — это дело суда, который должен назначить заслуженную меру наказания. Для неоклассиков неформальный общинный контроль связан с опасностью как слишком большой строгости, так и слишком большой снисходительности со стороны тех, кто его осуществляет. Общинное правосудие непредсказуемо, противоречиво и несправедливо, утверждают сторонники этой точки зрения. Идеалом для них является профессиональная юстиция, задача которой заключается в том, чтобы систематически отмерять преступникам не больше и не меньше, но ровно такую меру наказания, какую они заслуживают.

Основа *либерально-разрешительного направления* практических рекомендаций — в уже упоминавшейся *теории ярлыков*. Один из ее основоположников, Беккер (Becker, 1963:9) утверждал, что

социально отклоняющееся поведение не является качественной характеристикой действия человека, скорее, оно есть следствие применения правил и санкций другими лицами по отношению к «нарушителю». Девиант — это тот, к кому данный ярлык удачно приклеили; девиантное поведение — это поведение, которое сами люди так обозначили.

Китсьюз (Kitsuse, 1962: 253), еще один сторонник теории ярлыков, выразил это следующим образом:

Сами по себе формы поведения отнюдь не отличают человека, чье поведение отклоняется от социальных норм, от законопослушного гражданина. Какое поведение считать девиантным, определяют в зависимости от реакции на него социально конформных людей, трактующих это поведение как девиантное и тем самым превращающих этих нарушителей в преступников.

Теория ярлыков сыграла важную роль в развитии криминологии как эмпирической науки, поскольку для ее авторов характерно внимательное и социально причастное отношение к преступнику. До момента возникновения этой теории позитивистская криминология рассматривала преступника как человека, полностью находящегося во власти детерминизма. Теория ярлыков многим открыла глаза на те возможности выбора, определения своей судьбы, которые существуют у преступников. По-своему эта теория рассматривала и вопрос о том, как мир поступает с преступниками, и о том, как они поступают с миром. Причем эта интерпретация зачастую расходилась с официальной версией, которую позитивистская криминология даже не подвергала сомнению. Практическим выводом, возникшим из такого причастного отношения к преступникам, был обращенный к обществу призыв к терпимости и пониманию, стремление увидеть в преступившем закон не грешника, но человека, против которого также согрешили. Другим практическим выводом сторонников *теории ярлыков* было предложение оставить делинквентов в покое и рассматривать делинквентное поведение «просто как часть взросления». Хотя, с одной стороны, обществу было полезно прийти к пониманию того, что преступник — это в некотором смысле жертва чужих грехов, но, с другой стороны, приверженцы подобных взглядов полагали, что община не должна вмешиваться в то, что ее не касается. Естественно, подразумевалось, что и юристам не следует лезть в дела преступников. Таким образом, если посыл сторонников утилитарной и неоклассической традиций заключался в том, что местные сообщества не должны вовлекаться в процесс контроля над преступностью, поскольку существуют профессионалы, способные этим заниматься, то либерально-разрешительное направление в криминологии предлагало и сообществам, и профессионалам избрать путь «радикального невмешательства» (Schur, 1973).

Если теория, изложенная в этой книге, верна, то практические рекомендации, предложенные этими основными направлениями криминологии и заключающиеся в нейтрализации роли сообществ в предупреждении преступности, на самом деле лишь способствуют ее росту. Контроль над преступностью наиболее эффективен в том случае, когда эту задачу реализуют в первую очередь члены сообщества, пытаясь воздействовать на преступника — устыдить его, а затем всесторонне участвуя в его реинтеграции в местное законопослушное общество. Низкий уровень преступности наблюдается в тех обществах, где люди не стремятся «заниматься каждый своим делом», где терпимость к поведенческим отклонениям имеет определенные пределы и где местное сообщество предпочитает самостоятельно решать свои

проблемы с преступностью, а не взваливать их на профессионалов. Говоря все это, я вовсе не предлагаю заменить «власть закона» на «власть человека». Я лишь утверждаю, что если к решению проблемы преступности и исправлению нравов не будет привлечено местное сообщество, то власть закона сведется к бессмысленному набору процедур и санкций, которые в глазах людей будут иметь произвольный характер.

Существует также и четвертое, довольно известное направление политико-правовых практических рекомендаций, в отличие от трех вышеупомянутых не предлагающее вносить изменения в систему уголовной юстиции. Это направление представлено марксистами, которые видят в разрушении капитализма путь к обществу без преступников, или, по крайней мере, к обществу с более низким уровнем преступности. В следующей главе я буду говорить о еще одних приверженцах этого направления. Это — сторонники *теории возможностей*, рассматривающие коренные структурные изменения (большей частью в системе классового неравенства) как способ снижения уровня преступности. Однако, как ни печально, практические рекомендации криминологов воспринимаются серьезно только в том случае, если они направлены на уголовно-правовую систему. В связи с этим четвертое направление не оказало сколько-нибудь значительного влияния на ход событий. Так что миру еще предстоит увидеть социалистическую революцию, вдохновленную идеей уничтожения преступности. Я сам, будучи членом Австралийского совета по экономическому планированию, в течение четырех лет ожидал услышать, но так и не услышал прямо высказанной мысли относительно того, что критика того или иного уголовно-политического курса не оказывает влияния на преступность. Ничего из вышесказанного не отрицает того факта, что от криминологов действительно исходили весьма важные практические советы и рекомендации для уголовной политики. Я уделяю этому определенное внимание в девятой и десятых главах. Возможно, все это является свидетельством того, что криминология внесла скорее позитивный, чем негативный вклад в осуществление контроля над преступностью. Но выяснить это мы так никогда и не сможем. Я лишь утверждаю, что если моя теория верна, то эти три основные направления практических рекомендаций могут оказаться контрпродуктивными.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В криминологии существует тенденция рассматривать преступника как довольно пассивное существо. Считается, что криминальное поведение детерминировано влиянием биологических, психологических и социально-структурных факторов, которые сам преступник способен контролировать лишь в незначительной степени. Напротив, в рамках теории *воссоединяющего стыда* преступник рассматривается как автономно-действующий субъект. Согласно этой теории,

преступник в связи с оказываемым общественным давлением и возникающим в связи с ним чувством стыда стоит перед возможностью выбора: совершить преступление, присоединиться к субкультуре, идентифицировать себя с девиантной ролью, вернуться в общество, ответить на попытки других вернуть его в общество.

Наличие общественного давления в некотором смысле указывает на ограниченность выбора, но в любом случае выбор остается выбором. Это особенно верно, поскольку теория *воссоединяющего стыда* объясняет законопослушность как следствие убеждающих и объясняющих, а отнюдь не репрессивных возможностей социального контроля. Внушение чувства стыда я считаю инструментом, с помощью которого можно убедить граждан в соблюдении норм уголовного права, вызвать у них заинтересованность в законопослушном образе жизни. Попытки *устыдить* — это средство убеждения и увещевания, с помощью которого человеку можно объяснить, какой вред он наносит своим поведением. Но, в конечном счете, гражданин свободен в своем волеизъявлении и может отвергнуть эти попытки вразумить его посредством общественного неодобрения и порицания.

Ирония заключается в том, что, согласно моей точке зрения, вразумляющий социальный контроль — гораздо более эффективное средство обеспечения законопослушности граждан, чем контроль репрессивный, карательный. В соответствии с любыми нравственными мерками криминальное поведение наносит неоспоримый вред, и по этому поводу в обществе существует единодушие большинства граждан. Поэтому декларации, основанные на вере в возможность человека сделать правильный выбор, как правило, вызывают более положительную реакцию, чем репрессивные меры, в основе которых унижающее личность представление о человеке как безнравственном, расчетливом существе. Культура, преисполненная высоких нравственных требований и публично об этих требованиях заявляющая, обеспечивает более действенный контроль за нарушением норм, чем культура, которая воспринимает контроль только как причинение боли своим «оступившимся чадам».

Не столько действия человека детерминированы общественным давлением, сколько сам человек в условиях этого давления выбирает, как ему действовать. Вдобавок к эпистемологическому обоснованию этого факта, возникает еще и эмпирическое обоснование: поучения и наставления, после которых полномочия остаются в руках гражданина, будут оказывать значительно больший эффект, причем в долгосрочной перспективе, чем политика, стремящаяся посредством репрессивного контроля лишить гражданина таких полномочий. Эпистемологическое и эмпирическое суждения, в свою очередь, связаны с нормативным: смещение баланса социального контроля от карательных мер к вразумлению, безусловно, является позитивным моментом. Традиция соотнесения эмпирического утверждения о том, что репрессивный контроль не действует, и нормативного утверждения, что он по сути своей плох и неверен, ведет свое начало, по крайней мере, от Дюркгейма:

Для того чтобы передать идеи и чувства, их необязательно выражать через... неподобающее проявление силы. На самом деле подобные наказания — свидетельство весьма серьезного нравственного изъятия. Они оскорбляют чувство, лежащее в основе нашей морали, религиозное уважение, которого достойно каждое человеческое существо. В силу этого уважения любое насилие, осуществляемое по отношению к человеку, представляется нам в принципе кощунством. В избиении, в любого рода жестокости мы видим нечто отталкивающее, вызывающее у нас отвращение, — другими словами, безнравственное. Так вот, защищать нравственность при помощи способов, отвергаемых ею, — это в высшей степени необычный способ защиты нравственности. Такой способ ослабляет те чувства, которые одновременно стремится укрепить.

(Durkheim, 1961: 182)

Так, внушение *чувства стыда* трактуется нами как средство сделать граждан активно ответственными путем сообщения им о том, какое оправданное негодование испытывают другие граждане в отношении криминального поведения, приносящего вред обществу. На практике попытки устыдить непременно ограничивают свободу человека, может быть, еще в большей степени, чем уголовная репрессия. Но это ограничение происходит путем сообщения нравственных требований, игнорируя которые, человек может ожидать вполне законного отвращения со стороны других граждан. Другими словами, стыд — это путь к законопослушанию, являющемуся следствием свободного выбора, в то время как репрессивный социальный контроль — это путь к законопослушанию принудительному. Репрессивный социальный контроль посредством, например, тюремного заключения, налагает рамки на свободу личности, насильно ограничивая нас в праве выбора. «Вразумляющий» социальный контроль ограничивает нашу свободу, заставляя нас осознать, что нельзя считать себя нравственным человеком, если при совершении выбора учитывать только собственные интересы. Нам внушают *чувство стыда*, когда мы утверждаем свободу собственной личности таким образом, что это нарушает свободу других.

Согласно теории осуществления социального контроля посредством «морального воспитания» обвиняемый должен быть поставлен в такое положение, когда ему нужно либо доказывать свою невиновность, либо признавать собственную вину и раскаиваться в содеянном, либо оспаривать легитимность тех норм, в нарушении которых его обвиняют. Ее сторонники выступают против того, чтобы возможные вопросы о нравственной подоплеке данного преступления игнорировались с помощью «изоляции» обвиняемого. Тем самым эта теория в значительно большей степени, чем традиционные теории наказания, порождает гражданское неповиновение. *Теория морального воспитания* главную роль отводит выступлениям человека, в которых гласно ставится под сомнение справедливость нормативного порядка. Здесь человек принуждает государство «открыто, перед лицом всего остального общества, объяснить, почему его действия указывают на необходимость нравственного перевоспитания» (Hampton, 1984: 221). Представители же *теории удержания*, наоборот, сажая преступника под замок и исключая его контакт с обществом, с легкостью подавляют критику нормативного порядка и возможные нравственные контраргументы со стороны тех, кто задействован в ситуации.

У некоторых читателей *теория воссоединяющего стыда*, несомненно, разбудит призрак общества информаторов, доносчиков и контроля над мыслью, общества, в котором не терпят инакомыслия и нельзя отличаться от других. Действительно, внушение *чувства стыда* может способствовать возникновению такого общества. Андрей Синявский, выступая перед народным судом на своем процессе в 1966 г., сказал:

Так вот, я другой. Но я не отношу себя к врагам, я советский человек, и мои произведения — не вражеские произведения. В здешней наэлектризованной, фантастической атмосфере врагом может считаться всякий «другой» человек. Но это не объективный способ нахождения истины. А главное — я не знаю, зачем придумывать врагов, громоздить чудовища ...⁴

(Цит. по: Shoham, 1970:98)

Синявский высказывает две просьбы. Он просит, чтобы к нему не относились как к «чудовищу». (На языке моей теории, он просит, чтобы его не клеймили как врага.) Во-вторых, он утверждает, что его искусство никому не причиняет вреда, и поэтому к нему нужно относиться терпимо. Это вполне резонные просьбы. Человека нельзя наказывать или публично клеймить как преступника за поведение, которое не причиняет вреда другим гражданам. Но даже если такой вред нанесен, преступника нужно стыдить и наказывать, не забывая при этом о его достоинстве, не ставя на него клеймо чудовища и изгоя.

Внушение чувства стыда при выполнении этих двух требований отнюдь не будет проявлением деспотизма. Порицание, которое избегает клеймения и унижения человеческого достоинства, свидетельствует о высокой степени терпимости по отношению к поведению, не приносящему вреда другим. В либеральном обществе внушение чувства стыда применяется в качестве необходимой санкции для тех, кто действительно причиняет вред обществу, ограничивая тем самым свободу на социально приемлемые отклонения.

Общество, пренебрегающее необходимостью порицать за наносящее вред преступное поведение, подталкивает своих граждан к безнравственным посягательствам на свободу других. В девятой главе я пытаюсь доказать, что общества, которым не удается осуществлять неформальный социальный контрольⁱⁱⁱ внутри местных сообществ, семей, школ и других подобных групп, сталкиваются с отсутствием политического выбора. Для них существует единственная доступная возможность: прибегнуть к репрессивному контролю государства. Коммунитарные общества, с моей точки зрения, более свободны в выборе соотношения между формальным контролем государства и неформальным общинным контролем. Таким образом, действенное внушение чувства стыда внутри небольших сообществ расширяет возможности для ведения менее репрессивного курса уголовно-правовой политики. Как сказал Фейнберг, «сегодня мы предпочитаем не вмешиваться в процесс контроля над преступностью. В результате те, в чьи обязанности входит контроль над преступностью, все больше и больше вмешиваются в наши дела» (Feinberg, 1970, 240).

Стыд — игрушка довольно опасная. Если порицать жестко и деспотично, стыд можно использовать для создания унифицированного общества и установления контроля над мыслью. Если же вообще не порицать, можно развязать войну всех против каждого, создав тоталитарное государство и терпимость к ситуации, когда отдельные граждане посягают на права других. И каким бы образом мы ни играли, результат будет чрезвычайно важным. К счастью, не существует заранее заданного пути развития нашей игры.

⁴ В переводе цит. по: Синявский и Даниель на скамье подсудимых/Вступ. Ст. Эллен Замойской и Бориса Филиппова. — New York: Межд. Лит. Содружество, 1966. — С.115. — *Прим. перев.*

Существует разнообразие политических и собственно человеческих возможностей, в свете которых усилия по углублению нашего понимания действенной силы *чувства стыда* заслуживают и времени, и внимания.

ТЕОРИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАРИСОВКА

Для того чтобы сделать первый шаг на пути создания продуктивной *теории преступности*, нужно обдумать утверждение о том, что клеймение преступников лишь ухудшает дело. Однако это утверждение достаточно спорно. *Теория воссоединяющего стыда* — это попытка определить, при каких условиях оно верно, а при каких — нет. Есть разница между *стыдом клеймящим* и *стыдом воссоединяющим*: между тем, когда человека стыдят, пятная его позором, и тем, когда его вразумляют, внушая чувство стыда за совершенные проступки. Одно дело — способствовать появлению изгоев, утверждая за человеком статус преступника. И совсем другое — пристыдив, в конце концов, непременно простить, тем самым способствуя восстановлению социальных связей правонарушителя и его воссоединению с обществом. Внушение *воссоединяющего стыда* является средством предупреждения преступности; клеймение толкает правонарушителей в криминальные субкультуры.

Для дальнейшего углубления в тему необходимо осознать, что такие ученые, как Сазерленд, Крэсси и Глэйзер, давным-давно показали: преступность — это функция от пропорции представлений и оценок, благоприятных и неблагоприятных для преступления. Возможно, это звучит несколько тривиально, но именно этот постулат криминологи почему-то систематически забывают. Вот как высказался Дэниел Глэйзер, прочитав черновой экземпляр этой книги:

Что нам нужно, так это разработать и сделать операциональной в различных социальных контекстах теорию *точек перегиба* — людей и обстоятельств, при наличии которых конкретные виды клеймения и наказания смещают для граждан акценты от повиновения к неповиновению уголовно-правовым нормам и наоборот. Большая часть различий между исследователями делинквентного поведения на самом деле лишь отражает тот факт, что выборки, на которых они основывали свои исследования, находятся по разные стороны этой «точки перегиба». Хирши делал свои выводы, основываясь на случайной выборке — 75% учащихся средних школ, не отличавшихся, по преимуществу, делинквентным поведением, которые заполнили его анкету. А вот Шоу и МакКей, а также Мюррей и Кокс проводили исследования среди неоднократно подвергавшихся задержанию подростков, принадлежащих к делинквентным и криминальным бандам из трущобных районов с высоким уровнем преступности. Как слепые индусы из легенды, каждый ученый пытался делать обобщенные выводы, основываясь лишь на той части слона, к которой он прикасался.

В *теории воссоединяющего стыда* утверждается, что мы с полным правом можем вполне здраво рассуждать о криминальных субкультурах. И нам необходима такая теория, которая вступила бы в борьбу с плюрализмом нравственных, ценностных представлений, существующих в современном обществе. Теории, отрицающие это многообразие ценностных установок, такие, как, *теория контроля* Хирши, обладают одним серьезным недостатком. Он заключается в том, что подобные теории никак не объясняют, почему одни вышедшие из-под контроля общества индивиды становятся наркоманами-героинщиками, другие —

киллерами, а третьи — договариваются и искусственно вздувают цены на свою продукцию. В то же время необходимо признать, что уголовно-правовые нормы суть нравственные и ценностные установки преобладающего большинства граждан (если сравнивать с меньшинством субкультуры «героинщиков» или объединения бизнесменов-монополистов). В современных индустриальных обществах существует единство мнений относительно правильности законов, направленных на охрану нашей личности и собственности. (Такое единодушие может ослабевать, когда речь идет о преступлениях без жертвы.) Даже в большинстве криминальных субкультур безоговорочное отрицание уголовно-правовых норм отнюдь не транслируется. В них, скорее, транслируются средства, позволяющие рационально объяснить временное отклонение от приверженности этим нормам, — символические ресурсы, с помощью которых правонарушитель ограждает себя от чувства стыда.

Моя теория — это прежде всего теория насильственно-хищнических преступлений. Кто бы ни совершал эти преступления — подростки-правонарушители, уличные преступники или представители деловых кругов, — они являются нарушением уголовного закона, запрещающего одному человеку «охотиться» на другого. Общества, которым удается стыдить и порицать эффективно, могут более успешно предупреждать насильственно-хищнические преступления, поскольку чувство стыда, испытываемое в связи с совершением противоправных действий, преобладает там над чувством стыда, внушаемым (внутри субкультур) за следование уголовно-правовым нормам. Важно понять, что в тех областях жизни, где уголовное законодательство не является выражением нравственных представлений большинства, теория воссоединяющего стыда порой не в состоянии объяснить социально отклоняющееся поведение. Иначе говоря, теория оказывается абсолютно неадекватной в объяснении преступного поведения, не являющегося насильственно-хищническим. Речь идет, например, о гомосексуализме: даже в обществе, обладающем большим потенциалом для действенного внушения чувства стыда, если половина населения не считает необходимым криминализировать такого рода поведение, то порицание может быть направлено как на само правонарушение, так и на гомосексуалистов, которые не желают покидать общественные туалеты, и на тех, кто их притесняет. Теория *воссоединяющего стыда* не является универсальной теорией, поскольку ее возможности в объяснении преступности уменьшаются в той мере, в которой увеличивается разногласие (диссенсус) относительно того, какое поведение следует считать социально отклоняющимся, а какое — нет. Эта теория лучше всего подходит там, где существует явное единство мнений (консенсус), и, как мы уже говорили, это, прежде всего, касается насильственно-хищнических преступлений, в которых одна сторона становится жертвой другой стороны.

Если говорить об этой сфере преступлений, то, безусловно, верно, что криминальные субкультуры всегда образованы меньшинствами, однако в одних обществах существуют более широко распространенные и более жестокие субкультуры, чем в других. Скажем, все условия для формирования субкультур присутствуют в обществе, где угнетаемые расовые меньшинства заклеены и сегрегированы в гетто.

Теория воссоединяющего стыда постулирует, что последствием подобного клеймения является тяготение к криминальным субкультурам. Субкультуры предоставляют правонарушителю-изгою возможность

отвергнуть тех, кто отверг его, и сохранить тем самым, некоторое подобие самоуважения и собственного достоинства. Последствия действия воссоединяющего стыда, напротив, таковы, что криминальные субкультуры становятся для правонарушителя менее притягательными. Внушение чувства стыда, если оно не переходит в клеймение, является наиболее мощным орудием социального контроля. Формальное уголовное наказание в качестве орудия социального контроля неэффективно отчасти потому, что представляет собой по сути церемонию унижения, перспективы которой перерасти в клеймение, необычайно велики.

Таким образом, суть настоящей теории заключается в утверждении эффективности внушения воссоединяющего стыда и контрпродуктивности клеймения как средств контроля над преступностью. Вдобавок к этому, здесь определяются некоторые условия, которые необходимы для того, чтобы внушаемое чувство стыда оказалось наиболее действенным. Индивиды более восприимчивы к внушению в том случае, если их связывают многообразные отношения взаимозависимости; возможностью более эффективно внушать чувство стыда обладают общества, являющиеся коммунитарными. Такие переменные величины, как урбанизация и географическая мобильность, неразрывно связаны с коммунитарной структурой общества, в то время как пол и возраст — величины переменные, позволяющие предсказать личностную взаимозависимость (см. рис. 1).

Теперь необходимо прояснить, что именно было заимствованно из более ранних теорий для построения *теории воссоединяющего стыда*. *Взаимозависимость* — это понятие *теории контроля*; *клеймение* — термин, пришедший из *теории ярлыков*; в размышлениях о формировании субкультур я оперирую понятиями *теории возможностей*; субкультуры и их влияние — естественно, понятия, заимствованные из *теории субкультур*; а целостность теории соответствует образу мысли *теории когнитивного социального обучения*, а именно *концепции дифференцированной ассоциации*.

Поскольку мы планируем объединить элементы всех этих направлений в рамках единой теоретической конструкции, необходимо кратко изложить все имеющее отношение к нашей цели из того, что было написано прежде. Этому и посвящена следующая глава, в которой также доказывается верность предпосылки о том, что в современных обществах большинство людей считает насильственно-хищнические преступления несомненным злом. Читатели, которых не слишком интересует краткий обзор этих теорий и выявление их достоинств и недостатков, которые как раз и должны восполняться более обширной теоретической концепцией, из следующей главы могут прочитать лишь первый раздел о клеймении и заключение. В третьей главе коротко перечисляются факты — прочно устоявшиеся корреляты преступности, которым должна соответствовать теория преступности, для того чтобы быть достоверной. В ней также показано, что основные теоретические концепции, если их рассматривать в отрыве друг от друга, не дают устойчивого объяснения всех этих фактов. Не очень прилежные читатели могут пролистнуть и эту главу. В четвертой главе мы переходим к изложению собственно теории.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ: ТЕОРИИ ЯРЛЫКОВ, СУБКУЛЬТУР, КОНТРОЛЯ, ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ОБУЧЕНИЯ

В этой главе кратко описаны те криминологические теории, которые впоследствии будут важными элементами нашего анализа: *теории ярлыков, субкультур, контроля, возможностей и обучения*. Это — основные теоретические направления, которые дали импульс всем криминологическим исследованиям в XX веке. И я позволю себе утверждать, что названные теории не настолько противоречат друг другу, как считали их сторонники.

Для наглядности представим *логово Феджина*⁵ как своего рода карикатуру на криминальную субкультуру. *Теория контроля* необходима нам для того, чтобы подвести молодых правонарушителей к порогу криминальной субкультуры (первичное отклоняющееся поведение); *клеймение* (теория ярлыков)— для того, чтобы «открыть им дверь»; *теории субкультур и обучения* — для того, чтобы это логово оставалось для рецидивиста (вторичное отклонение) привлекательным местом, покидать которое ему было бы невыгодно; и, наконец, *теория возможностей* нужна для того, чтобы объяснить, каким образом возникают криминальные субкультуры. По этой схеме в *теории воссоединяющего стыда* происходит синтез основных теоретических традиций. Рис. 1 демонстрирует то, каким образом теория воссоединяющего стыда в качестве центрального связующего звена объединяет эти направления в объяснении феномена преступности.

ТЕОРИЯ ЯРЛЫКОВ

Старая социология... в значительной степени опиралась на идею о том, что социально отклоняющееся поведение влечет за собой социальный контроль. Я пришел к убеждению, что и обратная идея — социальный контроль приводит к девиантному поведению — является столь же здоровой и потенциально более богатой предпосылкой для исследования такого типа поведения в современном обществе.

(Lemert, 1967: v)

Эдвин Лемерт, Ховард Беккер, Джон Китсьюз, Эдвин Шур и другие противники приклеивания ярлыков склонны отрицать, что вообще существует такая вещь, как *теория ярлыков*. Они предпочитают считать себя теми, кто ввел несколько «заметных» понятий в оборот социологии преступности. В то же время их труды изобилуют детерминистскими заявлениями относительно того, как приклеивание ярлыков влияет на преступность. Но независимо от того, хотим мы называть эти собрания утверждений теорией или нет, они тем не менее являются предметом нашего анализа, и меня в первую очередь интересует их эмпирическая

⁵ Феджин — герой романа Диккенса «Оливер Твист». Ростовщик, скупщик краденного и содержатель притона. Феджин привязывает к себе детей и подростков, оказавшихся на дне Лондона, обучает их тонкостям ремесла

состоятельность, несмотря на то, что некоторых сторонников теории ярлыков этот вопрос не беспокоит вовсе.

Первым идеи *теории ярлыков* изложил Фрэнк Танненбаум в своей книге «Преступление и община»⁶ (1938):

Человек становится таким, каким его видят и соответственно характеризуют другие. И, видимо, неважно, выносит эту оценку тот, кто наказывает, или тот, кто перевоспитывает. В любом случае на поведении, вызывающем неодобрение, акцентируется внимание. Родители или полиция, старший брат или суд, инспектор службы пробации или учреждение для несовершеннолетних правонарушителей... Уже само их усердие вредит поставленной цели. Чем больше усилий они прилагают к тому, чтобы исправить зло, тем большее зло разрастается под влиянием их действий. Настойчивое внушение, даже с самыми добрыми намерениями, приносит вред, поскольку влечет за собой то негативное поведение, которое стремится подавить. Выход из этого замкнутого круга в том, чтобы перестать драматизировать зло. Чем меньше говорится о нем, тем лучше. И еще лучше, если больше говорится о чем-то другом.

(Tannenbaum, 1938:20)

Едва ли какое-нибудь высказывание может сильнее противоречить тому, что мы утверждаем в этой книге. Ведь мы, пусть и с некоторыми оговорками, приходим к мысли о том, что «чем больше говорится о преступлении, тем лучше». Общества с низким уровнем преступности — это как раз те общества, в которых «драматизируют зло». Однако любопытный анализ Танненбаума, преданный забвению на несколько десятилетий, стал крайне популярной и действительно доминирующей парадигмой в хрестоматиях по социально отклоняющемуся поведению (Sagarin and Montanio, 1976; см. также Cole, 1975). Появились книги с названиями типа «Радикальное невмешательство» (*Radical Non-Intervention*, Schur, 1973), в которых преступность несовершеннолетних рассматривалась «просто как часть взросления» и утверждалось, что, если мы оставим детей в покое, с ними не будет никаких проблем. Тейлор и его соавторы (Taylor *et al*, 1973:282) в завершающем абзаце наиболее влиятельной криминологической книги десятилетия пошли значительно дальше представителей *теории ярлыков*, заявив, что мы должны не просто перестать официально реагировать на преступность, но и отказаться от самого понятия преступления: «Задача заключается в том, чтобы создать общество, в котором проявления разнообразия индивидуумов, на каком бы уровне самых разных личностных, физических или социальных отклонений они ни проявлялись, не будут подвергаться криминализации».

Из чего же состоит процесс приклеивания ярлыков и почему считается, что он приводит к столь ужасным последствиям? Эриксон предполагает, что этот процесс проходит в три этапа:

Решение общины применить по отношению к человеку определенные санкции ... является ритуалом, обозначающим резкий переход, который сразу же лишает человека его обычного положения в обществе и закрепляет за ним отличительную девиантную роль.

карманника и т.п. Имя Феджина стало нарицательным — не просто человека криминального образа жизни, но человека сознательно проповедующего этот образ жизни и приобщающего к нему других — *Прим. ред.*

⁶ Tannenbaum, Frank *Crime and the Community*

Ритуал, благодаря которому происходит такое изменение статуса, имеет, как правило, три связанные между собой фазы. Во-первых, обеспечивается встреча между подозреваемым в социально отклоняющемся поведении и представителями его общины (во время судебного процесса или психиатрического освидетельствования); во-вторых, выносится некоторое суждение о характере девиантности (вердикт или диагноз) и, наконец, происходит акт социального местоопределения, который предписывает человеку особую роль (заключенного или пациента), переопределяя его положение в обществе.

(Erikson, 1962:311)

Эриксон далее заявляет, что важной чертой такого рода ритуалов в нашей культуре является их необратимый характер. Причина этого заключается в том, что социальное отклонение становится важнейшей составляющей в определении статуса, которая доминирует над всеми остальными, в сущности, предопределяя то, как будут реагировать на человека окружающие. Но Эриксон не прав, заявляя, что этот процесс необратим: многие из тех, кто в молодости получил ярлык преступника, проститутки или наркомана, к среднему возрасту действительно распрощались с этим статусом, оставив его в далеком прошлом. С другой стороны, мы утверждаем (и это важнейшая концептуальная составляющая нашей теории), что в культурах, которые опираются на наказание, изоляцию и клеймение как на основные средства социального контроля, необратимость оказывается гораздо более серьезной проблемой, чем в культурах, которые характеризуются внушением *чувства воссоединяющего стыда*.

Как только человек получает девиантное клеймо, значение ярлыка как самореализующееся пророчество начинает сбываться, поскольку другие реагируют на этого человека как на преступника. Такой человек ощущает собственную маргинальность, его влечет к субкультурам, которые способны обеспечить поддержку для социально отклоняющегося поведения, он начинает прочно идентифицировать себя с преступной ролью. Этот человек испытывает чувство несправедливости от того, как обращаются с ним инстанции социального контроля; потеря репутации может еще больше способствовать его опусканию на «дно» общества, поскольку повлечет за собой трудности в получении легальных заработков. Далее социально отклоняющееся поведение становится способом существования, от которого уже трудно отказаться и которому внутри девиантных субкультур находится оправдание как необходимому — оборонительному — стилю жизни. Различия между позициями представителей *теории ярлыков* заключаются лишь в том, что они по-разному оценивают относительную значимость различных процессов, следствием которых является увеличение преступности. Кроме того, они по-разному определяют порядок, в котором эти процессы происходят.

Для нашей работы важно, что в любом из вариантов *теории ярлыков* подразумевается, что вследствие социального контроля преступник только укореняется во зле. Существуют ли эмпирические доказательства, поддерживающие это весьма прямолинейное утверждение? Титтл (Tittle, 1980) составил систематический обзор довольно ограниченного количества доступного в этой области материала. В исследованиях случаев наиболее сурового социального контроля он не нашел значительного подтверждения тому, что преступники, получившие более жесткое наказание и клеймо (например, тюремное заключение, а не условный срок), более склонны к рецидивам. Он подчеркнул также, что качественные исследования

доказывают: преступное поведение предшествует собственно приклеиванию ярлыков и клеймению. Элиот и др. (Eliot *et al.*, 1979: 20-1), а также Бокс (Box, 1980) пришли к аналогичному заключению:

Итак, шесть исследований определенным образом подтверждают точку зрения, что подростки, которые были задержаны, но не подверглись более жестким санкциям, действительно начинают совершать больше противоправных действий, более негативно воспринимать полицию, больше общаться со сверстниками-делинквентами, а также относиться к себе как к более серьезным правонарушителям (Ageton and Eliot, 1974; Farrington, 1977; Farrington, Osborn and West, 1978; Gold and Williams, 1969; Hirschi, 1969; Jensen, 1972; Klemke, 1978). С другой стороны, четыре исследования не подтверждают закономерность некоторых (или всех) этих выводов (Fisher, 1972; Fisher and Erikson, 1973; Foster, Dinitz and Reckless, 1972; Hepburn, 1977). Наконец, последнее исследование (McEachern, 1968) подтвердило одни из них и отвергло другие.

(Box, 1981:214)

Работы, последовавшие за обзором Титтла, практически не повлияли на заключение о том, что эмпирические данные не подтверждают влияние клеймения на преступность (см. обзор: Shoemaker, 1984:186-249, а также см.: Kwasniewski, 1984: 172-5). Недавнему исследованию Томаса и Бишоп (Thomas and Bishop, 1984), основанному на методе самоотчетов, не удалось подтвердить гипотезу о том, что применение санкций толкает людей к принятию того ярлыка, который на них навешивают. Однако результаты этого исследования, по крайней мере, в некоторой степени соответствуют утверждению, что применение санкций скорее увеличивает, чем уменьшает количество противоправных действий. Более убедительные доказательства последнего утверждения предоставило кембриджское лонгитюдное исследование делинквентности. Это исследование показало, что подростки мужского пола, задержанные и осужденные за правонарушение, начинают совершать правонарушения большей тяжести или совершают их более интенсивно в сравнении с теми, кто изначально отличался столь же делинквентным поведением, но избежал задержания (West and Farrington, 1977:162). Кембриджское исследование, вероятно, — наиболее убедительное эмпирическое подтверждение состоятельности идеи радикального невмешательства — той точки зрения, что несовершеннолетние правонарушители, которым «помогает» система ювенальной юстиции, изменяются в худшую сторону (см. также: McCord, 1978; Bazemore, 1985; Palmara *et al.*, 1986, но ср.: Junger and Junger, 1985, которым не удалось получить подобных результатов работая с выборкой в Нидерландах, а также Klein, 1986; Ray and Downes, 1986, которые получили результаты двоякого рода).

Едва ли следует удивляться тому, что эмпирические подтверждения связи процессов приклеивания ярлыков и роста преступности столь неоднозначны. Объяснения представителей *теории ярлыков*, относительно того, почему социально отклоняющееся поведение становится продуктом социального контроля, звучат довольно убедительно. Но в то же время существуют и достаточно веские аргументы, которые доказывают прямо противоположное. Так, стигма все же оказывает определенное сдерживающее влияние, большинство людей стремится избежать ее. Кроме того, у человека, получившего клеймо преступника, вовсе не обязательно появится девиантное самовосприятие: возможно, столкнувшись с неуважением других, он осознает свои проблемы (например, связанные с наркотиками) и необходимость в посторонней помощи. Он будет вынужден взглянуть на себя со стороны, и, возможно, ему не понравится то, что он увидит. А это, в свою очередь, может стать поводом к исправлению. И, хотя приклеивание ярлыков действительно приводит к криминогенному смещению в самоопределении человека, в его статусе

и поведении чаще, чем способствует отказу от преступлений, клеймение, тем не менее, может оказывать сдерживающее влияние на тех, кто становится свидетелем злоключений отверженного.

Допустим, что точка зрения сторонников *теории ярлыков* получит дальнейшее развитие в ряде тезисов, которые могут получить эмпирическое подтверждение. Тогда необходимо разработать стратегию, позволяющую спрогнозировать, при каких обстоятельствах приклеивание ярлыков будет контрпродуктивным и при каких оно действительно будет способствовать снижению уровня преступности.

Именно эту задачу и призвана выполнить теория, изложенная в этой книге. Внушение чувства стыда по воссоединяющей модели мы понимаем как приклеивание ярлыков, которое способно сократить преступность, жесткое же порицание, клеймение — как приклеивание ярлыков, порождающее ее. И дело вовсе не в том, что эмпирические данные опровергают основные постулаты *теории ярлыков*. Просто, стараясь дать агентам социального контроля, возможность «заметить и прочувствовать», что их усилия лишь ухудшают ситуацию, сторонники этой теории упустили из виду необходимость определить допустимые границы этого утверждения. В результате, революция, происшедшая в реакции общества на преступность в 60–70-е годы, принесла одновременно и значительную пользу, и несомненный вред. Она породила вполне оправданный цинизм по отношению к разнообразным реабилитационным и карательным мерам, которые сводились в основном к расширению сети соответствующих учреждений и не давали никакого повода верить в то, что с их помощью можно действительно снизить уровень преступности. В общественном сознании тех лет начала развиваться либеральная терпимость по отношению к разнообразным проявлениям человеческой натуры. Общество узнало об опасностях слишком рьяного реагирования на социально отклоняющееся поведение, которое может быть лишь временным явлением, если на нем не акцентировать внимание.

И все же взгляды, проповедуемые сторонниками *теории ярлыков*, породили одновременно и болезненный нигилизм, не предлагавший никаких рекомендаций относительно того, где должны находиться пределы терпимости к социальным отклонениям. В самом ли деле необходимо заклеить как преступника производителя лекарственных препаратов, подкупившего министра здравоохранения, для того чтобы тот наложил запрет на деятельность преуспевающей фармацевтической фирмы? Можно или нельзя считать преступником насильника? Пусть паника по поводу мелких правонарушений, совершаемых подростками, была чуть ли не грехом для либеральных сторонников *теории ярлыков*. Но посчитали бы они поводом для благодарственного молебна нравственную апатию в отношении сексуальных преступлений против женщин или преступлений «белых воротничков»?

Итак, *терпимость* к разнообразию, к непохожести индивидов, безусловно, необходима для того, чтобы избежать излишне сурового преследования за мелкие правонарушения, но в то же время именно *нетерпимость* является важнейшим элементом контроля над преступностью. Общество, пропитанное идеологией *теории ярлыков*, слишком безразлично к совершению серьезных преступлений, однако для того, чтобы бороться с преступностью, оно не должно оставаться в стороне. Обществу следует вмешиваться в подобные ситуации, но вмешиваться в коммунитарном смысле, нетерпимо относясь к преступности, внушая чувство стыда и одновременно прощая.

ТЕОРИЯ СУБКУЛЬТУР

Существует прочная связь между *теорией ярлыков* и *теорией субкультур*. Представители первой, в частности Беккер (Becker, 1963:38), считают возникновение субкультур частичным следствием того, что порождаемые обществом отверженные имеют общую судьбу и одинаковые проблемы. Эти изгои объединяются и создают девиантную субкультуру, обеспечивающую социальную поддержку для преступного поведения. Субкультура сочетает в себе определенное мировоззрение («в героине нет ничего плохого, если обращаться с ним разумно») и набор устоявшихся видов деятельности (употребление героина, торговля наркотиками, подкуп полиции).

Сторонники *теории субкультур* считают, что у преступного поведения, по сути, те же мотивировки, что и у поведения социально конформного, и прежде всего это желание оправдать ожидания значимых людей референтной группы. *Теории субкультур* во многом основываются на широко растиражированных данных о том, что люди, которые общаются с преступниками или более сильно привязаны к делинквентным сверстникам, с большой вероятностью сами могут оказаться вовлеченными в преступную деятельность⁷. В частности, в работе Эллиота и др. (Elliott *et al.*, 1985:85-9) есть ссылка на данные, которые доказывают, что дело вовсе не в том, что вначале происходит объединение по принципу «кулик кулика видит издалека», а именно в том, что общение с товарищами-правонарушителями предшествует учащению случаев совершения правонарушений (см. также Elliott *et al.*, 1979:16).

Наиболее влиятельные из *теорий субкультур* описывают ментальную атмосферу нижних слоев общества как среду, порождающую мужскую преступность (Cohen, 1955; Miller, 1958), однако известны и другие направления, изучающие криминогенные культуры, которые существуют внутри корпоративных структур и способствуют появлению «беловоротничковой» преступности (Cressey, 1976). Наблюдая за поведением банд, состоящих из представителей низших слоев общества, Миллер (1958), в частности, заключил, что «храбрость и твердость характера», «находчивость», «поиск острых ощущений и эмоционального напряжения» и «личная независимость» являются фокальными ценностями в системе ценностей низшего класса. Первопричина групповой делинквентности заключается в попытке воплотить в действие эти ценностные установки, удовлетворив тем самым собственные интересы.

Исследуя официально зарегистрированную преступность, Миллер полагает, что классовые различия объясняются существованием двух монолитных систем ценностей — среднего и низшего класса. Матца и Сайкс (Matza and Sykes, 1961) указывают на то, что основные интересы низшего класса, выделенные Миллером, фактически совпадают с вполне достойными жизненными целями среднего класса. *Кураж, легкие деньги и предприимчивость* суть ценности, равнозначные миллеровским *храбрости и*

⁷ См.: Gluek and Gluek, 1950; Short, 1957; Reiss and Rhodes, 1964; Voss, 1964; Erickson and Empey, 1965; Hardt and Peterson, 1968; Jensen, 1972b; Hindelang, 1973; Kandel, 1973; Elliott and Voss, 1974; Krohn, 1974; Conger, 1976; Jensen and Eve, 1976; Hepburn, 1977a; Rankin, 1977; West and Farrington, 1977; Kandel *et al.*, 1978; Akers *et al.*, 1979; Aultman,

твёрдости характера, находчивости и поиску острых ощущений. Так, храбрость и твёрдость характера могут быть одновременно направлены на то, чтобы спасти жизни и убивать. Сазерленд и Кресси утверждают (Sutherland and Cressey, 1978:82): «Несмотря на то, что преступное поведение является выражением общих потребностей и ценностей, его невозможно объяснить исключительно с их помощью, поскольку непреступное поведение есть выражение тех же самых потребностей и ценностей».

Альберт Козн (Cohen, 1955) предваряет свою *теорию подростковой преступности* рассуждением о том, что мальчики как из низшего, так и из среднего класса начинают обучение в школе с преследования традиционных целей, связанных с успехом. Но, поскольку для достижения успеха в школе подросткам из низших слоев требуется больше усилий — они «экипированы» значительно хуже, чем их сверстники из среднего слоя, больше мальчиков из низшего слоя терпит неудачу с приобретением должного статуса в школьной иерархической лестнице. Эта неудача порождает чувство стыда и вины, а также, вероятно, обиду и некоторую горечь.

Потерпев неудачу, подросток стремится найти какое-либо решение проблемы со статусом. И он находит его совместно с другими учениками, которых школа отвергла подобным же образом. Отверженные объединяются и создают собственную систему статусов, ценности которой являются полной противоположностью ценностям, господствующим в школе (презрение (а не уважение) к властям и собственности, немедленное удовлетворение желаний (а не контроль над импульсами), азартная смелость (а не контроль над физической агрессивностью). Поведение делинквентного подростка соответствует нормам субкультуры именно потому, что оно не соответствует нормам школы. Примыкая к делинквентной субкультуре, плохо успевающие ученики обретают возможность улучшить собственную самооценку, отвергая ценности тех, кто отверг их самих. Проблемы подростка, связанные с получением статуса, решаются путем создания новой системы статусов, в которой ему гарантирован определенный успех.

В настоящее время имеются веские эмпирические доказательства того, что ни большинство представителей низшего класса, ни большинство подростков-делинквентов не исповедуют ценности, которые Миллер и другие определили как наиболее значимые на основании своих *ex post facto* толкований поведения подростковых банд. Данные показали также, что представители низшего класса исповедуют эти ценности не чаще, чем представители среднего класса. При наличии действительно изолированной системы ценностей, которую поддерживает достаточно большое количество делинквентов, выбор именно этой системы ценностей никак не связан с классовой принадлежностью. Таким образом, влияние классовых различий на формирование систем ценностей, способствующих возникновению преступности, нельзя рассматривать, например, в качестве объяснения более высокого уровня преступности среди молодежи, принадлежащей к низшим слоям общества (Braithwaite and Braithwaite, 1981). Кроме почти тривиального утверждения о том, что делинквенты в своих взглядах более терпимы к преступности, чем остальное общество, мы, основываясь на эмпирических данных, вряд ли можем с уверенностью сказать что-либо еще о связи между ценностными

ориентирами и преступностью (Kornhauser, 1978: 214-44; Braithwaite and Braithwaite, 1981). Даже люди, неоднократно совершавшие правонарушения, традиционные жизненные достижения оценивают выше, чем «успехи» в нарушении закона (Short, 1964; Short and Strodbeck, 1965; Short *et al.*, 1965; Lerman, 1968).

Поиск широко распространенных субкультурных различий в современных западных обществах с целью обнаружить причину структурных различий в уровнях преступности не оказался плодотворным. Но это вовсе не означает, что в обществе не существует бесконечного разнообразия субкультурных систем ценностей, отличных от доминирующей системы. Просто эти системы недостаточно стабильны для того, чтобы последовательно находить свое подтверждение в широкомасштабных исследованиях ценностей. Возможно, действительно существуют банды, которые своим существованием подтверждают идею Миллера об «основных интересах», или такие, в которых можно наблюдать «формирование реакции», по Коэну. Но, что, вероятно, более важно, есть большое количество подростков, которые сохраняют лояльность по отношению к ценностям школы и одновременно к противостоящей школьным ценностям субкультуре:

В современном обществе существует бесчисленное количество систем статусов, которые не вступают в борьбу друг с другом; принятие одной из них не требует отречения от остальных. В частности, ученики, которые не отвергают систему ценностей своих родителей и школьных работников, но и не достигают успеха в ее рамках, из прагматических соображений вполне могут избрать для себя в качестве «второстепенной» альтернативы систему ценностей делинквентной субкультуры (в смысле, придаваемом этому понятию Матцой (1964).

(Greenberg, 1977:203)

Даунс (Downes, 1966) в своих исследованиях, посвященных делинквентным подросткам в Степни и Попларе, выявил, что типичным последствием неудачи является не козновское «формирование реакции», но «отмежевание». Для таких подростков более характерно не переворачивать школьные ценности с ног на голову, а просто переставать проявлять интерес к школьным делам. Бокс (Box, 1981: 107-8) также делает предположение о том, что у подростков из низших слоев общества все-таки не возникает «реакции отрицания»: да, они не всегда глубоко усваивают и принимают как собственные статусные критерии школы, и, тем не менее, они «не могут оставаться безразличными к этим критериям».

Переменную величину, характеризующую взаимосвязь между неудачей в системе статусов и делинквентностью, Матца (Matza, 1964) называет делинквентным дрейфом. Делинквентный подросток принадлежит к субкультуре, которая *допускает* совершение правонарушений, хотя и *не требует* этого в обязательном порядке.

Делинквентный подросток отнюдь не вынужден и не обязан совершать противоправные действия, равно, как он не свободен делать выбор в их отношении; он практически ни на поверхностном, ни на более глубоком уровне не отличается от законопослушных людей и в то же время не является таким же, как они. ... Он не связан обязательствами ни с обычным, ни с преступным образом жизни. Такой подросток существует в переходном состоянии между социальной конформностью и преступлением, поочередно отвечая

требованиям одного из них, вовлекаясь то в одно, то в другое, но избегая брать на себя обязательства, откладывая принятие окончательного решения. Таким образом, он смещается («дрейфует») в сторону то преступных, то конформных деяний.

(Matza, 1964: 28)

Этот дрейф может быть вызван неудачей с приобретением статуса в системе «большого общества». Наиболее значимой характеристикой подобной неудачи является бессилие: «Подросток чувствует, что им помыкают, и это вызывает у него настроения фатализма. Он чувствует, что от него ничего не зависит. Такие условия способствуют тому, что подросток становится безответственным» (Matza, 1964: 89). Чувство бессилия становится особенно острым, когда подростком «помыкают» наиболее несправедливым или деспотичным, с его точки зрения, образом. Ощущение совершающейся по отношению к нему несправедливости может ликвидировать его моральные обязательства перед законом. «Делинквентная субкультура — это, помимо всего прочего, и банк памяти, в котором хранятся воспоминания о всевозможных несправедливостях» (Matza, 1964: 102). То же самое можно сказать и о «противленческих» субкультурах бизнесменов, ищущих пути обхода регулятивных норм или законов о налогах.

По мнению Сайкса и Матцы (Sykes and Matza, 1957), главными механизмами, обеспечивающими возможность «дрейфа», являются, согласно их терминологии, приемы нейтрализации. Вот пять основных типов таких приемов: 1) отрицание ответственности (например, «я был пьян»); 2) отрицание вреда («они могут себе это позволить»); 3) отрицание наличия жертвы (например, «мы никому не причиняли зла»); 4) отвержение тех, кто отвергает («да они сами жулики»); 5) мотивация случившегося более важными, чем нарушение закона, обязательствами («я должен был быть вместе со своими корешами»).

Подросток становится делинквентом, усваивая именно эти приемы, установки и ценности, прямо противоположные тем нравственным требованиям, которые существуют в доминирующем обществе.

(Sykes and Matza, 1957:668)

Вполне вероятно, что в современном обществе существуют субкультуры, для которых характерны *основные интересы* (Миллер), или *формирование реакции* (Коэн), или *отмежевание* (Даунс). Наверняка есть и такие, которым свойственны *неспособность оставаться безразличными к статусным критериям школы* (Бокс), или *дрейф и использование приемов нейтрализации* (Матца), или еще какой-нибудь другой способ из разнообразия вариантов культурной адаптации к состоянию социального отторжения. Результаты этнографических исследований делинквентности, не свидетельствуют о каких-либо закономерностях, связывающих различные с точки зрения этнографических характеристик субкультуры, а скорее описывает некое лоскутное одеяло субкультур. Исследования, проводимые при помощи более общих опросных методов, выявляют ту же пестроту, что говорит о полном отсутствии каких-либо данных о существовании *одной общей* делинквентной субкультуры или *одной* субкультуры низших слоев общества, которые последовательны в своем отличии от доминирующей культуры.

Нельзя сказать, что криминальных субкультур не существуют, или их существование не имеет значения. Итальянская мафия, британские бритоголовые, японские ямагучи гуми, американские «ангелы ада», индийские банжары, новозеландская «банда дворняжек», китайские «триады», новогвинейские мошенники — все эти подвергающиеся общественному гонению группировки, несомненно, играют весьма существенную роль в трансляции криминальных субкультур. Нет нужды предаваться глубокому размышлению, чтобы заметить в обществе самые разнообразные субкультуры, связанные с употреблением наркотиков, или группы, в которых культивируется криминальное поведение (например, банды по угону автомобилей или объединения уважаемых бизнесменов — представителей какой-либо промышленности, вступающие в сговор, чтобы установить цены в своей отрасли). Можно упомянуть еще и целую сеть посредников, которые ведут переговоры о взятках между продавцами и покупателями в таких отраслях, как аэрокосмическая промышленность, или сообщества консультантов по налогам и их клиентов, совместно решающих вопросы о том, как уклоняться от уплаты налогов (сюда включены также географически изолированные субкультуры на территориях, называемых «налоговым раем»).

Особое значение в нашем все более усложняющемся обществе приобретает знание того, каким образом преступить закон. Эти знания, по преимуществу, сохраняются и передаются посредством субкультур. Группы, транслирующие субкультуры, в большинстве своем не являются высокоорганизованными. Как правило, эти социальные объединения обладают аморфной и весьма хрупкой структурой. Отнюдь не организованные банды совершают большую часть противоправных действий, да и подростки, как правило, «работают» в группах из двух-трех человек (Zimrig, 1981). Опросы жертв преступлений показывают, что большая часть «взрослых» преступлений, включая «беловоротничковые», — это преступления, совершаемые в одиночку. Но осуществление даже таких преступлений зачастую становится возможным благодаря процессу обучения, который происходит внутри свободно структурированных групп, обеспечивающих для преступников-одиночек поддержку в виде социального одобрения, нейтрализации и передачи знаний относительно того, как нарушить закон (например, Braithwaite and Biles, 1984:49; ср. Reiss, 1980).

Таким образом, *криминальные субкультуры* — основополагающее понятие для нашего понимания преступности. *Концепция субкультуры* в криминологии получила несправедливый удар, поскольку эмпирические исследования не подтвердили выводов теории субкультур, которые претендовали на всеобщность и универсальность в определении способа и процесса формирования субкультур. Далеко не все делинквенты разделяют выявленные Миллером *основные интересы* субкультуры низших слоев общества, да и идея о *делинквентном дрейфе* и использовании большинством подростков-правонарушителей *приемов нейтрализации* не находит особо впечатляющего подтверждения (Schwendinger and Schwendinger, 1967; Hindelang, 1970, 1974; Austin, 1977; Minor, 1980; Ball, 1983, ср.: Aukers *et al*, 1979; Thurman, 1984; Agnew and Peters, 1986). Поскольку различные криминальные субкультуры порой абсолютно несопоставимы, теории преступности, во главу угла которых положено наличие субкультурных систем ценностей, поддерживаемых широкими массами, обречены на провал. Именно это с ними и произошло.

Тем не менее, *теория преступности* не может считаться адекватной, если она не в состоянии объяснить, каким образом знания относительно того, как организовать определенные виды преступлений и как нейтрализовать влияние моральных обязательств перед законом, передаются из поколения в поколение. Криминологическая теория должна предоставить и объяснение того, почему отдельные представители бизнеса находят рациональное обоснование выбросу отходов, но при этом приходят в ярость от незаконного распространения героина, точно так же, как и того, почему компания молодых людей видит в продаже героина безвредное занятие, но в то же время считает преступления против окружающей среды настоящим варварством. Именно *теория субкультур* способна дать объяснение того, почему бизнесмен выбирает один вид преступлений, а не другой.

Одна из величайших заслуг *теории ярлыков*, как мы увидели в предыдущем разделе, заключается в том, что ей удалось продемонстрировать, каким образом клеймение способствует формированию субкультур. Клеймение, вызывая отчуждение отверженных, толкает их к поиску себе подобных или, по крайней мере, заставляет ориентироваться на таких же отвергнутых доминирующей культурой. Объединение этих людей с общими личными целями объясняет появление большей части субкультур. Группа обеспечивает возможности, благодаря которым в интеракциях с другими людьми происходит своего рода утверждение в правильности, рациональности противоправных поступков, моделирование криминальных ситуаций и социальное обучение преступлению. Главную роль в обеспечении жизнеспособности субкультур играют девиантные группы, однако и люди, к этим группам никакого отношения не имеющие, могут испытывать на себе их прямое или косвенное влияние и играть свою роль в трансляции субкультурных механизмов и образцов поведения. Так, мать в бедном негритянском микрорайоне стремится к респектабельности и честности, но не способна полностью отвергнуть обоснования правильности, «рациональности» преступления, которые она постоянно слышит от членов местной воровской шайки. Как указал Кресси (Cressey, 1960:49), она может учить своего сына тому, что «честность — лучшая политика», и одновременно внушать ему, что, «если ты умираешь с голоду, не будет ничего плохого в том, что ты украдешь». Несмотря на всю свою добропорядочность, одобряя подобные установки, такая мать принимает участие в трансляции субкультуры, в передаче как преступных, так и не преступных установок.

Так же, как и в *теории ярлыков*, в моей *теории стигматизации и преступности*, клеймение становится криминогенным в той степени, в которой получившие клеймо вовлекаются в субкультуры или становятся подвержены их воздействию, получая, таким образом, социальную поддержку противоправным действиям. Клеймение само по себе является одним из факторов, способствующих созданию субкультур.

ТЕОРИЯ КОНТРОЛЯ

Согласно любой *теории контроля*, любой индивид испытывает множество соблазнов, влекущих его к выгодному преступному поведению. А поскольку таких соблазнов необычайно много, вопрос вовсе не в том, «почему человек это делает?», а в том, «почему он этого не делает?» Люди будут искать собственную

выгоду, и, следовательно, стремиться к преступлениям, если их не сдерживать или каким-то образом не контролировать.

Одна из привлекательных сторон *теорий контроля* заключается в том, что человек здесь не рассматривается как существо, поступки которого полностью детерминированы:

Подчеркивая безграничность человеческой природы и необходимость для власти предержащих в установленном институциональном порядке уговаривать, увещевать и убеждать своих членов вступить на путь законопослушания, теория контроля показывает, что если эта цель не достигнута, люди вольны действовать опытным путем по своему собственному усмотрению, и такие действия могут привести к поведению, которое власть предержащие обозначают ярлыком «девиантное». При этом вовсе не обязательно наличие каких-то конкретных обстоятельств для возникновения свободы в совершении социально отклоняющихся поступков; свобода выбора присутствует всегда как одна из человеческих возможностей.

(Box, 1981:132)

Развитие теории контроля стало возможным благодаря работам выдающихся авторов 50–60-х годов, начиная от Дюркгейма (Durkheim, 1950), Реклесса (Reckless, 1967) и кончая Рейссом (Reiss, 1951) и Хирши (Hirschi, 1969), но на сегодняшний день особенным влиянием пользуются работы последнего. Ключ к контролю над делинквентным поведением Хирши видел в социальных связях: если социальные связи не развиты или нарушены, многие члены сообщества сделают выбор в пользу противоправных действий, имеющих для них определенную выгоду. Социальные связи включают в себя четыре аспекта: привязанность, личные обязательства, ангажированность и убежденность. *Привязанность* — это эмоциональная близость, которую человек ощущает по отношению к другим людям, восприимчивость к их мнению, переживаниям и ожиданиям. *Приверженность* — это вклад, который накапливается в отношениях, рациональный компонент социальной связи, то, что человек ставит на карту, рискуя своей конформностью. *Ангажированность* связана с участием индивида в социально конформной деятельности и обозначает ту степень, в которой человек в нее вовлечен (установленные сроки, встречи, рабочие часы, проекты). *Убежденность* — это признание установленных в обществе норм и желание следовать им.

Конкретные социальные связи, значимость которых неоднократно подчеркивается в трудах по теории контроля, — это связи с семьей и школой, а также (что упоминается менее часто) с церковью. В настоящий момент существует значительный объем данных, подтверждающий тот факт, что сильная привязанность подростка к семье снижает вероятность делинквентного поведения⁸. В литературе также часто встречаются указания⁹ на взаимнооднозначное соответствие между раздробленными семьями и

⁸ См.: Glueck and Glueck, 1950; Nye, 1958; McCord *et al.*, 1959; Hirschi, 1969; Gold, 1970; Farrington, 1973; Hindelang, 1973; Elliott and Voss, 1974; Jensen and Eve, 1976; Hepburn, 1977a; Hirschi and Hindelang, 1977; Minor, 1977; Thomas and Hyman, 1978; Aultman, 1979; Hagan *et al.*, 1979; Poole and Regoli, 1979; Shover *et al.*, 1979; Box, 1981:127; Wiatrowski *et al.*, 1981; Canter, 1982; Gove and Crutchfield, 1982; Haskell and Yablonsky, 1982; Matsueda, 1982; Kaplan and Robbins, 1983; Menard and Morse, 1984; Agnew, 1985; Chapman, 1985; Elliott *et al.*, 1985; Junger and Junger, 1985; Liska and Reed, 1985; Patterson and Dishion, 1985; Riley and Shaw, 1985; но ср.: Johnson, 1979; Thompson *et al.*, 1984.

⁹ См.: Weeks and Smith, 1939; Carr-Saunders, 1942; Kvaraceus, 1945; Schulman, 1949; Glueck and Glueck, 1950; Ferguson, 1952; Monahan, 1957; Toby, 1957; McCord *et al.*, 1959; Gold, 1963; Slocum and Stone, 1963; Lunden, 1964; Banks, 1965;

противоправностью несовершеннолетних, однако высказываются и сомнения относительно устойчивости этого соотношения в случае должного контроля над другими переменными факторами (Wilkinson, 1974; Farnworth, 1984; Wilson and Herrnstein, 1985: 246-53). Привязанность подростков к родителям может быть очень сильной именно в неполных семьях, зачастую она оказывается даже сильнее, чем в несчастливых семьях, в которых супруги продолжают жить вместе (см. Nye, 1958), поэтому в данном случае *теория контроля* указывает на необязательность стойкой зависимости.

Исследования доказывают, что между привязанностью и преданностью школе или учителям и делинквентностью существует еще более прочная взаимосвязь, чем в случае семьи. Отмечается постоянная и сильная взаимозависимость между делинквентностью и такими факторами, как низкая успеваемость¹⁰, нелюбовь или незначительная привязанность к школе (например, Jensen and Eve, 1976; Thomas and Hyman, 1978; Johnson, 1979; Wiatrowski *et al*, 1981; Kaplan and Robbins, 1983; Agnew, 1985), а также между делинквентностью и слабыми образовательными устремлениями и невысоким уровнем карьерных амбиций (например, Gold, 1963; Hirschi, 1969; Fredericks and Molnar, 1969; Liska, 1971; Figueira-McDonough, 1984). Несмотря на то, что предположения о влиянии неуспеха в школе на делинквентное поведение были довольно последовательно подтверждены (Philips and Kelly, 1979), одно из недавних исследований показало, что скорее делинквентность влияет на степень привязанности к школе, чем наоборот (Liska and Reed, 1985).

Высказывалось также предположение, что корреляция между неуспехом в школе, привязанностью к ней и делинквентностью может являться ложной и скрывать за собой реальную причинную взаимосвязь между низкими умственными способностями и делинквентностью (Wilson and Herrnstein, 1985). На самом деле, связь «уровень интеллекта — делинквентность» фактически исчезает после того, как под строгий учет попадают такие переменные, как неудачи в учебе и привязанность к школе (Hirschi and Hindelang, 1977), да и зависимость «неудача в учебе — делинквентность» может быть объяснена институционализированной практикой приклеивания негативных социальных ярлыков (Menard and Morse, 1984, 1986; однако ср.: Harry and Minor, 1986).

Таким образом, для подростков, которые сильно привязаны к своей семье или школе, вероятность участия в противоправных действиях существенно ниже. *Теория контроля* довольно успешно объясняет наличие незначительных вариаций в делинквентном поведении. Тем не менее нельзя не задаваться вопросом относительно того, как сильно увеличились бы их число, если бы выразителям этой позиции удалось определить, какие конкретно действия людей, вызывающие социальную привязанность, сокращают делинквентность. Из работ в области возрастной психологии мы можем почерпнуть сведения о том, что родители в любящих семьях не всегда используют сильную привязанность, которую питают к ним их дети,

West, 1967, 1973; Douglas *et al.*, 1968; Bruce, 1970; Empey and Lubeck, 1971, Chilton and Markle, 1972; Datesman and Scarpitti, 1975; Rosen and Neilson, 1978; Wadsworth, 1979; Hamparian *et al.*, 1978; Elliott *et al.*, 1981; Haskell and Yablonsky, 1982.

¹⁰ См.: Sullenger, 1936; Kvaraceus, 1945; Glueck and Glueck, 1950; Toby and Toby, 1957; Gold, 1963; Lunden, 1964; Polk, 1965a, 1965b; Polk and Halferty, 1966; Schafer and Polk, 1967; Rhodes and Reiss, 1969; Fisher, 1970; Lanphier and Faulkner, 1970; Burns, 1971; Empey and Lubeck, 1971; Kelly, 1971; Kelly and Balch, 1971; Wolfgang *et al.*, 1972; Farrington, 1973; Frease, 1973; Gold and Mann, 1973; Hindelang, 1973; Mugishima and Matsumoto, 1973; Hassall, 1974; Phillips, 1974; Elliott and Voss, 1974; Jensen and Eve, 1976; Thomas *et al*, 1977; Offord *et al.*, 1978; Johnson, 1979; Jensen and Rojek, 1980; Figueira-McDonough, 1984; Hartstone and Hansen, 1984.

для установления действенного социального контроля. Любящие, но позволяющие себе попустительство семьи не слишком удачно справляются с задачей воспитания детей (Baumrind, 1971; Patterson, 1982, Hirschi, 1983; Chapman, 1985).

Итак, привязанность является необходимым, но недостаточным условием эффективного социального контроля. *Теория контроля* не дает адекватного ответа на вопрос: каким образом механизм привязанности воздействует на преступность? В данной книге мы пытаемся ответить на этот вопрос, полагая, что *привязанность и приверженность* (в нашей концепции — *взаимозависимость*) приводят к снижению уровня преступности в том случае, если их использовать в непосредственной связи с *воссоединяющим стыдом*.

Второй недостаток *теории контроля*, сформулированной Хирши, заключается в том, что

она абсолютно не принимает во внимание наиболее серьезные преступления в нашем обществе, а именно преступления власть имущих. Уотергейт, нарушение нефтяных санкций в Родезии, незаконная война в Юго-Восточной Азии, Великий электрический заговор, скандал с «убиением младенцев», вызванный продажей сухого детского молока в страны третьего мира, и так далее, *ad nauseam* — все это преступления, никак не связанные с такими понятиями, как привязанность к значимым людям или убежденность в моральном достоинстве нормативного поведения...

(Box, 1981:153)

Однако, если мы внесем в *теорию контроля* уточнение и поясним, что *привязанность и приверженность* предотвращают делинквентное поведение потому, что способствуют осуществлению неформальных процессов социального контроля, то, с помощью такого указания можно будет объяснить и «беловоротничковую» преступность, и противоправные поступки несовершеннолетних. Именно такой способностью и обладает, как мы утверждаем, внушение чувства стыда по *воссоединяющей модели*. Больше того, мы постулируем в нашей теории, что культуры с интенсивными социальными связями, в которых привязанность к семье и обязательства перед ней являются наиболее важным типом связей, способствуют развитию такого внушения. Это — культуры, которые способны осуществлять действенный коммунитарный контроль как над наиболее отвратительными «корпоративными» преступлениями, так и над незначительными правонарушениями.

Третье ограничение теории контроля Хирши наилучшим образом выразил все тот же Бокс:

...она не претендует на объяснение обычных преступных карьер. Благодаря акцентированию ситуативных субъективных факторов теория контроля лучше всего подходит для объяснения того, почему многие молодые люди, и, возможно, взрослые, чередуют девиантные и законопослушные поступки, не страдая при этом от когнитивного диссонанса или бессоницы. Поведение же «вторичных девиантов», т.е. систематическое, вошедшее в привычку преступное поведение тех, кого общество считает преступниками, и кто сам себя идентифицирует с этой ролью, не принадлежит области толкования этой теории. И в этом смысле теория контроля дает объяснение лишь не слишком серьезных, незначительных форм делинквентного поведения.

(Box, 1981:153)

Для того чтобы разрешить эту проблему, необходимо создать связующую цепочку между *теорией контроля*, объясняющей первичное отклонение, *теорией ярлыков*, объясняющей вызываемое клеймением вторичное социальное отклонение, и *теорией субкультур*, объясняющей пути обеспечения социальной поддержки для удержания рецидивистов на пути девиантных поступков и преступлений. *Теория воссоединяющего стыда* как раз и предлагает такую связующую цепочку.

Теорию контроля требуется дополнить *теорией субкультур*, еще и для того, чтобы с ее помощью можно было объяснить, почему одни не контролируемые обществом индивиды подтасовывают результаты скачек, а другие участвуют в уличных драках.

И, наконец, что наиболее важно, теория субкультур дополняет теорию контроля тем, что привлекает внимание к тому факту, что привязанность, приверженность, ангажированность и убежденность некоторых людей связаны как с девиантными группами и криминальными субкультурами, так и с родителями и учителями, которые по большей части транслируют доминирующую в обществе антипреступную культуру. Молодым людям часто приходится сопоставлять, взвешивать, определяя, чем они рискуют, каковы их ставки и что для них важнее — лояльность по отношению к традиционному обществу или «верность» делинквентной группе сверстников. Бизнесмены должны постоянно соотносить свою репутацию в обществе и убежденность в правильности его законов с лояльностью по отношению к компании и своим положением в «ловушке» ее субкультуры.

Несмотря на то, что *теория контроля*, созданная с позиций традиционного нормативного взрослого общества, является в определенном смысле односторонней, она, тем не менее, способна многое объяснить хотя бы потому, что именно эта точка зрения обладает величайшим культурным импульсом. Однако мы способны значительно увеличить эти возможности, найдя объяснение тем обстоятельствам, при которых достигается «точка перегиба» и контроль, осуществляемый субкультурой, начинает преобладать над контролем в рамках основной культуры. Найти такое объяснение возможно только в том случае, если мы проведем четкое разграничение между внушением чувства воссоединяющего стыда и клеймением. Воссоединяющий стыд как следствие такого внушения удерживает большинство из нас от преступлений, и мы, таким образом, не достигаем «точки перегиба». Как для формирования субкультуры, так и для того, чтобы приверженность субкультурным нормам одержала верх и дифференцированная ассоциация привела человека к совершению преступления, требуется жесткое общественное порицание — клеймение. Насколько сильно в обществе клеймение, настолько часто при оценке ситуации девиантность будет перевешивать социальную конформность. Чем большую силу имеет внушение чувства воссоединяющего стыда, тем более верными оказываются объяснительные понятия *теории контроля* и тем менее — *теории субкультур*. Таким образом, расчленение модальностей внушения стыда является, своего рода стрелкой, переведя которую, мы можем соединить главную магистраль теории контроля и запасный путь теории субкультур в единую интегрированную систему объяснения преступности.

Теория возможностей зародилась в книге Роберта К. Мертон «Социальная теория и социальная структура» (1957)¹¹. Согласно Мертону, в любом обществе существует определенное количество общепринятых целей, которые и составляют сферу устремлений. В Америке наиболее важной из этих целей является достижение материального успеха. Кроме культурных целей, определяемых как цели, «достойные приложения усилий», существуют институализированные средства их достижения. Легитимные средства достижения культурной цели финансового успеха и материального благополучия — это хорошее образование, достойная работа, различные вклады и т.п.

Когда индивид прочно усваивает определенную цель, но легитимные способы достижения этой цели для него заблокированы, он стремится к использованию нелегитимных средств достижения этой цели. Ребенок из бедной семьи осознает, что ему следует стремиться к ценимой культурой цели материального успеха. Но законные возможности достижения этой цели для него закрыты, поскольку он не в состоянии хорошо учиться в школе, не имеет «связей», «блеска» или «презентабельности» для того, чтобы заполучить хорошую работу, и у него нет капитала для того, чтобы делать выгодные вклады. Таким образом, он может попытаться найти нелегитимные способы достижения цели, которую его научили так высоко ценить.

Клоуард и Олин (Cloward and Ohlin, 1960) — авторы, которые внесли весьма значительный вклад в развитие теории Мертон, распространив ее на преступность несовершеннолетних. Эти ученые утверждают: для того, чтобы желание добиться культурной цели привело к делинквентности, необходимо наличие по крайней мере двух моментов. Как и Мертон, они указывают на то, что, во-первых, законные средства достижения этой цели должны быть заблокированы, но, во-вторых, добавляют: доступ к нелегитимным средствам достижения цели должен быть открыт. Внутри любой отдельно взятой общины система нелегитимных средств достижения цели (преступная субкультура) может как существовать, так и отсутствовать. Если, например, подросток из низшего класса, не имеющий доступа к легитимным способам достижения успеха, отправлен жить в пригород, где проживают почтенные пожилые люди, представители среднего класса, он вполне может не обнаружить там для себя нелегитимные возможности. Есть вероятность, что в этой среде не будет преступных ролевых моделей, структур, способствующих усвоению преступности, а также делинквентных групп, которые могли бы обеспечить социальную поддержку для делинквентного поведения. Таким образом, открытые законные пути к достижению культурных целей или закрытые незаконные пути к успеху могут стать достаточным условием для удержания молодых людей от совершения противоправных действий.

Многочисленные исследования, основанные на различных способах измерения ограниченных возможностей индивидов, последовательно доказали, что делинквенты в сравнении с законопослушными подростками расценивают свои возможности как более ограниченные (Elliott, 1961, 1962; Landis, 1962; Short, 1964; Landis and Scarpitti, 1965; Polk, 1965a; Luchterhand and Weller, 1966; Jessor *et al.*, 1968; Wilcox, 1969;

¹¹ Merton, Robert *Social Theory and Social Structure*

McCandless *et al.*, 1972; Brennan and Huizinga, 1975; Datesman *et al.*, 1975; Cernkovich, 1978; Segrave and Hastad, 1985). Шопту и Штротдбеку (Short and Strodbeck, 1965:268-9) удалось обнаружить, что члены делинквентных групп, во-первых, оценивают свои легитимные возможности ниже, чем представители контрольной группы неделинквентных подростков, а во-вторых, в отличие от подростков, не состоящих в шайках, они считают, что их нелегитимные возможности шире.

Общества, в которых большие группы населения ощущают, что легитимные возможности для них заблокированы, характеризуются социально-психологическим напряжением, ставящим многих перед необходимостью искать нелегитимные способы достижения целей. При достаточной плотности такого населения существует опасность того, что эти люди сформируют субкультуру, которая обеспечит их информацией относительно поиска и использования нелегитимных возможностей, а также обучит приемам нейтрализации чувства вины, возникающего как следствие претворения в жизнь этих возможностей.

Попробуем представить, например, что правительство вдруг решило вдвое увеличить налог с продаж на пиво для того, чтобы сократить потребление этого напитка. Как следствие, пивоваренные предприятия оказываются перед ситуацией, когда законные возможности достижения прибыли или роста компании блокированы. Представители компаний собираются для того, чтобы ругать правительство и приходят к выводу о том, что у них нет другого выхода, кроме как путем тайного сговора искусственно вздуть цены на свою продукцию. Иными словами, они формируют субкультуру, внутри которой незаконное установление цен рационально обосновывается путем обвинения в этом правительства и ссылки на более важные обязательства сохранения рабочих мест. Такая субкультура порождает новые, криминальные нормы поведения в данной отрасли.

Общества определенного типа систематически блокируют легитимные возможности достижения успеха некоторых групп населения, открывая тем самым описанный выше путь формирования субкультур. В обществах с закрытым методом регулирования, где бизнес лишен возможности адекватно участвовать в обсуждении характера государственного регламентационного вмешательства, предприниматели, вероятнее всего, испытывают фрустрацию при достижении своих целей. Даже если регулятивный метод, имеющий характер сотрудничества, ведет в результате к столь же болезненному вмешательству, что и закрытое регулирование, участие представителей бизнеса в формировании регулятивных норм делает такое вмешательство менее фрустрирующим. В девятой главе мы более подробно остановимся на роли закрытого типа регулирования в создании противленческих субкультур в сфере бизнеса.

Общества, которые систематически отказывают расовым меньшинствам в доступе к достойному или, по крайней мере, относительно достойному уровню жизни, благоприятствуют возникновению субкультур внутри этих притесняемых групп. Школьные системы, в которых доступ определенной части школьников к легитимным возможностям достижения целей систематически перекрывается благодаря сегрегации учащихся с низкой успеваемостью в «позорные» классы для отстающих, способствуют формированию делинквентных субкультур внутри этой части школьников. Как только преступная субкультура сформирована, она уже в состоянии поддерживать общее настроение неприятия ценностей основной культуры, а не просто

утверждать рациональность нелегитимных средств достижения определенных целей, доступ к которым блокирован. Козновская *теория возникновения реакции*, которая была описана в разделе, посвященном *теории субкультур*, является примером теории отрицания нормативных предписаний основной культуры.

Не обязательно, что любая блокада легитимных возможностей влечет за собой формирование субкультур и, таким образом, приводит к росту преступности, равно как и не обязательно, что все не легитимные возможности достижения целей формируются внутри субкультур. Мужчина, который избивает и насилует женщину, после того, как не получает от нее согласия на половой акт, скорее всего, действует как культурно изолированный преступник-одиночка. С другой стороны, вероятно, что насильник испытывает на себе влияние порнографических субкультур насилия по отношению к женщинам, которые также вносят свою значительную лепту, создавая вполне рациональные оправдания ситуации. Зачастую эти оправдания принимаются и, в общем-то, законопослушными гражданами (вспомните почтенную мамашу, которая обосновывает логичность воровства в случае, если человек голоден). Таким образом, на практике сложно разделить непосредственный эффект, вызываемый блокадой легитимных возможностей, от опосредованного эффекта субкультурного воздействия.

Обучение индивида тому, как использовать нелегитимные возможности, как их рационально обосновывать и получать при этом социальную поддержку, происходит главным образом благодаря его участию в криминальных субкультурах. Тем не менее, количество нелегитимных возможностей достижения цели может возрасти и без участия (даже косвенного) субкультур: например, рост числа владельцев автотранспортных средств неизбежно увеличит возможности для угона машин.

Для наших целей, однако, важно, что *теория возможностей* способна объяснить процесс формирования субкультур. Именно это отличительное свойство позволяет интегрировать *теорию возможностей* с другими великими теоретическими традициями в единую систему, имя которой — *теория воссоединяющего стыда*.

ТЕОРИЯ ОБУЧЕНИЯ

До настоящего момента наиболее влиятельной криминологической *теорией обучения* продолжает оставаться *теория дифференцированной ассоциации* Сазерленда и Крэсси. В этой теории утверждается, что «человек становится преступником в результате преобладания у него представлений, благоприятствующих нарушению закона, над представлениями, не благоприятствующими этому» (Sutherland and Cressey, 1978:81). Эти представления усваиваются в социальных группах — по большей части, в узких, члены которых связаны тесными отношениями. Мотивы преступления невозможно обосновать исходя только из основных биологических потребностей, необходимо помнить и о языке субкультуры, ведь набор мотивов усваивается непосредственно через дифференцированную ассоциацию. Дифференцированные ассоциации варьируются по частоте, длительности, приоритетам и интенсивности.

Берджесс и Эйкерс (Burgess and Akers, 1966) переработали теорию Сазерленда и Крэсси, создав ее бихевиористическую версию: *теорию дифференцированной ассоциации — дифференцированного подкрепления*. Такой подход серьезно приуменьшил значение социального элемента в побудительных мотивах как языковых конструкциях, являющихся продуктом деятельности группы (Taylor *et al*, 1973:130-3). Согласно Берджессу и Эйкерсу (1966:137), «преступное поведение усваивается в соответствии с принципами оперантного обусловливания». Этот подход имеет довольно внушительную эмпирическую поддержку. Например, Эйкерсу и др. (Akers *et al*, 1979) удалось объяснить 68% вариаций преступлений, связанных с курением марихуаны, при помощи метода анкетирования. Они оценивали дифференцированную ассоциацию, дифференцированное подкрепление, т.е. поддержку противоправного поведения (похвала за неупотребление, оцениваемая вероятность наказания), представления, благоприятные и неблагоприятные для курения (например, приемы нейтрализации) и подражание (вызывающие восхищение образцы — люди, которые курят марихуану).

Книга Уилсона и Хернштейна (Wilson and Herrnstein, 1985) — одна из последних работ в области криминологии, написанная в рамках *теории обучения*. В отличие от работы Берджесса и Эйкерса акцент здесь делается не только на оперантном, но и на классическом обусловливании. Формулировка Уилсона и Хернштейна предполагает, что преступление — это, по сути своей, выбор, который делают правонарушители в том случае, когда последствия преступления оцениваются ими как более предпочтительные в сравнении с последствиями другого действия. Чем больше соотношение чистого вознаграждения за преступление и чистого вознаграждения за воздержание от преступления, тем больше вероятность совершения преступления. Чистое вознаграждение за преступление включает в себя обдумывание и взвешивание вопросов, связанных с предполагаемой материальной прибылью, одобрением людей «своего круга» и социальным неодобрением людей «со стороны». Чистое вознаграждение за воздержание от преступления связано с возможностью получить прибыль от занятий легитимной деятельностью, а также желанием не подвергнуться в будущем наказанию. Похоже, это прямой результат оперантного обусловливания. Однако *угрызения совести* рассматриваются как одно из самых важных «наказаний» за преступление, в них Уилсон и Хернштейн видят продукт классического обусловливания. Авторы полагают, что *совесть* отличается от *расчетливости* и по праву является мощной силой:

Если бы мы были существами, ведомыми простым и чистым расчетом, мы бы понимали, что можем безнаказанно, не будучи разоблаченными, говорить на детекторе лжи все, что нам заблагорассудится. Некоторые люди способны на такое, но мы смотрим на них как на людей странных, каковыми они на самом деле и являются. Способность лгать, не проявляя при этом никаких эмоций, — отличительная черта психопата.

(Wilson and Herrnstein, 1985: 218)

Если родители, чье одобрение представляет для детей ценность, последовательно указывают им на определенные правила, то удовлетворение будет приносить уже сам по себе опыт следования этим правилам, а мысль о том, чтобы нарушить их, будет вызывать тревогу и беспокойство.

Уилсон и Херрнштейн пользуются идеей оперантного обусловливания для того, чтобы объяснить более высокий уровень преступлений в городах, чем в сельской местности, в связи с более плотным сосредоточением там различного рода «подкреплений» (например, большее количество машин, которые можно угнать). Основываясь на оперантном обусловливании, они прогнозируют также то, что как доступность высоко оплачиваемой работы, так и строгость и неизбежность наказания увеличат чистое вознаграждение за несовершение преступления, равно как одобрение делинквентных друзей увеличивает чистое вознаграждение за преступление. В следующей главе мы получим возможность увидеть, что некоторые из этих прогнозов находят подтверждение в литературе. Понятие о соотношении чистого вознаграждения за преступление и чистого вознаграждения за воздержание от преступления Уилсона и Херрнштейна является, по сути, по-иному сформулированным принципом дифференцированной ассоциации. На базе классического обусловливания авторы строят свои дальнейшие выводы, в которых привносятся биологические начала. «Люди, лишенные совести, на самом деле, может быть, по различным причинам не поддаются классическому обусловливанию — они не интернализуют правила так же легко, как другие» (Wilson and Herrnstein, 1985: 49). Вот вам одно из оснований возникновения корреляции между низким уровнем интеллекта и преступностью. Люди, поведение которых в меньшей степени подвержено обусловливанию, не способны к быстрому обучению (низкий уровень интеллекта), и у них медленно формируется «классически обусловленная» совесть. Преступники — это люди с самоуправляемыми нервными системами, которые более медленно и не столь сильно реагируют на различные стимулы.

Уилсон и Херрнштейн утверждают, что вознаграждение за преступление можно получить гораздо быстрее, чем вознаграждение за воздержание от преступления, поэтому люди с развитой совестью, но, тем не менее, совершающие преступления, возможно, просто испытывают трудности в том, чтобы представить будущие последствия своих настоящих действий. Опять-таки, подобные трудности могут возникнуть у людей с невысокими умственными способностями. С другой стороны, крайне импульсивные люди могут не принимать в расчет даже те последствия, которые они в состоянии предвидеть, и тем самым оказывают сопротивление оперантному обусловливанию, способному привести их к выбору непроступного поведения вместо проступного. В соответствии с этим, а также рядом других причин детерминированные природой уровень умственных способностей и импульсивность становятся фундаментальными причинами преступности.

Не учитывая проблемы, связанной с тем, что в действительности измеряют тесты интеллекта (IQ), характеризующиеся классовой и расовой ориентированностью, не учитывая также той простой вещи, что самые умные мошенники остаются не пойманными, эта теория, как никакая другая, не уделяет ни малейшего внимания широкомасштабной реальности «беловоротничковой» преступности. Преступники «в белых воротничках» обладают далеко не низким уровнем интеллекта, зачастую они скрупулезно планируют свои действия и вовсе не поступают импульсивно. Учитывая значительный объем «беловоротничковой» преступности, представляется невероятным, что скромные умственные способности и импульсивность, проявляющиеся в выборках, в которые вовлекаются обычные преступники, сохраняются, если включить в эти

выборки преступников «в белых воротничках» в той пропорции, в которой они представлены в общем объеме преступности. Но даже если исключить «беловоротничковых преступников», в любом случае, как мы уже указывали, говоря о *теории контроля*, предположение о причинно-следственном влиянии низкого уровня интеллекта на преступность не получает последовательного доказательства.

Однако как бы мы ни рассматривали биологические причины преступности, мы должны принять основной постулат сторонников *теории обучения*, заключающийся в том, что преступление — это выбор, совершаемый на фоне «подкреплений» и «наказаний». Также нам следует принять утверждение Уилсона и Хернштейна о том, что люди не просто расчетливые существа: возникает ли у них совесть посредством классического обусловливания или какого-либо другого процесса, люди способны выбрать и часто делают свой выбор отнюдь не в пользу преступления, несмотря на то, что биологически и социально предопределенные вознаграждения за преступление превышают предполагаемые издержки. Они совершают такой выбор вследствие преданности идеям добра, сострадания, справедливости и по многим другим причинам, которые так или иначе связаны с тем, что мы называем совестью. Приобретенная в процессе обучения совесть — краеугольный камень для понимания действенности *воссоединяющего стыда* в формировании законопослушания.

К сожалению, все это осложняет построение выводов на основе теорий обучения. Даже хорошо представляя себе внутренние и социально предопределенные вознаграждения и издержки, связанные с конкретным видом преступления, невозможно сделать какие-либо прогнозы, поскольку действие этих оперантных факторов может быть или не быть нейтрализовано «классически обусловленной» совестью.

Крэсси (Cressey, 1960:57) признает, что «формулировка процесса дифференцированной ассоциации не является достаточно точной для того, чтобы способствовать проведению ее эмпирической проверки, и, таким образом, она не была ни доказана, ни опровергнута». Поэтому Крэсси в последующих работах призывает более подробно выделять механизмы обучения преступности. *Теория воссоединяющего стыда* является попыткой сделать именно это. Девять положений о дифференцированной ассоциации Сазерленда и Крэсси (Sutherland and Cressey, 1978:80-2), может быть, и верны¹², но если не придать им четкой и конкретной содержательности, они останутся положениями тривиальными, не поддающимися проверке и обладающими лишь ограниченным значением для уголовно-правовой политики. *Теория дифференцированной ассоциации* гласит, что преступление — это функция от пропорции усвоенных

¹² Вот эти девять постулатов:

1. Преступному поведению обучаются; 2. Преступному поведению обучаются во взаимодействии с другими людьми в процессе общения; 3. Важнейшая часть обучения преступному поведению происходит в узких группах, где взаимоотношения носят тесный личный характер; 4. Обучение преступному поведению включает в себя: а) технические приемы совершения преступлений, которые иногда бывают довольно сложными, а иногда — весьма простыми; б) особую ориентацию движущих мотивов, побуждений, рациональных оправданий и установок; 5. Особая ориентация мотивов и побуждений усваивается через их определения в уголовных кодексах, где они рассматриваются как благоприятные или неблагоприятные; 6. Человек становится преступником в результате преобладания у него представлений, благоприятствующих нарушению закона, над представлениями, не благоприятствующими этому; 7. Дифференцированные ассоциации варьируются по частоте, длительности, приоритетам и интенсивности; 8. Процесс усвоения преступного поведения посредством ассоциации с криминальными и антикриминальными образцами поведения включает в себя те же механизмы, которые участвуют в любом другом виде обучения; 9. Несмотря на то, что преступное поведение является выражением общих потребностей и ценностей, его нельзя объяснить с их помощью, поскольку не преступное поведение есть выражение тех же самых потребностей и ценностей (Sutherland and Cressey, 1978:80-2).

представлений и оценок (ассоциаций), благоприятных для преступления и неблагоприятных для него. В моей теории указывается на то, каким образом процесс внушения стыда по воссоединяющей модели обеспечивает людей поведенческими образцами, не благоприятствующими совершению преступлений, и каким образом клеймение и последующее субкультурное обучение оказываются процессами, посредством которых усваиваются образцы поведения, благоприятные для преступления. В восьмой главе мы показываем, что эта теория поддается проверке в большей степени, чем теория дифференцированной ассоциации, а в десятой — что она порождает разнообразие ожидаемых и неожиданных, бесспорных и противоречивых прогнозов, которые значительно аргументированнее прогнозов, построенных на основе теории дифференцированной ассоциации в ее базовой форме.

О КОНСЕНСУСЕ

Теория воссоединяющего стыда предполагает наличие целостного консенсуса — по крайней мере, в современных западных обществах — относительно соблюдения уголовных законов как важной социальной ценности. Дэвид Эрманн (David Ermann, pers. comm., 1987) указал на то, что внушение чувства стыда само по себе вполне может являться одним из факторов, создающих этот консенсус. Таким образом, нашу теорию можно расширить, предположив, что в обществе, где отсутствует внушение чувства стыда, преступность будет цвести пышным цветом не только из-за отсутствия прямых эффектов этого внушения, обозначенных на рис.1 (с. ..), но также и потому, что без процессов внушения чувства стыда не будут выполнены непереносимые условия, в которых эти эффекты могли бы иметь превентивную силу.

Теория контроля и большая часть *теорий обучения* основаны на модели консенсуса; *теории субкультур* и дифференцированной ассоциации предполагают плюрализм нравственных установок (диссенсус); *теория напряжения* в изложении Альберта Козна или Клоурда и Олина исходит из положения о том, что подростки, по крайней мере, начинают со следования общим ценностям консенсуса, но затем внутреннее напряжение заставляет их искать прибежища в субкультурах, которые отвергают консенсус; *теория ярлыков* вообще не исходит из каких-либо предположений о консенсусе в обществе.

Для *теории субкультур* как в чистом виде, так и в форме *теорий блокированных возможностей*, предполагающих, что подобное блокирование приводит к участию в субкультурах, любая попытка создать схему синтеза с теориями консенсуса становится серьезной проблемой. Но степень серьезности этой проблемы зависит от того, как мы очерчиваем круг предметов, в отношении которых изначально предполагаем наличие консенсуса, а также от того, насколько широко распространенными являются, по нашему мнению, субкультуры. Теория, представленная в этой книге, не предполагает существования консенсуса относительно широкого набора ценностей доминантной культуры. Мы уже говорили о том, что противопоставление ценностного консенсуса и диссенсуса (разногласия) в криминологических исследованиях оказалось крайне непродуктивным благодаря ложному направлению, которое задали основоположники теории субкультур — Уолтер Миллер др. Мы здесь предполагаем наличие консенсуса лишь

в отношении большей части уголовных законов. Факты таковы, что если оставить в стороне существование некоторых разногласий по поводу незначительного количества нетяжких преступлений (проституция, гомосексуализм и курение марихуаны), то, по крайней мере, в современных демократических странах останется подавляющий консенсус относительно того, что большая часть деяний, классифицируемых как преступления, и должны считаться таковыми. Более того, различные группы населения (белые и черные, молодежь и пожилые люди, судьи, полиция и обычные гражданами, высокообразованные люди и люди, не имеющие образования, дают приблизительно одинаковую относительную оценку тяжести большого количества самых разнообразных преступлений (r обычно $> 0,80$). В настоящий момент эти выводы подтверждают многочисленные исследования в различных странах (Rose and Prell, 1955; Sellin and Wolfgang, 1964; Wright and Cox, 1967a, 1967b; Kutchinsky, 1973; Wilson and Brown, 1973; NSW Bureau of Crime Statistics and Research, 1974; Rossi *et al.*, 1974; Chilton and DeAmicis, 1975; Figlio, 1975; Riedel, 1975; Wellford and Wiatrowsi, 1975; Newman, 1976; Thomas *et al.*, 1976; Hamilton and Rytina, 1980; Pontel *et al.*, 1983; Kwasniewski, 1984; Rossi *et al.*, 1985; но см.: оговорки у Miethe, 1982, 1984 Cullen *et al.*, 1985).

Таким образом, радикальные версии теории субкультур, в которых постулируется полное отрицание уголовных законов значительными группами населения, просто не выдерживают критики. *Феджины* — явление весьма необычное. Данные свидетельствуют, что даже имеющие судимости родители пытаются внушить своим детям уважение к закону. Как утверждает Уэст (West, 1982:49), «вне зависимости от собственного делинквентного опыта родителей их отношение к делинквентности практически всегда является отрицательным». Большая часть преступных субкультур отнюдь не транслирует постулаты о неправомерности уголовных законов, они, скорее, обеспечивают наличие разного рода рациональных объяснений того, почему конкретный случай нарушения «на самом деле» и не преступление вовсе или не очень «серьезное» преступление.

Глэйзер (Glaser, 1978:6) проводит разграничение между насильственно-хищническими преступлениями (в которых преступник, как хищник, «охотится» на жертву) и прочими, нехищническими преступлениями. Последнее понятие является более четким, чем понятие преступления без жертвы, в связи с продолжающимися спорами относительно того, являются ли проститутки жертвами своей профессии и т.п. Законы против насильственно-хищнических преступлений берут свое начало в классовом конфликте. Но, несмотря на это, по мнению Глэйзера (его выводы подтверждают и данные современных исследований, и исторические свидетельства), как только эти законы вводятся в действие, развивается широкий консенсус, распространяющийся за пределами классовых границ, который делает эти законы более общими. Конфликт, однако, сохраняется в отношении законодательных актов, которые предполагают наказание за преступления, не являющиеся насильственно-хищническими; новый конфликт возникает всякий раз, когда предпринимается попытка распространить действие уголовных законов на такие формы хищнического поведения, которые ранее считались легитимными.

Консенсус, таким образом, оказывается ограничен установленной совокупностью насильственно-хищнических преступлений. Если бы кто-то попытался обобщить теорию воссоединяющего стыда, превратив

ее из теории насильственно-хищнических преступлений в современном индустриальном обществе в универсальную теорию девиантного поведения, он столкнулся бы с большими трудностями. Вне уголовных законов, связанных с насильственно-хищническими преступлениями, более очевидны достоинства анализа, который исходит не из консенсуса, а из непрекращающегося конфликта. Однако уникальное свойство уголовного права, собственно, и заключается в его способности чутко реагировать на консенсус: велико давление, направленное на декриминализацию преступлений в случае существования разногласий в их оценке; равным образом велико давление, связанное с попытками решать ситуации с проступками не посредством их криминализации, но каким-то иным образом в случае, если значимые меньшинства считают таковую несправедливой. Ведущие мыслители в области юриспруденции постоянно предупреждают об опасности разрушения уважения к уголовному праву, возникающей при отклонении этого права от норм, которые способны будут принять подавляющие массы населения.

Радикальные сторонники *теории конфликта*, которые утверждают, что уголовное право является выражением интересов правящего класса, просто заблуждаются. Как указал Янг (Young, 1975:71), рабочий класс широко поддерживает уголовные законы, и ни одна попытка прибегнуть к благовидной идее «ложного сознания» не объясняет эту поддержку лучше, чем ее объясняет тот факт, что такого рода законы в некоторой степени служат интересам и рабочего класса:

Сколько бы новый теоретик девиантного поведения ни говорил о разноликости и разногласии в обществе, нельзя просто по желанию заставить испариться реально существующий значительный консенсус по определенным вопросам. Больше того, проявления этого консенсуса были наиболее заметны в широкой и единообразной социальной реакции на различные формы отклоняющегося поведения (и в особенности — на преступления против личности и определенные преступления против собственности).

Эффективно функционирующее уголовное право, если уж и является выражением чьих-то интересов, то, скорее, интересов не правящего класса, а рабочих, поскольку, пусть не собственность, но, по крайней мере, жизнь последних подвергается большей угрозе со стороны уличной преступности (Hindelang *et al.*, 1978; Najman, 1980), напрямую с их повседневной практикой связаны и преступления о нарушении постановлений о безопасности и гигиене труда (Reiman, 1979; Reasons *et al.*, 1981, Frank, 1985).

В современных капиталистических обществах существует значительно меньшее количество законодательных актов, криминализирующих поведение бедных, чем законодательных актов, которые криминализируют деятельность корпораций. Среди последних можно назвать природоохранное законодательство, законы о безопасности и гигиене труда, законы о защите прав потребителей, антимонопольное законодательство, законы, вводящие стандарты на все, начиная от грузоподъемных лифтов и заканчивая уборкой клеток для животных в лабораториях. Более того, в соответствии со многими актами коммерческого права для доказательства виновности отнюдь не требуется наличие *mens rea* (преступного умысла); возможно принуждение обвиняемых к признанию своей вины; разрешается обыск и наложение ареста на имущество без ордера (Grabosky and Braitwaite, 1986).

Все это вовсе не отрицает наличия серьезных классовых пристрастий в применении законов. Несоответствие между строгостью законов, регулирующих коммерческую деятельность, и слабыми возможностями их применения свидетельствует о необходимости разделения инструментального и символического воздействия законодательства (Edelman, 1964; Gusfield, 1967; Carson, 1975; O'Malley, 1980; Hopkins and Parnell, 1984). Эдельман несомненно прав, утверждая, что неорганизованные и разрозненные представители общества получают, как правило, символическое вознаграждение за следование или неследование закону, в то время как организованные профессионалы пожинают вполне материальные плоды.

Несмотря на то, что в применении уголовного права можно усмотреть необъективность, вызванную классовыми интересами, само по себе право, изложенное в кодексах, вряд ли можно истолковать подобным образом. Так, несправедливо будет относить научную работу, в которой право, изложенное в кодексах, принимается в качестве авторитетных нормативных документов, определяющих в частности преступление (как в данной книге), к криминологии, легитимизирующей гегемонию правящего класса. Конечно, можно утверждать, что правовая система в целом структурно выражает интересы капитала. Уголовное право в кодексах, наоборот, и структурно, и инструментально представляет интересы рабочего класса. Имеются обширные эмпирические данные, свидетельствующие о существующем в обществе консенсусе в отношении необходимости карать за преступления представителей правящего класса, и уголовное право является более или менее верным отражением этого консенсуса.¹³ Но несмотря на то, что уголовное правоприменение можно назвать во многом репрессивными по отношению к рабочему классу, в значительно большей степени уголовное право, закрепленное в кодексах, отражает возникший в течение прошлого столетия и прогрессирующий в своем развитии консенсус в отношении того, что за нарушения закона власть имущих преступников нужно наказывать столь же строго, сколь и преступников, не обладающих властью.

Этим я отнюдь не хочу сказать, что имеющий место консенсус в целом лишен какого-либо классового содержания. Мит, например, убедительно показал, что, несмотря на единодушие белого и чернокожего населения в оценке абсолютной и относительной тяжести «беловоротничковых» преступлений в сравнении с другими видами преступности, существуют также и некоторые различия (Miethe, 1984:472). Так, белые считают преступления «белых воротничков» *против* компании (например, растрату) в незначительной степени, но все же более серьезными преступлениями, чем чернокожие представители сообщества. В то же время преступления компании против потребителей (например, обвес, нелегальная установка цен, ложная реклама) чернокожие по сравнению с белыми оценивают как более тяжкие (см. также: Rossi *et al.*, 1985).

Если отказаться от представления о субкультуре как о культуре, основанной на отрицании уголовного закона широкими группами населения или на том, что большая часть людей, занимающих определенное положение в социальной структуре (например, низший класс), исповедуют особые

¹³ См.: Newman, 1957; Rettig and Pasamanick, 1959; Joint Commission on Correctional Manpower and Training, 1968; Time Magazine, 1969; Wilson and Brown, 1973; Carrol *et al.*, 1974; Rossi *et al.*, 1974; Reed and Reed, 1975; Conkin, 1977; Scott and Al-Thakeb, 1977; Australian Law Reform Commission, 1980:28; Schrager and Short, 1980; Wolfgang, 1980; Broahurst *et*

криминогенные ценности, то какого же рода представление о субкультуре можно считать приемлемым? Сегодня можно говорить об увеличении числа малых субкультур, которые по большей части транслируются неорганизованными группами, полностью одобряющими различные, возможно даже свойственные лишь данной конкретной группе ценности и поведенческие репертуары. Совсем небольшое число субкультур может вплотную подойти к полному отрицанию нравственности уголовного права и замене его прокриминальными ценностями; но, как утверждалось ранее, субкультурам скорее свойственны «дрейф», «нейтрализация», «отмежевание» или сведение на нет уголовного закона в отношении какого-то одного вопроса (например, употребления наркотиков или выброса токсических отходов (Block and Scrapitti, 1985).

Даже Хирши (1969) в своей *теории контроля*, основанной на консенсусе взрослого населения относительно уголовного права, признает, что значительное количество подростков становится правонарушителями из-за временного ослабления «убежденности» в желательности следования нормам закона, хотя Хирши отрицает, и, как я полагаю, ошибочно, что это временное ослабление «убежденности» связано с коллективной поддержкой сверстников-делинквентов.

Кроме того, концепция субкультуры в той форме, которую она принимает в рамках *теории воссоединяющего стыда*, предполагает, что группы, транслирующие субкультуры насильственно-хищнических преступлений, невелики в количественном отношении. Роль субкультур в криминологической теории вовсе не зависит от их величины. Как утверждает Бокс (Box, 1981), *теория контроля*, и, я бы добавил, — *теория возможностей*, в значительной степени объясняют первичные или эпизодические социальные отклонения. Для объяснения вторичной девиантности, или устойчивых примеров преступного поведения, в особенности требующих длительной профессиональной подготовки на рынке нелегитимного труда, необходимо обратиться к *теории ярлыков* и *теории субкультур*.

Большинство из нас совершали эпизодические деликты, которые можно объяснить ослаблением контроля. Несмотря на то, что многие в юности экспериментировали с различными наркотиками, становясь зрелыми людьми, мы, как правило, не продолжаем этих экспериментов, не устанавливаем прочных связей с субкультурой торговли наркотиками, коррупции и имущественных преступлений. В связи с тем, что вторичная девиантность — явление исключительное, субкультуры, получающие поддержку лишь небольшого меньшинства, способны выполнить значительную часть задачи по объяснению этого явления.

Сторонники *теории контроля*, с пренебрежением относящиеся к *теории ярлыков* и *теории субкультур*, забывают, вероятно, о том факте, что первичные деликты эпизодического характера не являются столь уж серьезными составляющими преступности, коей является деятельность людей, получающих широкую поддержку для частичной или даже полной занятости на рынке нелегитимного труда. Исследования делинквентности *методом самоотчетов* остаются в рамках незначительных эпизодических деликтов; подобная методика ставит эмпирическую криминологию перед серьезным соблазном позволить тому, что легче измерить, вытеснить то, что представляет большую важность.

Если говорить коротко, противоречия, которые существуют между *теорией контроля*, основанной на модели консенсуса, и *теорией субкультур*, исходящей из модели диссенсуса, можно снять, вспомнив о реалиях, а именно о том, какое изолированное, но от этого не менее важное место занимают субкультуры в нашем обществе. Таким образом, и здесь мы вновь вернемся к ситуации, метафорически раскрытой в начале книги, нам действительно необходима *теория контроля* для того, чтобы подвести молодых правонарушителей к порогу криминальной субкультуры; клеймение (теория ярлыков) — для того, чтобы открыть им дверь в мир; нам необходимы также *теории субкультур и обучения* — для того, чтобы человеку, однажды переступившему порог нового для него «дома», было невыгодно уходить из него. В четвертой главе мы приступаем к выполнению задачи по объединению всех этих элементов в *теорию воссоединяющего стыда*; но сначала необходимо прояснить, каким эмпирическим данным должна соответствовать наша теория преступности.

3

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ, КОТОРЫМ ДОЛЖНА СООТВЕТСТВОВАТЬ ТЕОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Теория воссоединяющего стыда была разработана не только для того, чтобы стать источником новых прогнозов и новых ориентиров для уголовно-правовой политики, но также и для того, чтобы предоставить наиболее адекватное объяснение существующей взаимосвязи между преступностью и другими переменными. Ниже приведен список корреляционных зависимостей, которые, как я полагал, создавая свою теорию, являются наиболее сильными и последовательно подтверждаемыми в эмпирической криминологии. Я не забывал при этом, что интерес для нас представляет именно общая теория, а не предположения, относящиеся лишь к конкретным видам преступлений. Для того чтобы заслужить доверие, любая теория должна, по крайней мере, соответствовать этим данным^{iv}, а в лучшем случае — предлагать объяснение большей их части.

1. *Несопоставимо большее количество преступлений совершают мужчины.*

Если не в каждом обществе, то в большей их части, мужчины составляют более 90% взрослого тюремного населения. Данные по задержаниям и судебным процессам во всех странах (например, см.: Simon and Scharma, 1979) также последовательно показывают значительное преобладание мужчин в уголовной статистике, в то время как в данных, полученных *методом самоотчетов*, заметна тенденция, свидетельствующая о гораздо более умеренных половых различиях по количеству совершенных преступлений (например, см. Braithwaite, 1977:26; Smith and Visser, 1980; Canter, 1982; Warner, 1982; Ouston, 1984; McGarrel and Flanagan, 1985:340-1; Morash, 1986; Riley, 1986). Смит и Вишер, авторы обзора сорока четырех исследований, приходят к выводу о том, что, половые различия связаны с уровнем совершенных преступлений: чем значительнее тяжесть данного вида преступления, тем значительнее половые различия. (Smith and Visser, 1980).

Исследования, основанные на *методе самоотчетов*, позволили некоторым ученым предположить, что женщины испытывают на себе положительное влияние так называемого фактора «рыцарской галантности» при правоприменении и вынесении приговора (Krohn *et al.*, 1983; Zingraff

and Thompson, 1984; Staples, 1984). Однако эти выводы стали предметом жаркой дискуссии в литературе (Scutt, 1979; Hancock, 1980). Любое свидетельство о «рыцарской галантности» в системе уголовного правосудия, конечно, не является достаточным основанием для объяснения данных о двадцатикратном преобладании в тюрьмах одной и той же страны мужчин, осужденных за убийство, над женщинами, отбывающими срок за то же самое преступление (Walker and Biles, 1985: 13, 60-1).

Некоторые утверждают, что разрыв между женской и мужской преступностью сокращается (Adler, 1975; Smith and Visser, 1980), в то время как другие полагают, что любое повышение уровня женской преступности незначительно или имеет место лишь в отношении имущественных преступлений такого типа, которые обычно совершают женщины (Steffensmeier, 1978; Steffensmeier and Steffensmeier, 1980; Mukherjee and Fitzgerald, 1981; Challinger, 1982; Ageton, 1983; Box and Hale, 1983). Что несомненно, так это сохранение значительных половых различий в структуре преступности (Ramsay, 1984).

Другим источником данных, благодаря которым это утверждение находит последовательную поддержку, являются виктимологические исследования, где пострадавшего просят по возможности вспомнить пол своего (-их) преступника (-ов). Первое австралийское национальное исследование, проведенное среди жертв преступлений, показало, что, судя по отчетам пострадавших, соотношение между преступниками мужского и женского пола колеблется от шести к одному до двадцати к одному, в зависимости от вида преступления (Braithwaite and Biles, 1980:51). Американские исследования, проведенные среди жертв преступлений, дают результаты об отношении женской преступности к общему количеству преступлений, по сути, сходные с полученными благодаря Стандартному отчету по преступности (Hindelang, 1979). Даже данные наблюдений по таким «традиционно женским преступлениям», как магазинные кражи, показали, что вероятность совершения подобного преступления мужчиной в два раза больше (Buckle and Farrington, 1984).

Как указывал Сمارт (Smart, 1976) и многие другие, традиционная криминологическая теория имеет тенденцию к сосредоточению на мужской делинквентности и терпит полную неудачу в объяснении факта постоянного существования значительных половых различий в структуре преступности, присутствующих в любом обществе и в любой отдельно взятый момент времени, относительно которого имеются данные.

2. Несопоставимо большее количество преступлений совершается людьми в возрасте от 15 до 25 лет.

Данные по признанным виновными или получившим предупреждение за совершение уголовно наказуемых деяний в Англии и Уэльсе показывают, что кривая преступлений на 100 000 населения поднимается резко вверх начиная с возрастной группы 10 лет, достигает пиковой отметки в возрастной группе 15-18 лет, затем резко снижается в возрастной группе 26-29 лет, сохраняя

тенденцию к постепенному снижению на протяжении остального жизненного пути человека (Riley and Shaw, 1985: 3). Подобная схема с незначительными вариациями наблюдается в любом обществе (например, FBI, 1981: 200-1). Хирши и Готтфредсон (Hirschi and Gottfredson, 1983) пришли к выводам, что возрастная структура преступности оставалась по сути неизменной для различных культур, исторических периодов и видов преступлений. Гринберг усомнился в столь обобщающем характере этого вывода, предположив, что в определенных исторических и общественных условиях молодежь существенно отодвигают на задний план, что делает молодых людей более, чем всех остальных, склонными к совершению преступлений (Greenberg, 1985; но см. Hirschi and Gottfredson, 1985).

В связи с кажущейся бесспорностью заключения о том, что преступления совершают по большей части молодые люди 15-25 лет, возникает и еще одна серьезная проблема. Суть ее состоит в том, что для основной категории преступлений, едва охваченной уголовной статистикой, — «беловоротничковой» преступности — верно, скорее всего, обратное. Вероятность того, что люди, принадлежащие к возрастной группе до 25 лет, будут вовлечены в «беловоротничковую» преступность, крайне мала, поскольку такая вовлеченность требует необходимости занимать высокую должность и обладать высоким профессиональным статусом, которого большинство людей до 25 лет еще не имеют. Здесь мы следуем общепринятому определению, данному Сазерлендом (Sutherland, 1983: 7), в соответствии с которым «беловоротничковая» преступность — «это комплекс преступлений, совершаемых уважаемыми лицами с высоким социальным статусом в рамках их профессиональной деятельности». Очевидно, что уклонение от уплаты подоходных налогов и некоторые другие виды мошенничества, направленные против государства (например, получение льгот и пособий обманным путем), не подходят под это определение. Любопытно, что Роу и Титтл (Rowe and Tittle, 1977) при помощи *метода самоотчетов* выявили, что махинациями с налогами занимаются 33% возрастной группы 15–24 лет, 28% — возрастной группы 25–44 лет, 14% — возрастной группы 45–64 лет и 8% — возрастной группы 65–93 лет.

Таким образом, более корректно этот вывод, известный из литературы (*несопоставимо большее количество преступлений, возможности совершения которых открыты для всех возрастных групп, совершается людьми в возрасте от 15 до 25 лет*), можно было бы сформулировать так: *несопоставимо большее количество преступлений, для совершения которых не требуется обладания высокой должностью и статусом, совершается людьми в возрасте от 15 до 25 лет.*

3. *Несопоставимо большее количество преступлений совершается людьми, не состоящими в браке.*

Здесь требуется такое же уточнение относительно «беловоротничковой» преступности, как то, что приводилось выше. Тем не менее, если оставить в стороне «беловоротничковую» преступность, нет никаких сомнений относительно устойчивого и взаимнооднозначного

соответствия между состоянием вне брака и высоким коэффициентом преступности (Martin *et al.*, 1979; Parisi *et al.*, 1979: 628; South Australian Office of Crime Statistics, 1980; Wolfe *et al.*, 1984).

К сожалению, однако, в литературе почти не уделяется внимания вопросу о том, в какой степени на уменьшение числа преступлений среди людей, состоящих в браке, влияет тот факт, что они в среднем старше, чем люди, в браке не состоящие. Кембриджское исследование выявило весьма незначительную тенденцию к тому, что женившиеся в возрасте 21–22 лет совершают меньше последующих правонарушений к 24 годам (West, 1982: 100-4). Сазерленд и Кресси (Sutherland and Cressey, 1976: 226), исследуя значение фактора возраста правонарушителей, сообщают об остаточном влиянии семейного положения. В свете этого ограниченного количества данных вопрос о том, является ли влияние брака на коэффициент преступности всего лишь последствием влияния возраста, остается открытым.

4. *Несопоставимо большее количество преступлений совершается людьми, проживающими в больших городах.*

В полицию крупных городов поступает значительно большее число сообщений о преступлениях, чем в полицию городов маленьких. В маленьких городах их процент выше, чем в сельской местности, а внутри крупных городов — в самом городе выше, чем в пригородах (например, Clinard and Abbot, 1973; Ames, 1981: 61; FBI, 1985: 145-6; ср. Archer and Gartner, 1984:98-117). Исследования, проведенные среди жертв преступлений, также свидетельствуют в пользу существования зависимости между жизнью большого города и высоким уровнем преступности (Braithwaite and Biles, 1980; McGarrell and Flanagan, 1985:286. Об этом говорят и результаты исследований делинквентности на основе самоотчетов (McGarrell and Flanagan, 1985:373).

В Соединенных Штатах наблюдается положительная корреляция между размерами города и отношением числа чернокожих жителей к общему числу населения; однако при учете процента чернокожего населения связь между городским образом жизни и преступностью все же сохраняется (Laub, 1953). Не существует систематизированных данных относительно географического распределения «беловоротничковой» преступности, однако почти все примеры подобных преступлений, описанные в литературе, имеют место в городах, причем городах, как правило, больших, являющих собой сосредоточие финансовой и промышленной активности (но см.: Lane, 1953).

5. *Несопоставимо большее количество преступлений совершается людьми, подверженными высокой географической мобильности, а также проживающими в районах, для которых характерна высокая миграция населения.*

Географическая мобильность была основным переменным фактором в исследованиях *школы социальной дезорганизации*. Шоу и МакКей (Shaw and McKay, 1969) и их последователи из университета Чикаго считали, что мобильные индивиды, которые в любой момент могут сменить место жительства, не чувствуют заинтересованности в усилении неформального социального

контроля в своем районе и, в свою очередь, менее подвержены неформальному контролю, осуществляемому местным сообществом. Начиная с 1930-х годов был собран внушительный корпус данных, увязывающих географическую мобильность и преступность (Sullinger, 1936; Longmoor and Young, 1936; Porterfield, 1948; Reiss, 1951; Nye, 1958; Eaton and Polk, 1961; Clinard, 1964; Lunden, 1964; Shaw and McKay, 1969; Clinard and Abbot, 1973; Sampson *et al.*, 1981; Crutchfield *et al.*, 1982).

6. *Чем сильнее подросток привязан к школе, тем меньше вероятность того, что он станет преступником.*

Во второй главе в связи с *теорией контроля* мы уже говорили о серьезных доказательствах этой зависимости (с.***). Это положение является первым из серии положений, которые применимы исключительно к правонарушителям-подросткам (в данном случае потому, что взрослые редко проходят обучение в школе).

7. *Чем больше подросток стремится достичь успехов в школе и сделать карьеру, тем меньше вероятность совершения им преступлений.*

Данные, убедительно доказывающие это, также были представлены в главе 2. (с.***).

Чем менее успешен подросток в школе, тем больше вероятность того, что он будет совершать преступления (см.: глава 2).

8. См.: *Чем сильнее подросток ощущает связь со своими родителями, тем меньше вероятность совершения им преступлений (см.: глава 2) (с.***).*

9. *Молодые люди, поддерживающие дружеские отношения с преступниками, с большей вероятностью сами будут совершать преступления (см.: глава 2) (с.***).*

10. *Люди, убежденные в необходимости соблюдения законов, менее склонны к их нарушению.*

Эта зависимость, как уже упоминалось во второй главе, нашла последовательное подкрепление в литературе (Short and Strodtbeck, 1965; Hirschi, 1969; Hindelang, 1970, 1974; Siegal *et al.*, 1973; Silberman, 1976; Hepburn, 1977; Minor, 1977; Thomas and Hyman, 1978; Akers *et al.*, 1978; Grasmick and Green., 1980; Braithwaite and Braithwaite, 1981; Wiatrowski *et al.*, 1981; Thurman, 1984; но см. Rankin, 1977). В литературе, однако, почти не уделялось внимания тому, что противоправное поведение, возможно, влечет за собой снижение уважения к закону, а не наоборот. В исследованиях, основанных на методе самоотчетов, также не была принята во внимание вероятность того, что необъективность, вызванная стремлением к исполнению социально желательного поведения, может стать причиной ошибки, поставив отчеты, связанные с уважением к закону, и отчеты, описывающие противоправные действия, в отношение отрицательной корреляции.

11. *Как для мужчин, так и для женщин нахождение на низших ступенях классовой структуры, определяется ли оно социально-экономическим статусом человека, социально-экономическим статусом района, в котором человек проживает, отсутствием работы, принадлежностью к угнетенным расовым меньшинствам (например, к чернокожему населению в США), увеличивает коэффициент преступности для всех видов преступлений,*

кроме тех, условия для совершения которых недоступны бедным (т.е. кроме «беловоротничковой» преступности).

Это положение считалось бесспорным, но все изменилось в 1960–70-е годы, когда большое количество исследований делинквентности, основанных на методе самоотчетов, выявили незначительные и, в общем, не представляющие особой важности для статистики классовые и расовые различия между черным и белым населением США. В частности, Титтл и др. (Tittle *et al.*, 1978) были сторонниками той точки зрения, что классовая принадлежность является в лучшем случае незначительным коррелятом преступности, в то время как я в этом споре занимал противоположную позицию (Braithwaite, 1979, 1980). По моему убеждению, метод самоотчетов крайне необъективен и ошибочно увеличивает пропорциональное соотношение деликтов, совершаемых подростками из среднего класса. Я утверждаю, что нельзя также игнорировать классовые и расовые различия совершающих официально зарегистрированные преступления, уровень сообщений о которых в полицию традиционно высок (это убийства и угоны автомобилей). Сложно также свести на нет тот факт, что «исследования жертв преступлений [в США] показывают, что среди преступников, расовую принадлежность которых их жертвы смогли определить, половина были чернокожими; в случаях наиболее тяжких преступлений чернокожими были две трети преступников» (Wilson and Herrnstein, 1985:29). Тем не менее этот пункт является, вероятно, наиболее спорным во всем нашем списке.

12. *После Второй мировой войны в большей части стран, как развитых, так и развивающихся, уровень преступности повышается. Япония — единственная страна, в которой за этот период четко обозначилось снижение уровня преступности.*

В соответствии со статистикой Интерпола и другими источниками (например, Gurr, 1977a; Gurr *et al.*, 1977; Mukherjee, 1981:32; Landau, 1984) уровень преступности в странах, по которым имеются достаточно достоверные данные, за период со Второй мировой войны имел тенденцию к росту (исключением является классический случай Японии, к которому мы обратимся в четвертой главе). Если не считать Японию, то единственной страной, ситуацию в которой можно было бы истолковать как всеобщее снижение уровня преступности в послевоенный период, остается Швейцария (Gurr, 1977b, но см. Clinard, 1978). В соответствии с выводами Уилсона и Хернштейна (Wilson and Herrnstein, 1985: 416-17) общее увеличение уровня преступности в некоторой степени объясняют изменения в возрастной структуре населения; однако, даже учитывая фактор возраста, мы все равно получаем, что «за период с 1960-го по 1973-й уровень арестов за убийства в возрастной группе от 15 до 24 лет возрос на 69% [в США]».

Не во всех случаях наблюдалась постоянная тенденция к увеличению уровня преступности, так же как она не находила и последовательного подтверждения для всех видов преступлений. Например, в период с 1980-го по 1984 г. уровень зарегистрированных индексных преступлений⁷ в США упал на 15%, но даже в таком случае в 1984 г. он превышал уровень середины

70-х и значительно превосходил показатели, отмечавшиеся до взрыва преступности в 1960-х (FBI, 1985:43). В некоторых странах кривую преступности XX века можно представить в виде U-образной дуги, где спад приходится на начало века, неизменное состояние на середину века, а затем отмечается подъем (обратите, например, внимание на работу по Австралии (Mukhrjee, 1981; см. также Wilson and Herrnstein, 1985:409-10). Свидетельства о тенденциях развития преступности на протяжении XIX–XX веков по ряду стран станут предметом нашего обсуждения в восьмой главе. Данные по большей части стран просто недоступны, что не позволяет делать обобщения о тенденциях в долгосрочной перспективе. Единственное общее правило, которое мы можем вывести с уверенностью относительно исторических тенденций развития преступности, — это общий послевоенный подъем ее уровня.

НЕУДАЧА ГОСПОДСТВУЮЩИХ ТЕОРИЙ В ОБЪЯСНЕНИИ ДАННЫХ, КОТОРЫМ ДОЛЖНА СООТВЕТСТВОВАТЬ ТЕОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Пункты вышеприведенного списка в большинстве своем бесспорны для каждого, кто знаком с криминологической литературой. Основная дискуссия сосредоточилась вокруг того, что еще из достоверно известного нам следует включить в этот список. Я не намерен надоедать читателю, пересказывая литературу по криминологии и доказывая, почему другие корреляции являются недостаточно устойчивыми или недостаточно подкрепленными для того, чтобы быть внесенными в список.

В заключении к настоящей работе утверждается, что разработанная в ней теория способна объяснить эти зависимости лучше, чем любая другая теория, представленная в литературе. Удивительно, как такие основные, потенциально мощные и неоспоримые корреляты преступности, как возраст и пол, остались абсолютно не затронутыми в большей части господствующих теорий.

Теории возможностей в значительной степени несостоятельны в объяснении пунктов этого списка. Связь классовой принадлежности и преступности, неуспешности в школе и преступности, а также, возможно, связь городской жизни и преступности — это единственные пункты из нашего списка, в отношении которых *теории возможностей* способны каким-то образом проявить себя. Женщины переживают более жесткую блокаду возможностей самореализации, чем мужчины, хотя в то же время для них характерен более низкий уровень преступности.

В наиболее влиятельных *теориях субкультур* (Cohen, 1955; Miller, 1958; Cloward and Ohlin, 1960; Wolfgang and Ferracuti, 1967) основной акцент значительно смещен в сторону преступного характера субкультур низших классов, и по тем же причинам, что и *теории возможностей*, эти теории не в состоянии в достаточной степени объяснить пункты, представленные в нашем списке.

Очевидно, что *теория контроля* с успехом объясняет пункты с шестого по девятый. Что же касается *теории ярлыков*, то для объяснения отдельных положений списка потребовалась бы значительная ее доработка; но тогда бы сторонники этой теории заявили, что их точка зрения на процесс приклеивания

ярлыков не имеет ничего общего с объяснением «фактов преступности» и что их задача в том, чтобы обозначить проблемный характер этих фактов. Может быть, это смешно, но в нашей теории мы как раз и начинаем с того, что пытаемся приложить все усилия к объяснению как можно большего количества зависимостей из списка, совершенствуя отдельные положения именно *теории ярлыков* (или, как говорят ее сторонники, *точки зрения на приклеивание ярлыков*).

Лучше других истолковывают вышеприведенные факты *теории обучения*. Сазерленд и Кресси (Sutherland and Cressey, 1978: 77-298) посвятили немало страниц тому, чтобы объяснить некоторые из этих фактов с помощью *дифференцированной ассоциации*. Недостаточная конкретность понятия *дифференцированной ассоциации* делает такое объяснение возможным только при привлечении множества переменных, которые не нашли в их теории эксплицитного выражения. Так, причины более низкого уровня женской преступности связываются с тем фактом, что женщины могут забеременеть, и, как результат, девочки находятся под более серьезным наблюдением, в их социализации меньший упор делается на необходимости быть крутыми и жесткими (Sutherland and Cressey, 1978: 135). Я не намереваюсь перечислять то, как, по мнению Сазерленда и Кресси, теория *дифференцированной ассоциации* объясняет самые известные факты, связанные с преступностью. Я действительно согласен с ними относительно того, что теория *дифференцированной ассоциации* предоставляет необходимые основания, которые можно использовать для подобных объяснений. Трудность заключается в том, каким образом внести в эту рамку необходимую конкретику и эксплицитно обозначить аргументацию, которую затем можно было бы доказать или опровергнуть.

В своей *теории обучения* Уилсон и Херрнштейн (Wilson and Herrnstein, 1985) не предоставили *убедительного с точки зрения самой теории* объяснения того, почему женщины совершают меньше преступлений. Зато в отличие от других теоретиков Уилсон и Херрнштейн дали вытекающее из их теории объяснение взаимосвязи *возраст — преступность*, которое является убедительным и пересекается с объяснением, предлагаемым *теорией воссоединяющего стыда*:

Взлет преступности, характерный для периода детства и возраста ранней половой зрелости, сопровождается появлением в жизни ребенка основных источников «подкреплений», оправдывающих в его глазах делинквентное поведение. Это — деньги, секс и сверстники, которые высоко ценят независимость от общепринятой морали или даже ее отрицание. В то же время растущий ребенок приобретает и буквальную, и психологическую независимость от обладающих властью взрослых (родителей и т.п.), которые могли бы оказывать влияние в отношении следования традиционным общепринятым нормам. В условиях появления энергии, силы, потенциально новых движущих стимулов и лишь незначительного количества легитимных способов достижения целей, в условиях недостатка экономических и социальных навыков и присутствия сверстников, которые так же полны сил и испытывают такую же фрустрацию, юность просто неизбежно должна способствовать взлету делинквентности.

(Wilson and Herrnstein, 1985)

Уилсон и Херрнштейн не дают объяснения взаимосвязи между преступностью и семейным положением (пункт 3). Взаимосвязь между преступностью и размерами города они объясняют более высокой концентрацией «вознаграждений» за преступление (возможностей их совершения) в крупных городах (положение 4). Подростки, которые сильнее привязаны к родителям, по их мнению, более подвержены страху перед «наказанием» и социальным неодобрением родителей (положение 9). Географическая мобильность снижает привязанность к соседям и действенность социального неодобрения с их стороны (положение 5). Положения с шестого по восьмое рассматриваются по большей части, хотя и не полностью, как побочные продукты более фундаментальной взаимосвязи между уровнем интеллекта, импульсивностью и делинквентностью.

Очевидно, что положение об общении с друзьями-преступниками поддерживают все *теории обучения*. Связь преступности и убежденности в важности следования закону (положение 11) объясняется при помощи угрызений совести, которые, как предполагается, имеют эффект наказания и влияют на оценку «чистого вознаграждения» за преступление. Бедность снижает «чистое вознаграждение» за несовершение преступления (положение 12). Уилсон и Херрнштейн даже находят объяснение послевоенному росту уровня преступности, которое мы достаточно подробно будем обсуждать в главе 9.

Теории обучения лучше других известных теорий объясняют то, что нам известно относительно преступности, причем, эти объяснения не прибегают к идее природно-обусловленных детерминант личности^{vi}. Действительно, забыв о природно-обусловленных детерминантах Уилсона и Херрнштейна и сосредоточившись на тех компонентах их теории, которые связаны с обучением, возможно внутри этой теории найти объяснение связи половой принадлежности и преступности, а также уточнить имеющиеся в ней объяснения некоторых других хорошо известных коррелятов преступности. Теория воссоединяющего стыда — попытка сделать именно это.

Моя *теория преступности* — это, в некоторой степени, теория обучения. Это — теория, которая стремится лучше, нежели существующие *теории обучения*, объяснить то, что нам уже известно, причем делает это при помощи значительно более конкретных постулатов, чем другие существующие теории, порой довольно расплывчатые. Конкретность и проверяемость достигаются выделением внушения чувства стыда в качестве фактора и преступности и достижения социальной конформности. Критической значимостью наделяется именно этот фактор, а не другие «подкрепления». Возможности расширить объяснение известных нам фактов мы достигаем также путем объединения *теорий контроля, субкультур, возможностей и ярлыков* в рамках теории *когнитивного обучения*, основываясь при этом на отделении внушения чувства стыда по воссоединяющей модели от жесткого порицания — клеймения.

4

СЕМЕЙНАЯ МОДЕЛЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА ВОССОЕДИНЯЮЩЕГО СТЫДА

В заключении к эмпирическому исследованию «Влияние публичности на корпоративных преступников» Брент Фисс и я написали следующее:

Если мы серьезно настроены в отношении контроля над корпоративной преступностью, приоритетной задачей для нас должно стать создание культуры, в которой не было бы места терпимости к такого рода преступлениям. Необходимо особо выделять неформальные процессы внушения чувства стыда за нежелательное поведение и похвалы за совершение достойных поступков.

(Fisse and Braithwaite, 1983: 246)

В процитированной книге и моей более ранней работе, созданной совместно с Гилбертом Гейссом, четко разграничивались положительные аспекты внушения чувства стыда в процессе контроля над корпоративной преступностью и недостатки в связи с преступностью уличной.

Основная опасность, которую влечет за собой задержание традиционного преступника, связана с тем, что процедура клеймения будет все больше и больше способствовать формированию его преступного самовосприятия. В этом — основная суть *теории ярлыков*. Данные, которые были получены, например, благодаря кембриджскому лонгитюдному исследованию делинквентности, были истолкованы в пользу гипотезы о *негативном воздействии клеймения*. Это исследование показало, что подростки мужского пола, задержанные и осужденные за противоправные действия, начинают совершать правонарушения большей тяжести или более интенсивно в сравнении с теми, кто изначально отличался столь же делинквентным поведением, но избежал задержания... Подобные аргументы *теории ярлыков* нельзя с той же легкостью применить по отношению к корпоративным преступникам. Эти люди скорее будут считать себя несправедливо оскорбленными образцами респектабельности, и никакое клеймение не убедит их в обратном. Действительно, можно встретить людей, которые видят себя в образе вора, взломщика сейфов, проститутки, сутенера, наркокурьера и даже киллера, но насколько вероятна встреча с человеком, который видит себя корпоративным преступником? Срок, отбытый за совершение правонарушения, зачастую поднимает статус и соответственно самооощущение чернокожего парня, вышедшего на свободу, но реакция корпоративного преступника на тюремное заключение — это всегда стыд и унижение.

(Braithwaite and Geiss, 1982: 300-1)

Задача данной книги заключается в том, чтобы показать, что сделанные в двух предыдущих работах выводы об эффективности методов внушения чувства стыда в процессе контроля над корпоративной преступностью, верны также и в отношении обычных преступлений. Принятое в культуре стремление внушать стыд является ключевым моментом в процессе контроля над всеми видами преступности. Однако для всех видов преступности верно и то, что такое внушение чувства стыда может оказаться контрпродуктивным в случае, если оно приобретет характер клеймения.

Коренное различие здесь — между внушением чувства стыда, который бы носил воссоединяющий характер, и стыда, следствием которого оказывается отчуждение (последнее имеет место в рамках клеймения). Воссоединяющий стыд — это реакция на такое выражение общественного неодобрения — от мягкого упрека до церемоний снижения статуса, за которым непременно следуют ритуалы обратного принятия преступника в общину законопослушных граждан. Эти ритуалы могут быть самыми

разнообразными, начиная с простых жестов, например улыбки, выражающей любовь и прощение, и заканчивая вполне официальными церемониями, направленными на аннулирование девиантного обозначения. В противоположность этому отчуждающий стыд как следствие клеймения способствует расколу общества путем создания касты отверженных. Большая часть усилий направляется на то, чтобы заклеить девиантное поведение, в то время как устранению клейма, прощению и воссоединению уделяется весьма незначительное внимание. Без внимания остается и необходимость обеспечить то, чтобы девиантный ярлык применялся не по отношению к самому человеку, но к его поведению и чтобы при таком обозначении сохранялась убежденность во временном характере проступков, совершаемых хорошим по сути своей человеком. Цитируя Сушара, Пейдж (Page, 1984: 10) называет закрепление за человеком девиантного свойства в качестве его основного статуса определяющей чертой негативной стигматизации:

За индивидом... закрепляется «характерная черта основного статуса»: гомосексуалист, наркоман, проститутка, малолетний правонарушитель или нечто подобное... этот ярлык доминирует над всеми остальными «характеристиками» индивида; «хороший спортсмен», «хороший собеседник», «хороший танцор» и т.п. — все эти качества оказываются в подчинении или сводятся на нет одной характерной чертой, которая немедленно начинает восприниматься как более близкая к «подлинной» личности индивида.

Можно предположить, что, несмотря на криминогенные последствия прикрепления девиантного статуса, клеймение в сравнении с внушением чувства воссоединяющего стыда все же является более действенным методом в контроле над преступностью, поскольку возможность быть отвергнутым воспринимается как более ужасное наказание, нежели стыд и следующее за ним прощение. Моя теория отрицает эту точку зрения, так как механизм удерживающего воздействия заключается не в суровости санкций, но в их социальной укорененности; чувство стыда обладает большей сдерживающей силой, когда его внушают люди, имеющие и сохраняющие для нас свою значимость; становясь изгоями, мы получаем возможность осуждать тех, кто осуждает нас, и чувство стыда, таким образом, перестает быть для нас значимым. В следующей главе мы увидим, что в литературе по *теории удержания* поддерживается точка зрения о том, что строгость меры наказания едва ли влияет на эффективность социального контроля, в то время как социальная укорененность санкций обладает чрезвычайной значимостью.

СЕМЕЙНАЯ МОДЕЛЬ

Лучше всего действие воссоединяющего стыда видно на примере любящих семей. Говоря о «семейной модели» уголовного процесса, Гриффитс описал такую модель, в которой наказание назначается не в традиционной атмосфере дисгармонии и непримиримых в корне интересов, но на основе совместимых интересов и даже взаимной поддержки:

Проступки — явление в семье обычное, вполне ожидаемое. Получаемое ребенком наказание неотделимо от других составляющих его взаимоотношений с родными; равно

как оно не предполагает изменение статуса с «ребенка» на «ребенка-преступника». Родитель наказывает своего ребенка, и оба при этом знают, что после случившегося они будут жить так же, как и раньше. Ребенок получает наказание как нечто само собой разумеющееся, ощущая постоянную любовь — после обеда, и во время подготовки ко сну, перед сказкой на ночь или во время общей семейной игры; его наказывают в его собственном неизменном качестве, как ребенка с недостатками (которые есть у всех детей), а не как какого-то отличного от других, опасного изгоя.

(Griffiths, 1970:376)

Семейная жизнь учит нас тому, что внушение чувства стыда и наказание возможны и при сохранении взаимного уважения. Выдвигаются две гипотезы. Первая из них предполагает, что, во-первых, семьи — наиболее эффективно действующие агенты социального контроля в большей части обществ, причем во многом именно из-за этой их отличительной характеристики; во-вторых, если процесс наказания в семьях проходит по отчуждающей, а не по воссоединяющей модели и не усвоено умение наказывать в рамках постоянной, непрекращающейся любви, то в таких семьях социализация детей терпит неудачу.

Вторая гипотеза перекликается с литературой по проблемам развития ребенка (см., например: Berkowitz, 1973; Patterson, 1982). Классическими исследованиями в этом жанре являются, вероятно, работы Баумринд (Baumrind, 1971, 1978). Ей удалось выявить, что «авторитетный» стиль воспитания детей, сочетающий в себе твердый контроль (установление четких норм и настойчивые требования их соблюдения) с обучением и поощрением, обеспечивает лучший контроль над таким нежелательным поведением, как агрессия, чем другие формы воспитания: «авторитарный» стиль (строгий контроль отстраненных и безучастных родителей) и «либеральный» стиль (разрешительно-мягкий контроль внимательных родителей).

Исключительно по причинам, связанным с теорией социального обучения, семьи, в которых обычным положением вещей является осуждение, а не одобрение, не способны социализировать детей посредством лишения их одобрения. Трейслер объясняет, каким образом эффективность внушения чувства стыда зависит от включенности ребенка в отношения, где присутствует и социальное одобрение:

Необходим контраст между привычным [родительским] одобрением и болезненным ощущением от временного попадания в немилость; если в своих отношениях с родителями ребенок постоянно испытывает страх и неуверенность, техника «лишения одобрения» не повлечет за собой выработки у него особой реакции, связанной с необходимостью избегать данного действия.

(Trasler, 1972:144)

Прогноз нашей теории заключается в том, что низкий уровень преступности будет характерен для тех культур, в которых «семейная модель» находит применение в процессе контроля над преступностью как внутри семьи, так и за ее пределами. Аналогия с семьей заставляет нас, однако, определить более четко, что мы подразумеваем под внушением чувства стыда.

ЧТО ТАКОЕ ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА?

Некоторые специалисты в области возрастной психологии любят разграничивать социализацию посредством внушения чувства стыда и социализацию посредством вызова чувства вины (Dienstbier *et al.*, 1975; см. также French, 1985). В соответствии с этим разграничением при внушении чувства стыда за проступком следует выражение неодобрения со стороны внешних референтов, таких как родители и соседи. Вызов чувства вины — это следующие за проступком указания на то, сколь сильно ребенок должен раскаиваться в совершении столь злостного деяния. Такое разграничение неверно и излишне для наших теоретических целей, потому что взывание к чувству вины всегда подразумевает под собой и внушение чувства стыда со стороны взывающего (-их), а также (на чем мы остановимся позднее) потому, что, если говорить о социальном контексте, чувство вины становится возможным лишь благодаря укорененным в культуре процессам внушения чувства стыда. Для наших целей понятия «вызывать чувство вины» и «внушать чувство стыда» неразделимы, они суть единая часть одного и того же социального процесса. Я не отрицаю различия, которое Бенедикт и другие исследователи проводят между виной как неспособностью жить в соответствии с нормами собственной совести и стыдом как реакцией на осуждение других. Но нельзя *вызывать* чувство вины, не подразумевая при этом неодобрения окружающих. Иными словами, с точки зрения преступника, разделение чувства вины и стыда возможно, но как *вызов* чувства вины, так и *внушение* чувства стыда представляют собой формы осуждения, выражаемого окружающими. Равно как в пределах моей теории не имеет места и существовавшее прежде разграничение культуры вины и культуры стыда, поскольку совесть, заставляющая нас испытывать чувство вины, согласно моей теории, формируется существованием в культуре внушения чувства стыда.

Что же включает в себя внушение чувства стыда? Оно может быть выражено легкими, почти незаметными жестами: нахмуренные брови, междометие, выражающее упрек, едкое замечание, поворот спины, легкое покачивание головой, смехок; это может быть и прямое вербальное указание, когда нарушителю сообщают, насколько виноватым он должен себя чувствовать и насколько его родственники и друзья потрясены его поведением; возможно и косвенное указание, донесенное посредством слухов, достигающих ушей нарушителя. Посредником в процессе внушения чувства стыда могут выступать средства массовой информации или частное лицо (как в случае, когда феминистка делает надписи на заборе насильника); порицание может быть официальным и исходить от судьи, который его произносит, или от государства, когда имя преступника упоминается в официальном сообщении или в законодательной палате; оно может быть транслировано в массовой культуре посредством фильма, формирующего моральную оценку по отношению к определенному злодеянию.

Модальности процесса внушения чувства стыда зачастую обладают культурной спецификой. Так, в республиканском Риме двери домов преступников сжигали, а пострадавшие следовали за теми, кто причинил им зло, в траурных одеждах, с растрепанными волосами, время от времени посылая им проклятия в общественных местах или дома (Lintott, 1968; цит. по: Bayley, 1985: 22). В Народных судах Кубы и Китая словесное осуждение проступка обычными гражданами является частью судебной процедуры. Фрейдсон и

Ри (Freidson and Rhea, 1972) показали, что практически универсальной санкцией, применяемой к врачам, совершившим профессиональные нарушения, является разговор с ними коллег или представителей администрации клиники «с глазу на глаз». Затем, если это не помогает, к «разговору» привлекаются другие участники, и уже последняя мера — вынесение дела на официальную комиссию. В соответствии с освященной временем морской традицией «мачта капитана», капитан в присутствии остальных членов команды, собравшихся на палубе, мог вынести порицание моряку, заснувшему на вахте, с целью пристыдить его. В культуре индейцев кроу процесс внушения чувства стыда осуществляется посредством сочинения шутильной пародии на непозволительное поведение другого человека. Такой ритуал называется «покупать чужие действия»:

Один индеец вспоминает, как однажды в детстве он разозлился и, надувшись от обиды, улегся на землю, что само по себе не было чем-то особенным. Однако товарищ по игре лег на землю рядом с ним и стал изображать его надутые губы, тем самым «покупая его действия». При помощи подобного подражания первый ребенок видит свои собственные действия со стороны, что должно напомнить ему о непозволительности такого поведения.

Время от времени, особенно среди взрослых, коррекционный сценарий осмеяния приобретает дополнительный акцент благодаря тому, что «покупатель чужих действий» действительно подходит к нарушителю и предлагает ему символическую сумму денег, которые тот должен с благодарностью принять, пусть даже испытывая смущение. Затем покупатель объявляет присутствующим о случившемся и о том, что будет происходить в дальнейшем, после чего довольно театрально имитирует неподобающее поведение.

(Austin, 1984:36)

Несмотря на то, что внушение чувства стыда часто связывается с официальным наказанием, такая связь вовсе не обязательна, как в этом примере с индейцами кроу, где внушение чувства стыда (неформальное наказание) связано с реальной материальной наградой.

РАЗДЕЛЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА И НАКАЗАНИЯ

Западные авторы, занимающиеся *теорией удержания*, зачастую говорят о большей значимости стыда, связываемого с наказанием, по сравнению с собственно наказанием. Анденес (Andenaes, 1974:78) выразил это следующим образом: «Тот факт, что преступник отторгается обществом и становится объектом всеобщего презрения, уже служит удерживающим фактором; мысли о стыде, связанном с поимкой и последующим осуждением, для многих куда мучительнее, нежели мысли о самом наказании». Далее Анденес говорит о том, что «позорный столб и колодки использовались не только как орудия телесного наказания, но также и для того, чтобы понизить статус преступника» (Andenaes, 1974:78-9).

Однако современная история западных практик наказания сводится к систематическому разделению наказания и публичного стыда. На смену зрелищности позорных столбов и кандалных шествий пришла новая практика наказаний, предполагающая изолированность преступников, выведение их из поля

зрения публики. Публичные казни и публичные порки были заменены на наказания непубличного характера, закрытые для общественности.

В узком историческом контексте такое разделение носило положительный характер. Публичные проявления актов жестокости власти по отношению к гражданам, вероятно, в такой же степени узаконивали зверство, в какой ставили преступление вне закона. Если говорить языком *теории дифференцированной ассоциации*, подобные проявления способствовали появлению представлений, благоприятствующих насилию. И, что более существенно для настоящей работы, внушение чувства стыда имело, по большей части, клеймящее, а не воссоединяющее действие. Именно к таким выводам пришел фон Хиппель, рассуждая о наказании в континентальной Европе в средние века:

Публичные экзекуции — смертная казнь, нанесение увечий, телесные и другие позорящие наказания, зачастую усугубляемые страшными методами их осуществления, затмили собственно цель — удержание людей от преступлений, и повредили общему предупреждению, ожесточая сердца людей. Столь же губительно действие такого уголовного права сказалось и на индивидуальном предупреждении. Объявленные вне закона, изгнанные, изувеченные, заклеянные, опозоренные, лишенные чести или власти отторгались от общины добропорядочных граждан, что заставляло их выходить на большую дорогу. Таким образом, само уголовное право пополняло ряды закоренелых профессиональных преступников, которых в то время было бесчисленное множество.

(von Hippel, 1925:158)

В Англии от практики выжигания клейма на щеке преступника отказались в XVIII веке, поскольку она «не возымела желаемого действия удержания преступников от дальнейшего совершения преступлений. Наоборот, не внушающие теперь доверия при получении какой-либо работы или должности и лишенные возможности зарабатывать на пропитание честным и законным способом, такие преступники становились еще более отъявленными злодеями» (Pike, 1876:280-1).

Сострадательные люди, безусловно, приветствовали прекращение подобной практики, однако ее отмена стала причиной глубокого разделения собственно наказания и внушения чувства стыда в некоторых западных обществах. В моем родном штате Квинсленд распространенным явлением были судебные распоряжения, предписывающие вывешивать на видных местах в пабах, где продавалось разбавленное пиво, специальные ярко окрашенные таблички, указывающие на то, что владелец был недавно осужден за продажу такого пива. От этой практики отказались, посчитав ее «диккенсианской», а также вследствие неопределенности влияния негативной огласки, размывавшей ясную соразмерность выносимых судами приговоров. Шоэм (Shoham, 1970:12-13) описал несколько «поэтических» наказаний, в основе которых было внушение чувства стыда и которые в настоящее время перестали существовать: например, пекарь, продававший хлеб, по весу не соответствующий норме, должен был пройти по окружности площади, обвешанный такими буханками.

Ширинг и Стенниг указали на то, что одной из важнейших тенденций развития современного уголовного правосудия является появление внутри него частных предприятий. Так, уже сегодня работники частных служб безопасности весьма быстро становятся гораздо более значительной по численности группой

агентов социального контроля, чем общественная полиция. Отличительной чертой этого частного правоприменения является полное отрицание нравственного понятия порядка и процедуры контроля.

В рамках частного контроля порядок воспринимается, в первую очередь в инструментальном, нежели в нравственном смысле. Порядок — это просто набор условий, наиболее благоприятных для достижения основных целей объединения. Так, в коммерческой корпорации порядок — это, как правило, то, что максимально увеличивает прибыль.

(Shearing and Stenning, 1984: 339)

Типичной реакцией отдела безопасности корпорации на обнаруженную растрату будет возвращение денег и увольнение соответствующего сотрудника. Совершенно не учитывается тот факт, что непубличный характер такого правоприменения, лишенный какого-либо морального содержания, означает, что растратчик снова попадет на рынок труда, где будет задействован другим частным предпринимателем, который и станет его следующей жертвой.

В этой книге, в частности, утверждается, что разделение стыда и наказания, проявившееся самым разнообразным образом во многих западных странах, является важным фактором, объясняющим повышение уровня преступности в этих странах. И, наоборот, обратившись к опыту Японии — единственной страны, в которой после Второй мировой войны со всей очевидностью проявилась тенденция к снижению уровня преступности, мы можем утверждать, что эта тенденция стала результатом восстановления культурных традиций по внушению чувства стыда нарушителям, включающих действенное объединение этих традиций с наказанием. Отмечаемый спад не был явлением лишь первых послевоенных лет: за период между 1976 и 1980 годами количество убийств в Японии сократилось на 26%; за тот же самый период в США этот показатель возрос на 23% (Fenwick, 1983: 83). Уровень преступности в Японии является, вероятно, наиболее низким среди всех развитых стран (Ames, 1981).

ВНУШЕНИЕ ВОССОЕДИНЯЮЩЕГО СТЫДА В ЯПОНИИ

После Второй мировой войны Япония переживала состояние аномии, то есть, по Дюркгейму, общего упадка норм, определяющих групповое и индивидуальное поведение: «Чем сильнее ослабевают группы, к которым принадлежит [индивид], чем менее он от них зависит, тем более он зависит лишь от самого себя и следует лишь тем нормам поведения, которые соответствуют его личным интересам» (Durkheim, 1951:209). Согласно Дарендорфу (Dahrendorf, 1985), подобная аномия как прямое следствие унижительного поражения во Второй мировой войне была характерна и для Германии. Но Япония не стала смиренно следовать плану вестернизации своей системы уголовного правосудия, который пытались навязать американцы в период послевоенной оккупации. В этом смысле, если обратиться к выводам, к которым пришел Бэйли в своем сравнительном исследовании японской и американской полиции, японцам, вероятно, повезло:

Пытаясь найти объяснение значительной разницы между уровнем преступности в Японии и Соединенных Штатах, ошибкой было бы сбрасывать со счетов как некую случайность тот факт, что японцы в сравнении с американцами менее воинственны в своих отношениях с властями, что от преступивших закон ждут принятия условий ресоциализации, предлагаемых общиной, а не упорства в доказательстве своей невиновности и сделок с законом ради смягчения наказания, что общество видит в каждой отдельной личности способность к изменениям и чуткому реагированию на неформальные санкции ближайшего социального окружения, что государственное вмешательство в социальную жизнь воспринимается как нечто приемлемое и что индивиды считают своим моральным долгом оказывать помощь в сохранении нравственного единодушия в общине.

(Bayley, 1976: 1)

Можно предположить, что демографическая ситуация в Японии должна неизбежно привести к высокому уровню преступности. Техническая модернизация в стране происходила крайне быстрыми темпами; Япония — высоко урбанизированная страна с густонаселенными городами. Доля японцев, занятых в сельском хозяйстве, сократилась с 30% в 1960 г. до 10% в 1980-м; с другой стороны, в Японии в сравнении с другими странами отмечался самый низкий уровень безработицы. Население страны является культурно однородным. Система уголовного правосудия действует эффективно (в том смысле, что процент задержания правонарушителей высок), и крайне снисходительно (лишь некоторые из этих правонарушителей отправляются в тюрьму). Так, Джордж (George, 1984: 52) сообщает, что в 1978 г. японская полиция успешно расследовала 53% всех известных случаев кражи, но только 15% из 231 403 подозреваемых были арестованы. Судебное преследование начинается только по серьезным делам или по делам менее серьезным в том случае, если обычная процедура принесения извинений, возмещения ущерба и выражаемого жертвой прощения в той или иной степени не реализуется. К тюремному заключению приговариваются менее 10% осужденных, две трети из которых получают срок условно. В Соединенных Штатах срок в тюрьме отбывают 45% осужденных за преступление, тогда как в Японии этот показатель составляет менее 2% (Haley, 1982: 273). В Японии при рассмотрении 27% дел, связанных с убийствами, выносится условный приговор. Более того, со временем отмечается снижение среднего срока тюремного заключения (Bayley, 1976: 141; Adler, 1983: 102). Вспоминая Вторую мировую войну или современные подвиги «Красной армии» и других экстремистских группировок, вряд ли можно утверждать, что японцы имеют генетическую или культурную предрасположенность к насилию.

Выводы выдающихся ученых, исследовавших социальный контекст низкого и сохраняющего тенденцию к снижению уровня преступности в Японии (Clifford, 1976; Bayley, 1976; Adler, 1983; Fenwick, 1985), можно связать с идеей высокой взаимозависимости в японском обществе (не только внутри семьи, но и между соседями и коллегами), о высокоразвитой коммунитарности, а также о том, что две эти характеристики благоприятствуют такому внушению чувства стыда правонарушителям, которое происходит по воссоединяющей модели. Обратите внимание на следующие выводы, сделанные Бэйли:

Чувство того, что безопасность заключается во взаимном принятии индивидов внутри сообщества, передается из семьи в другие группы, что позволяет этим группам

дисциплинировать своих членов, используя их страх быть исключенным. Это объясняет способность полиции столь эффективно надзирать за поведением собственных работников. Организация окружает служащего почти семейной заботой, повышая тем самым психологические издержки, связанные с исключением из организации. По подобной же схеме японец принимает власть и авторитет закона, как он принимал бы традиции своей семьи. Полицейский, по сути, — своего рода старший брат, который предостерегает от совершения нарушений в семье...

Говоря языком психологии, система опирается не на негативное, а на положительное подкрепление поведения, делая основной акцент на взаимной доброжелательности внутри сообщества, предполагающей в то же время искреннее раскаяние оступившегося. Японский полицейский хочет, чтобы правонарушитель испытал чувства, аналогичные облегчению, испытываемому ребенком, который, сознавшись перед родителями в своем проступке, получил в ответ ласковый смех и теплые объятия. В отличие от своих американских коллег японские стражи порядка характеризуются искренней заботливостью, а не строгостью и давлением на преступившего закон.

(Bayley, 1976: 156)

Семейная модель находит здесь наиболее яркое выражение. Даже тем, кто знаком с Японией весьма поверхностно, хорошо известно, что для японской культуры характерно внушение стыда. Но не столь широко известно, что японская культура утверждает воссоединяющий характер такого стыда. Факт того, что вероятность попадания за решетку для американских осужденных в двадцать раз выше, чем для японских, многое говорит о различной степени приверженности этих обществ, с одной стороны, к отторжению оступившихся, а с другой — к реинтеграции.

В Японии, если индивиду внушают чувство стыда, это чувство зачастую испытывает и коллектив, к которому принадлежит этот индивид: семья, компания, школа, и в особенности — глава организации.

Когда несколько лет назад в Токио молодой констебль изнасиловал женщину, шеф его участка ушел в отставку. Таким образом, младшие и старшие чины выражают общую преданность безупречному исполнению своих обязанностей. Такой взгляд на ответственность является необходимой составляющей японской культуры и в более широком смысле. Когда самолет-истребитель столкнулся с гражданским авиалайнером, вызвав его падение, министр обороны подал в отставку. Родители иногда совершают самоубийства, если их детей арестовывают за совершение особенно неприемлемых с точки зрения общества преступлений...

К тому же, японские полицейские отличаются особой ответственностью потому, что боятся навлечь позор на свою «полицейскую семью». Они, таким образом, рискуют потерять уважение коллег, которых они воспринимают как отцов и братьев.

(Bayley, 1983: 156)

Естественно, основными социальными единицами, принимающими на себя ответственность за реинтеграцию осужденных правонарушителей, являются семьи. Помимо семьи, однако, существуют быстро разрастающиеся образования общественных добровольцев. В Японии действуют 540 000 местных подразделений Ассоциации по предупреждению преступности и 10 725 профессиональных объединений по предупреждению преступности, 126 000 добровольных сотрудников Организации руководства и помощи несовершеннолетним, которые выполняют «полевую» работу с подростками, 8 000 членов Объединения

«старших братьев и сестер», занимающихся трудными и делинквентными подростками, 32 000 добровольцев Женской ассоциации содействия реабилитации правонарушителей, 80 000 членов Добровольного объединения работников службы пробации, 1 640 добровольных посетителей пенитенциарных учреждений, 1 500 представителей Товарищества работодателей, оказывающих содействие условно-досрочно освобожденным при приеме на работу, 2 028 Советов по связям полиции и школы, а также многие другие организации (см. ссылки на них: Adler, 1983: 104-5; Clifford, 1976). Стремление нации к реинтеграции прописано даже в статье 1 Закона о реабилитации правонарушителей:

Цель данного закона — обеспечение социальной защиты и развития частного и общего благоденствия посредством оказания помощи в исправлении и реабилитации правонарушителей... и содействия в мероприятиях по предупреждению преступности. Каждый в соответствии со своим положением и способностями должен помогать достижению цели, обозначенной в предыдущем параграфе.

Ассоциации по предупреждению преступности и другие добровольческие объединения связаны с системой неформального местного управления, которое распространяется на каждый дом, каждую семью, а также с системой «местной полиции»^{vii}. Понятия стыда и воссоединения как его следствия присутствуют даже в народной культуре:

Американский антрополог Бетти Лэтем [1967] указала на то, что в японских народных сказках акцент делается на раскаянии и исправлении, в то время как в сказках западных — на наказании и зачастую смерти. Западные общества, похоже, значительно скорее, чем общества восточные, готовы поставить крест на человеке. В японском варианте «Красной Шапочки», например, злой волк падает на колени и слезно обещает исправиться. В западной версии волка попросту убивают.

(Bayley, 1985:105)

Принесение извинений занимает центральное место в ритуалах завершения судебных споров в Японии (Wagatsuma and Rosset, 1986; Haley, 1986). Церемонии восстановления, призванные обозначить возрождение гармонии между конфликтующими сторонами, составляют стержень культуры; лучший способ для такого примирения — взаимные извинения, в которых даже относительно невиновная сторона определяет, каким образом она, возможно, способствовала развитию конфликта, и на этой основе строит свои извинения.

Неприязнь японцев к отторжению и стремление к воссоединению преступивших закон с обществом имеют под собой бесчисленное множество культурных оснований. Согласно Уагатсуме и Россету, извинение в Японии равнозначно отделению от темной стороны своего «я», которая и совершила неприемлемый поступок. Японцы часто объясняют проступки тем, что человеком овладевает «муши» (червяк или жучок). Преступники, таким образом, действуют не в соответствии со своим истинным «я»; они являются жертвами «муши», которого можно «оторвать», «что позволяет человеку быть восстановленным в обществе без вины на нем» (Wagatsuma and Rosset, 1986:476). В культуре изначально предполагается, что каждый человек в основе своей добр и сам способен исправиться. Все это означает, что единственной подходящей реакцией

на социально отклоняющееся поведение (после того как нарушитель был пристыжен и раскаялся) может быть “родительское одобрение и принятие” (“*амаякаши*”). Бэйли объясняет существование отличительной модели взаимоотношений “полицейский — преступник” в Японии:

Американец на обвинение полицейского, скорее всего,отреагирует вопросом: “Почему я?” Японец чаще отвечает: “Простите меня”. Американец демонстрирует свой гнев, японец — испытываемое им чувство стыда. Американец оспаривает обвинение и старается унижить полицейского; японец принимает обвинение и пытается вызвать благожелательность у стража правопорядка. Ответная реакция американского полицейского — неумолимость и беспристрастность, японского — сострадание и стремление помочь.

(Bayley, 1976: 150)

Японские достижения в сфере контроля над преступностью приобретены, конечно, определенной ценой (см., например, Fataba, 1984). Взаимозависимость, внушение чувства стыда, коммунитарная мобилизация для ресоциализации правонарушителей являются составными элементами культуры, в которой обязанности индивида перед обществом чаще, чем на Западе, превалируют над его правами. Мы снова обратимся к рассмотрению этой стратегической дилеммы в десятой главе. Критики также часто видят в высоком уровне самоубийств в Японии свидетельство того, что эффективное подавление преступности означает лишь то, что многие личные проблемы проявляются иными способами. Однако данные, свидетельствующие об обратном соотношении между карой, направляемой индивидом на самого себя, и репрессией общества представляются весьма слабыми (Cohen and Fishman, 1985). К тому же, как указал Клиффорд (Clifford, 1976: 141), хотя в сравнении с уровнем преступности уровень самоубийств в Японии и является достаточно высоким, он не превышает средних мировых показателей. И это — несмотря на то, что японская культура в определенной степени оправдывает самоубийство, чего в других культурах не происходит. Если расширить нашу теорию, распространив ее не только на преступность, но и на другие формы социально отклоняющегося поведения, это привело бы к следующему выводу: наиболее распространенными будут такие формы социально отклоняющегося поведения, которые пользуются наибольшим социальным одобрением (наименее подвержены действию чувства воссоединяющего стыда), как, например, самоубийство в Японии. Или, если роль душевнобольной менее постыдна для женщины, а роль преступницы, в свою очередь, более постыдна, то, согласно моей теории, можно сделать вывод о том, что соотношение душевных заболеваний и преступности будет выше для женщин, чем для мужчин (что и обнаруживают данные по Японии и другим странам).

ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА И СУБКУЛЬТУРЫ

Во второй главе мы говорили о том, что субкультуры, предоставляющие различную степень социальной поддержки для противозаконного поведения, действительно существуют в любом обществе. Даже в Японии насчитывается порядка 2 500 высоко организованных преступных объединений, столько же банд байкеров и других групп, транслирующих преступные субкультуры (Clifford, 1976: 117-24). Эти субкультуры могут

находиться в оппозиции основной культуре, то есть проповедовать ценности, целиком противоположные ценностям основной культуры; некоторые из них в случае возникновения ситуации выбора между удовлетворением личного интереса и конформностью просто предлагают социальную обстановку, более терпимую к отклонениям от социальных норм; иногда эти субкультуры благоприятствуют «дрейфу» между общепринятым и девиантным.

Однако даже при систематическом учете этих аспектов концепции субкультуры, число групп, явно поддерживающих субкультурные поведенческие модели, остается незначительным в большей части обществ. Это означает, что субкультурные группы не имеют, скажем, находящихся в каждом пригороде призывных центров, какие есть у вооруженных сил. Большинство граждан, желающих вступить в армию, знали бы, с кем надо связаться, но большая часть американцев не имеет ни малейшего представления о том, как стать членом мафии или присоединиться к «ангелам ада». Следовательно, даже если жизненные обстоятельства делают перспективу участия в преступной субкультуре весьма привлекательной для индивида, чаще всего эти обстоятельства уже меняются к тому времени, когда индивид сталкивается с возможностью встать в ряды субкультурной группы, занимающейся именно той деятельностью, которая его привлекает.

Если бы люди не были столь разборчивы в выборе удовлетворяющей их девиантной субкультуры, то, конечно, субкультуры практически были бы более доступны, чем сейчас. Если бы обстоятельства моей жизни изменились настолько, что меня стало бы привлекать участие в криминальной субкультуре, то, скорее всего, первой подвернувшейся мне возможностью стало бы незаконное употребление наркотиков в компании с другими правонарушителями. Но, поскольку я уже испытал на себе ужасающий эффект взаимодействия марихуаны с алкоголем, употребление даже слабого наркотика меня ничуть не привлекает. Возможность крушить все подряд также меня не привлекает, так что вандализм обернулся бы страшной скукой; перспектива изнасиловать женщину, скорее, переполняет меня отвращением, чем заставляет испытывать удовольствие. С другой стороны, возможность стать на тысячу долларов богаче, в то время как мой банк станет на тысячу долларов беднее, кажется мне довольно заманчивой идеей, поэтому, если бы жизненные обстоятельства подтолкнули бы меня к совершению преступления, мошенничество пришлось бы мне по вкусу. Суть в том, что криминологическая теория, как и теория экономическая, постоянно забывает, что у людей абсолютно разные вкусы и предпочтения. Ослабление социального контроля в моем случае и наличие противозаконной возможности вовсе не означает, что я воспользуюсь ею — необходимо, чтобы эта возможность соответствовала моим предпочтениям. Таким образом, учитывая изначально небольшое число субкультурных групп, я вряд ли буду иметь возможность связаться со многими из них в течение временного ослабления моей приверженности ценностям законопослушного общества, и еще меньше вероятность того, что у меня будет возможность участвовать в субкультуре, предлагающей именно такие виды деятельности, которые удовлетворяют моему вкусу.

Негативная стигматизация — наиболее важное из жизненных обстоятельств, увеличивающих привлекательность криминальных субкультур для индивидов. Альберт Коэн (1955) говорил о том, что ученик,

отвергнутый статусной системой школы (получивший клеймо *неисправимого* или *неудачника*), сталкивается с проблемой статуса и пытается найти решение. Коэн предположил, что он находит его совместно с другими учениками, которых школа отвергла подобным же образом. Отверженные объединяются и создают собственную систему статусов, ценности которой являются полной противоположностью ценностям, господствующим в школе.

Причем для того, чтобы подтвердить гипотезу, связанную со стигматизацией, вовсе не обязательно обращаться к таким оппозиционным криминальным субкультурам, как коэновские группы или «Ангелы ада» (хотя и исключать их нельзя). Подростки, в которых семья и школа буквально вколачивают чувство стыда, что ставит их в положение нарушителей главенствующих норм, могут найти утешение в группе наркоманов-героинщиков. Единственное, что отличает эту субкультуру от основной культуры, — это употребление героина; во всех остальных аспектах законопослушание ее участников может сохраняться на приемлемом уровне — по крайней мере, первоначально. Я лишь говорю о том, что, если попытки пристыдить человека не предусматривают возможности прощения и столь безжалостны, что превращают его в изгоя или заставляют думать о себе как об изгое, то общение с теми, кого также полностью или частично воспринимают как людей, находящихся в разладе с нормами основной культуры, становится естественным и приобретает для такого человека особое значение. Когда клеймо уже поставлено и отторжение произошло, дальнейшие попытки предостеречь нарушителя от общения с группой, предоставляющей социальную поддержку для отклоняющегося поведения, теряют силу.

Однако мы уже говорили о том, что субкультуры, понимаемые в широком смысле как группы, предоставляющие любого рода систематическую социальную поддержку противозаконным действиям, зачастую немногочисленны. Противоправность же начинается по большей части с коллективной, а не единоличной деятельности: для употребления наркотиков необходимо общение с поставщиком, вандализм или уличные драки, как правило, требуют аудитории, для угона машин нужен тот, кто научит всем тонкостям «дела» (Zimring, 1981; Wilson and Herrnstein, 1985: 292-3). Таким образом, часто случается, что перед отвергнутыми индивидами, стремящимися воспользоваться незаконными возможностями, эти возможности не возникают, или, по крайней мере, не возникают такие возможности, которые могли бы их привлечь. Либо возможности не предоставляются, либо индивид считает необходимым их отклонить. Итак, если стыд внушается по отчуждающей модели, его результатом может стать и самостоятельная реинтеграция правонарушителя. Не следует полагать, что реинтеграция может осуществляться только теми, кто внушает стыд. Индивиды совершают выбор в свете социально-структурной реальности, с которой они сталкиваются, и они не являются пустыми сосудами, полностью детерминированными этой реальностью.

С другой стороны, для тех из отвергнутых обществом, кто не находит субкультурной поддержки для совершения противоправных действий или кто решает отказаться от конкретной субкультуры, сохраняется более высокая вероятность совершения преступления (в качестве преступника-одиночки) в сравнении с теми, кто был вновь интегрирован в общество. Однако вероятность того, что они станут рецидивистами, для них ниже, чем для тех, кто все-таки находит субкультурную поддержку.

Итак, клеймение, осуществляемое семьей, школой и другими агентами социального контроля, повышает для отверженного привлекательность субкультурных групп, предоставляющих социальную поддержку для совершения преступления, и ослабляет социальный контроль этих источников над преступной деятельностью. Однако, если участие в субкультуре не становится привлекательным для индивида, то клеймение может иметь и превентивное действие. В таких обстоятельствах всегда остается возможность, что отверженный, устав от жизни, наполненной отрицанием, будет стремиться доказать, что достоин примирения с ближайшим социальным окружением, заклеившим его. Негативная стигматизация в таком случае произведет реабилитационный эффект, равный тому, который могло бы иметь действие воссоединяющего стыда. С другой стороны, в связи с действием клеймящего стыда все же сохраняется опасность совершения девиантных поступков со стороны одиночек, в том числе самоубийства, и опасность эта, вероятно, больше, чем в случае со стыдом воссоединяющим. В то же время необходимо помнить, что вне зависимости от того, уменьшает ли стигматизация шансы отверженного на совершение противозаконных действий или увеличивает их, на социальном уровне она вносит свой вклад в предупреждение преступности. На социальном уровне порицание все же имеет свои достоинства, к подробному обсуждению которых мы обратимся позднее. В числе этих достоинств: драматизация акта преступления путем выставления его на всеобщее обозрение, укрепление общественной солидарности, удержание других от подвергающегося клеймению поведения.

Все вышеперечисленное позволяет сделать следующие выводы:

1. Внушение стыда по воссоединяющей модели превосходит клеймение, поскольку сводит до минимума возможность включения индивида в криминальные субкультуры, а также поскольку порицание более эффективно тогда, когда оно укоренено в отношениях, доминирующей характеристикой которых является социальное одобрение.
2. Остается неясным, что лучше: внушение стыда по отчуждающей модели или вообще отсутствие подобных процессов. Ответ зависит главным образом от плотности распределения криминальных субкультур в каждом конкретном обществе.

5

ПОЧЕМУ И КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕЙСТВУЕТ ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА?

ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕОРИИ УДЕРЖАНИЯ

Криминологическая литература по теории удержания предлагает важный довод в пользу обращения к неформальным методам социального контроля в попытках найти ключ к объяснению преступности. Эти работы в значительной мере поддерживают представление о существовании связи между неотвратимостью наказания и преступностью, однако связь преступности и строгости наказания не находит в ней сколько-нибудь серьезного подтверждения (Waldo and Chiricos, 1972; Bailey and Lott, 1976; Kraut, 1976; Silberman,

1976; Teevan, 1976a, 1976b, 1976c; Anderson *et al.*, 1977; Meier and Johnson, 1977; Minor, 1977; Cohen 1978; Jensen and Erickson, 1978; Bishop, 1984; Williams, 1985; Paternoster and Iovanni, 1986; Piliavian *et al.*, 1986). Недавние исследования в данной области наглядно доказывают, что неформальные санкции оказывают на девиантное поведение значительно более мощное воздействие, чем формальные юридические санкции (Burkett and Jensen, 1975; Kraut, 1976; Anderson *et al.*, 1977; Meier and Johnson, 1977; Jensen and Erickson, 1978; Akers *et al.*, 1979; Tittle, 1980b; Meier, 1982; Paternoster *et al.*, 1983a, 1983b; Bishop, 1984; Williams, 1985; Paternoster and Iovanni, 1986; Piliavian *et al.*, 1986).

Оказалось, что санкции, применяемые родственниками, друзьями или значимым для индивида коллективом в большей степени воздействуют на преступное поведение, чем санкции, налагаемые отстраненной судебной властью. Это утверждение истинно потому, что репутация с точки зрения близких знакомых имеет для людей большее значение в сравнении с мнением или действиями чиновников уголовного правосудия. Как указывает Блау (Blau, 1964: 20), «человек, испытывающий потребность в общении с другими людьми, заинтересован в том, чтобы казаться привлекательным для них, ибо его возможность общаться с ними и пожинать плоды такого общения пропорционально зависит от того, сочтут ли его достойным членом коллектива и пожелают ли общаться с ним».

В рамках социального опроса, проведенного Британским правительством, молодых людей просили оценить различные последствия ареста. В то время как лишь 10%, выбирая наиболее важное последствие, называли возможное наказание, 55% самым важным посчитали то, что могут подумать их родственники или подруги. Еще 12% называли самым главным последствием огласку и связанное с ней чувство стыда как последствия судебного процесса, и это в среднем оценивалось как последствие, более важное в сравнении с возможным наказанием (Zimring and Hawkins, 1973:192). Очевидно, необходима дальнейшая эмпирическая работа, для того чтобы выяснить, не является ли слишком безапелляционным предлагаемое далее утверждение, но Титтл, вероятно, отражает общую точку зрения современных исследователей, когда говорит, что:

социальный контроль как общий процесс фактически полностью основан на применении неформальных санкций. Предвосхищение, оценка вероятности или строгости формальных санкций, похоже, не имеют для нарушителя серьезного значения, да и то значение, которое представляется очевидным, находится, как оказывается, в зависимости от предвосхищения и оценки санкций неформальных.

(Tittle, 1980b:24)

Лишь незначительная часть предупреждающих преступность неформальных санкций связана с санкциями формальными, поэтому литература по *теории удержания* в некотором смысле не отдает должное тому значению, которое имеет применение неформальных мер реагирования. Эти исследования также не дают эмпирических подтверждений *теории воссоединяющего стыда* — о том, как это сделать, мы будем говорить в десятой главе, но они, несомненно, указывают на то, что мы находимся на правильном пути в наших поисках объяснения преступности. Если снова процитировать Титтла (Tittle, 1980b:198), можно заключить, что исследования в этой области указывают на то, что «в той степени, в которой страх

удерживает индивидов от социально отклоняющегося поведения, в той же степени этот страх, скорее всего, вызван боязнью потерять статус или уважение среди своих знакомых или внутри общины в целом». При рациональном сравнении «затрат и выгод» преступления утрата уважения для большинства из нас перевешивает формальное наказание. Однако, с точки зрения *теории обучения*, такое рациональное сравнение является результатом обучения, связанного с оперантным обусловливанием. Существует также значительно более серьезное воздействие совести, которая возникает на основе чувства стыда через механизм классического обусловливания (см. главу 2, с***).

Таким образом, работы по *теории удержания* показывают, что значение имеют не формальные карательные свойства социального контроля, но, скорее, его неформальные вразумляющие свойства. Такому прочтению способствовали поразительные данные, ставшие результатом классического полевого эксперимента Шварца и Орлинза (Schwartz and Orleans, 1967). В течение месяца перед заполнением налоговых деклараций проводились интервью с налогоплательщиками. При этом в интервью с участниками одной случайно отобранной группы всячески подчеркивались меры наказания, применяемые к тем, кто уклоняется от уплаты налогов, в другой группе — акцент делался на нравственных основаниях необходимости соблюдения налогового законодательства. В то время как вразумление и использование аргументов, апеллирующих к нравственности, привели к значительному увеличению реально выплаченных налогов в сравнении с результатами контрольной группы, призванная оказывать удерживающее воздействие угроза не вызвала никаких серьезных изменений размера выплаченных налогов.

ВНЕ ГРАНИЦ УДЕРЖАНИЯ, ВНЕ ГРАНИЦ ОПЕРАНТНОГО ОБУСЛОВЛИВАНИЯ: СОВЕСТЬ И СТЫД

Джексон Тоби (Jackson Toby, 1964: 333) предположил, что удерживающее воздействие не имеет ни малейшего отношения «к поведению огромных массам населения, которые бессознательно усвоили нравственные нормы общества». Люди, как правило, придерживаются рамок закона не из-за страха перед наказанием и даже не из-за угрызений совести, но просто потому, что им претит сама мысль о преступном поведении. Для большинства людей совершение тяжких преступлений просто невообразимо; эти люди не проводят рациональный анализ «затрат и выгод» преступления, прежде чем прийти к решению соблюдать закон. Решающим моментом для понимания того, почему большинство из нас и подумать не может о значительной части тяжких преступлений, являются, как мы будем утверждать, процессы внушения чувства стыда.

«Невообразимость» преступления есть проявление нашей совести, или сверх-Я, — как бы мы это ни называли в зависимости от наших предпочтений в области психологических теорий. Для Айзенка (Eysenck, 1973: 120) совесть — это условный рефлекс. Наш неоднократный детский опыт связывает проступки с подзатыльниками, пренебрежительным отношением, стоянием в углу, выговорами и другими неприятными последствиями. Этот опыт закрепляет за девиантным поведением условную реакцию страха и тревожности. Такие слова, как «плохо» и «дурно», тоже начинают связываться с этими неприятными событиями и со

временем также вызывают условную реакцию тревожности. Это вербальное приклеивание ярлыков является основой процесса обобщения, объединяющего под одной рубрикой «плохо» или «дурно» самые разнообразные виды неприемлемого поведения, каждый из которых влечет за собой условную реакцию тревожности. Со временем обобщение углубляется, и уже более абстрактное понятие «преступления» определяется как «дурное», или «зло». Оставим психологам споры о том, в какой мере процесс обобщения и приобретения совести является результатом обусловливания, а в какой мере это — когнитивный процесс. Суть в том, что совесть — свойство приобретенное.

Для подростков и взрослых совесть является более мощным орудием контроля над неприемлемым поведением, чем наказание. В обществе взрослых людей (в отличие от общества детей с институтами яслей и детских садов) технически уже невозможно устроить так, чтобы угроза наказания нависала над головами людей всякий раз, когда они сталкиваются с искушением нарушить существующие правила. К счастью, совесть больше, чем просто компенсирует отсутствие формального контроля. В успешно социализированном индивиде совесть вызывает тревогу как наказание за любого рода причастность к преступлению — наказание более систематическое, чем бессистемные действия полиции. В отличие от любого наказания, исходящего от суда, реакция тревожности возникает мгновенно. Наказание *беспокойством* действительно предшествует «вознаграждению», получаемому в результате преступления, тогда как наказание, предусмотренное законом, следует много позднее полученного вознаграждения. Для большинства из нас, таким образом, муки собственной совести — более сильная угроза, чем наказание, которому нас может подвергнуть система уголовного правосудия.

Внушение чувства стыда имеет особое значение в качестве социального процесса, гарантирующего существование семейного процесса формирования совести ребенка. Как страховая компания не может вести дела без гарантий, так и семья не могла бы способствовать развитию совести у детей в культурном вакууме, лишенном социальных практик, связанных с внушением чувства стыда. Внушение чувства стыда само по себе является важным приемом воспитания; оно — чрезвычайно ценный инструмент в руках ответственного и любящего родителя. Однако с развитием нравственности ребенка, с переходом социализации от этапа формирования реакций на внешний контроль к этапу формирования реакций на контроль внутренний прямые формы внушения чувства стыда теряют свою значимость в сравнении с апеллированием к чувству привязанности или уважения ребенка к окружающим, к его собственным нравственным нормам относительно того, что есть хорошо и что есть плохо. Существуют некоторые данные, действительно подтверждающие, что по мере развития ребенка методы непосредственного внушения чувства стыда могут стать менее эффективными, чем методы апеллирования к его чувствам и увещевания (Dienstbier *et al.*, 1975). Имеются также веские доказательства того, что излишняя родительская опора на наказание и утверждение собственной власти находится в прямой связи с последующим делинквентным поведением потому, возможно, что это тормозит развитие внутреннего контроля за счет сохранения контроля внешнего (Hoffman and Zaltstein, 1967; Feshbach, 1970; Hoffman, 1970; Eron and Leftkowitz, 1971, Eron *et al.*, 1974; Welsh, 1976; Maccoby, 1980: 385; Agnew, 1985).

Внешний контроль, тем не менее, где-то на заднем плане должен сохраняться. Если становление совести проходит должным образом, к прямым формам внушения чувства стыда, и тем более наказания, прибегают все реже и реже. Но время от времени мы игнорируем укоры совести, тогда для скомпрометированной совести необходим повторный урок. В роли такого «крайнего средства» внушение чувства стыда имеет огромное преимущество перед наказанием. Оно в большей степени, чем наказание, наполнено символическим содержанием. Наказание — это отрицание веры в нравственность преступника путем сведения законопослушания все к тому же расчету «затрат и выгод». Внушение чувства стыда может стать новым утверждением нравственности преступившего закон посредством выражения личного разочарования в том, что он сделал что-то, столь неподобающее, а также — если внушение чувства стыда носит воссоединяющий характер — посредством выражения личного удовлетворения от того, что нарушитель восстановлен в обществе. Наказание возводит границы между оступившимся и наказывающим, преобразуя отношения и закладывая в их основу утверждение власти и причинение боли. Следствием внушения чувства стыда становится более прочная, пусть и в определенной степени болезненная, взаимосвязанность сторон, взаимосвязанность, способная увести от клеймения или установить существенно лучшие взаимоотношения. Наказание зачастую бывает постыдным, и внушение чувства стыда обычно воспринимается как наказание. Но в то время как наказание обретает символическое наполнение лишь благодаря тому, что своим осуждающим характером оно связывается с внушением чувства стыда, собственно внушение чувства стыда носит символический характер в чистом виде.

Тем не менее, так как необходимость внушать чувство стыда возникает, когда отказывает совесть, так и необходимость наказывать появляется, если преступник находится вне поля действия, на котором возможно пробудить чувство стыда. К сожалению, однако, у не испытывающих чувства стыда и угрызений совести, не поддающихся обусловливанию стыдом, вероятнее всего, и наказание не вызовет нужной условной реакции. Здесь имеются в виду прежде всего психопаты (см. работу Медника о способности к выработке условных рефлексов и психопатии; работа эта, похоже, касается обусловливания как посредством боязни укоров совести, так и страха перед формальным наказанием (Mednick and Christiansen, 1977; Wilson and Herrnstein, 1985: 198-204)). Данные свидетельствуют, что наказание является весьма неэффективным «крайним средством» для людей, которые в своем развитии «переросли» приемы контроля, имевшие влияние на них в детстве. В этом заключается основная проблема модификации поведения, основанного на поощрениях и наказаниях, как метода реабилитации правонарушителей. Правонарушители играют в эту игру, возвращаясь к доподростковому реагированию на социальный контроль в виде «вознаграждений и наказаний», поскольку так они могут получить наибольшие привилегии и удобства. Однако, покидая исправительное учреждение, они вновь начинают вести себя как взрослые (коиими, собственно, и являются) во взрослом мире, где возможность позволить себе проступок и близость наказания напрямую не связаны между собой.

Тот факт, что результатом внушения чувства стыда становится формирование совести, дает этому методу превосходство над другими стратегиями контроля, которые основаны на простой манипуляции

«вознаграждениями и издержками, связанными с преступлением. Указанный эффект внушения чувства стыда усиливается благодаря тому, что процесс этот по природе своей отличается всеобщей к нему причастностью. В то время как обычное наказание налагается одним человеком либо ограниченным количеством работников системы уголовного правосудия, к связанному с наказанием процессу внушения чувства стыда могут быть привлечены почти все члены общины. Таким образом, когда в нижеприведенном отрывке Знанецкий говорит о «наказании», на самом деле он имеет в виду осуждение или внушение чувства стыда, связываемые с наказанием:

Вне зависимости от того, удерживает ли в действительности наказание от последующего нарушения закона или нет, оно, похоже, значительно укрепляет согласие и солидарность тех, кто деятельно или опосредованно участвует в определении его меры. Противостояние наказуемым деяниям других увеличивает согласованность в рядах налагающих наказание и ведет, таким образом, к сохранению и поддержанию системы, участниками которой они являются.

(Znaniecki, 1971:604)

Участие в выражении отвращения по отношению к преступным действиям других является частью того, что делает для нас отвратительной и невообразимой возможность совершить преступление. Больше того, в следующей главе, там, где говорится о гендерной стороне процесса внушения чувства стыда, будет показано, что чем чаще человек становится инструментом внушения другим чувства воссоединяющего стыда, тем значительно увеличивается его способность к воссоединению и реинтеграции в случае, если подобное придется испытать ему самому. Женская роль, которая отчасти заключается в осуществлении реинтеграции в семье, во многом определяет приверженность исполняющих эту роль к мысли о желательности воссоединения в случае, когда опасность стать отверженным грозит им самим.

Когда мы стыдим самих себя, то есть испытываем угрызения совести, мы обнаруживаем себя в роли другого, видя в себе объект, заслуживающий внушения чувства стыда (Mead, 1934; Shott, 1979). Мы учимся этому самоконтролю путем совместного с другими участия в процессе внушения чувства стыда преступникам и злоумышленникам. Внутренний контроль является социальным продуктом контроля внешнего. Внутренний контроль (саморегулирование) может занять место контроля, осуществляемого внешним агентом, только в том случае, когда прочное внутреннее усвоение контроля происходит через уже существующий в культуре внешний контроль.

В таких культурах, как японская, где внушение чувства стыда имеет воссоединяющий характер, за связанными с этим внушением церемониями следуют церемонии раскаяния и принятия нарушителя в общину. В смысле формирования совести эти культуры имеют явное преимущество в том, что в них используются две церемонии вместо одной, а также, что более важно, в том, что утверждение нравственного порядка происходит с двух совершенно разных сторон — со стороны тех, кто был оскорблен, и того, кто в

этом повинен. Нравственный порядок устанавливает особый вид доверия, при котором нарушивший этот порядок выходит и открыто заявляет о том, каким злом является совершенное им нарушение.

Это достигается благодаря тому, что Гоффман (Goffman, 1971: 113) называет «расщеплением»: «Извинение — это жест, посредством которого индивид как бы «расщепляет» себя на две части: ту, что виновна в правонарушении, и ту, которая отделяется от деликта и заявляет о вере в нарушенное правило».

В таких культурах, как японская, где «расщепление» входит в повседневную практику, поношение согрешившей стороны «я» стороной раскаивающейся может быть много более беспощадным, чем поношение, осуществляемое другими людьми: «он может преувеличить или приукрасить свидетельствующие против него факты, ставя тем самым перед другими задачу ограничить это его самоуничижение» (Goffman, 1971: 113). Таким образом, по Гоффману, чувство воссоединяющего стыда возникает при «расщеплении» личности и отделении заслуживающей порицания стороны, которая становится своего рода мишенью специального и общего предупреждающего и воспитательного воздействия стыда, в то время как вторая часть этого «расщепленного» «я» отступает и совместно со всей общиной становится орудием порицания, помогая достигнуть эффекта от вышеупомянутого воздействия. И именно вторая сторона подлежит прощению и воссоединению. Таким образом, в интерпретации Гоффмана внушение чувства стыда по воссоединяющей модели в Японии — это отделение «настоящего» «я», которое представляет собой одновременно и инструмент и объект реинтеграции, от «я» дурного, которое является объектом устыжения.

Итак, если подводить итог: стыд в осуществлении социального контроля функционирует на двух уровнях. Во-первых, угрызания совести, чувство стыда предупреждают преступное поведение, поскольку социальное одобрение значимых для нас людей представляет ценность, которую не хочется терять. Во-вторых, и что более важно, как внушение чувства стыда, так и раскаяние формируют совесть, которая предупреждает преступное поведение как бы изнутри, даже в отсутствие какого бы то ни было внешнего порицания, связанного с нарушением. Порицание и внушение чувства стыда порождают два принципиально разных вида «наказания» — социальное неодобрение и угрызания совести.

МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ СЛУХОВ И ПЕРЕСУДОВ

Мы уже говорили о том, что внушение чувства стыда имеет бóльшую значимость в качестве культурного процесса, нежели практической методики воспитания, поскольку без такого культурного процесса невозможно становление совести. Именно наличие процессов внушения чувства стыда в обществе наполняет социализацию содержанием. Я вспоминаю, как узнал, насколько ужасно убийство, когда наш ближайший сосед был убит местным мясником в пылу карточной ссоры. Помню поучения моей матери: как она стыдила мясника и говорила о том, какой это позор для его родителей. Такое порицание, несомненно, имело место в каждом доме в нашем районе, тем самым в развивающуюся совесть каждого ребенка вкладывалось новое содержание.

Сомневаюсь, что кто-нибудь из соседей в открытую выражал свое негодование семье преступника. В этом не было необходимости. Родственники мясника и так знали, что слухи и пересуды ходят повсюду. Вместо этого люди стремились выразить семье сочувствие по поводу столь ужасного происшествия. Исключением был лишь Эдди, умственно отсталый, которого, бывало, утихомиривали смущенные покупатели мясной лавки, когда он пытался крикнуть: «Я знаю, почему N здесь больше не работает. Я знаю, что он натворил».

Иными словами, если не считать выкриков Эдди, порицание не доходило до ушей родственников мясника, зато доходили жесты воссоединения. Именно таким образом зачастую происходит внушение чувства стыда по воссоединяющей модели: слухи, которые не доходят до нарушителя или его семьи (но о наличии которых они осведомлены), сочетаются с открытым стремлением к реинтеграции и обратному приятию в общину, попытками выразить сожаление, обозначить необходимость для преступника и его семьи оставить прошлое позади и начать все заново. Пересуды по поводу преступления, сочетаются с открытыми жестами, направленными на реинтеграцию.

Глакман (Gluckman, 1963) — ведущий представитель антропологической традиции изучения сплетен и слухов, которая соответствует моему анализу. По Глакману, слухи чрезвычайно важны для процесса кристаллизации и упрочения общинных ценностей. Однако он и близкие ему ученые указали и на то, что в некоторых обществах усердно избегают сплетничать о человеке в его присутствии (например, Campbell, 1964:265). Они утверждают, что, если бы подобное происходило, слухи способствовали бы расколу и дроблению общины и в действительности зачастую влекли бы за собой насилие. Вместо этого слухи способствуют единению группы.

Это объяснение носит слишком функциональный характер. Часто слухи бывают основой конфликта, а не социальной интеграции. Вот, например, к каким выводам привело Кэмпбелла его исследование греческой общины горцев: «И, поскольку ниспровержение одной семьи утверждает и в некотором смысле повышает статус других семей, мужчины посредством всевозможных сплетен, намеков, выражения осуждения поступков пытаются лишить друг друга прав на почтение и уважение».

Тем не менее сторонникам этой традиции удалось сделать ценный вклад, продемонстрировав, каким образом пересуды все же *могут* способствовать социальной интеграции в случае, если открытое осуждение избегается. Но это, повторяю, происходит не всегда. Главная задача моей книги заключается, кроме всего прочего, в том, чтобы показать, что чувство внушаемого стыда может носить как воссоединяющий, так и отчуждающий характер, и что многое зависит именно от этого разграничения.

Слыша сплетни о других и участвуя в их распространении, мы узнаем об обстоятельствах, в связи с которыми люди теряют свое доброе имя. Так, если мы сами начинаем вести себя подобным образом, мы знаем, что станем предметом сплетен и пересудов, даже если и не услышим их. Мы усваиваем определенную культуру.

Внушение чувства стыда в общине в сравнении с семьей является, таким образом, более опосредованным и тонким процессом. Однако не следует недооценивать и то, в какой степени косвенное

выражение неодобрения в сочетании с непосредственной демонстрацией дружеского расположения способствует появлению чувства воссоединяющего стыда и в семье тоже. Мать расстроена поведением своего ребенка и жалуется отцу или другому своему ребенку. Затем, возможно, кто-то из них сообщает провинившемуся члену семьи о том, что мать расстроена. Ребенок извиняется перед матерью, и она прощает его. Или еще более тонко: видно, что мать плакала. Это напоминает дочери о подобной ситуации в прошлом, когда мать сказала, что плакала, потому что другая дочь «подвела» ее. Дочь, видя заплаканные глаза матери, начинает подозревать, что теперь и ее поведение подобным же образом обсуждают между собой члены семьи. Она просит прощения: увидев слезы, она испытала чувство стыда, через объятие произошло ее воссоединение с семьей. Вот отчасти, что мы имеем в виду, говоря о том, что внушение чувства стыда и вызов чувства вины суть неразделяемые составляющие одного социального процесса.

«УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА» ПО ВСЕМУ РЕПЕРТУАРУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Существование порицания и внушения чувства стыда в масштабах общины необходимо потому, что большая часть преступлений не проходит через личный опыт представителей средней семьи. Узнавать о том, каким злом являются убийство, изнасилование, угон машины и загрязнение окружающей среды, дети должны благодаря осуждению окружающими местного мясника или какого-то злодея на телевизионном экране. Но осуждение, как и внушение чувства стыда, направленные на преступника, лично известного детям, проживающим по соседству, представляет особенную важность, поскольку и преступление, и порицание столь ярки и осязаемы, что оставляют фактически неизгладимое впечатление.

Порицание и внушение чувства стыда в социализации детей имеют по большей части викарный характер, воспринимаясь через истории и сказки. Они, безусловно, не обладают мощью примеров реальной жизни, поскольку не являются столь же яркими. Однако они необходимы, потому что, как правило, происшествия в семье или по соседству не охватывают значительного количества видов преступлений. Культура, в которой нет историй и сказок для детей, где четко выводится мораль и определяются злодеяния, потерпела бы неудачу в осуществлении нравственного развития детей. Люди, (я бы это просто убрала – дословный перевод плох, делать это через описательную конструкцию тоже не хочется — нарушится смысл) определяют свою индивидуальность во многом благодаря ответу на вопрос: «Частью каких сказок и историй я себя считаю?» «Лишите детей их историй, и вы оставите им лишь экспромт, сделав беспокойными заиками как в действиях, так и в словах» (MacIntyre, 1984:138).

По сути, социальные процессы внушения чувства стыда выполняют три задачи:

1. Они наполняют содержанием ежедневную социализацию, которая происходит главным образом посредством воззваний и увещаний. Как мы только что видели, порицание и внушение чувства стыда формируют мораль, необходимую для воспитания совести. Дурной характер поступков, выходящих за рамки непосредственного опыта детей, более эффективно передается посредством внушения чувства стыда, нежели посредством простого увещания.

2. Социальные эпизоды порицания напоминают родителям о разнообразии пороков и злодеяний, в отношении которых им нужно давать своим детям урок нравственности. Родителям необязательно иметь список преступлений, и даже «конспект возможных грехов», для того чтобы обсуждать их со своими чадами. В обществе, где порицание и чувство стыда сохраняют свою значимость, социальные примеры внушения чувства стыда способствуют опосредованному порицанию внутри семьи, и, таким образом, все пункты Уголовного кодекса автоматически оказываются более или менее охваченными. Так, ребенок, наблюдая однажды за осуждением человека, совершившего изнасилование, спрашивает кого-то из родителей или другого взрослого о том, что лежит в основе этого преступления, либо сам формирует картину из серии подобных эпизодов. Естественно, в обществах, где стыдят не в полную силу, сохраняется опасность того, что весь спектр преступлений не будет охвачен. Это и предыдущее замечания можно свести воедино иным образом: публичное порицание оказывает давление на родителей, учителей и соседей, заставляя их следить за тем, чтобы их частное порицание было достаточно систематическим.

3. Социальное порицание в значительной мере перенимает эстафету у родительской социализации, когда дети уходят из-под влияния семьи и школы. Иными словами, социальное порицание обобщает принципы, усвоенные в ранние годы жизни.

Этот третий принцип связан, как пишет Анденес, с моральным, или воспитательным, влиянием уголовного права, с его способностью «открывать глаза на нравственность» (Andenaes, 1974: 116-17). Ребенком я мог усвоить, что убивать плохо. Но когда я покидаю знакомую семейную обстановку, чтобы начать работать в незнакомой атмосфере атомной станции, система безопасности станции учит меня тому, что нарушение определенных правил может стоить многих жизней, поэтому людей, совершающих подобные нарушения, подвергают сопоставимому с содеянным, моральному осуждению. К пониманию постыдности убийства добавляется новый опыт, затем происходит обобщение. Однако чем меньшему осуждению подвергаются те, кто пренебрегает правилами безопасности, тем менее серьезно и я буду склонен воспринимать эти правила. К сожалению, социальные процессы внушения чувства стыда часто терпят неудачу в создании обобщений относительно преступлений в организациях.

В последние годы в некоторых западных обществах наметилось более эффективное использование процесса внушения чувства стыда применительно к определенным видам преступлений и правонарушений (вождение в нетрезвом виде, преступления против окружающей среды, нарушения правил по охране и безопасности труда, политическая коррупция). Внушаемое чувство стыда для многих взрослых интегрировало в нравственные основы, заложенные в детстве, новые категории преступлений, которые были упущены их детской социализацией.

Несмотря на то, что граждане по большей части знакомы с содержанием большинства уголовных законов, знание подробных требований закона может быть привнесено и посредством примеров публичного порицания. Порицая юридическую неосведомленность населения, феминистки во многих странах сумели

прояснить для граждан, что существуют сексуальные домогательства, изнасилование в браке и дискриминация по половому признаку на работе. Социальные изменения проходят необычайно быстро, особенно в свете совершенствования технологий, требующих новой этики, включающей вопросы ядерной и экологической безопасности, безопасности потребителя, ответственной эксплуатации новых технологий, передачи информации и электронных переводов денежных средств, собственно использование новых образований, таких как биржа фьючерсов, и т.д. Таким образом, публичное порицание и внушение чувства стыда особенно необходимо для поддержания соответствующего сегодняшней ситуации правового и нравственного порядка.

Ссылки в биографиях кровавых диктаторов на то, что они были заботливыми мужьями и сыновьями, «примерными членами семей», напоминают нам о том, что социальные процессы, благодаря которым происходит обобщение ситуаций в семье и ситуаций в обществе в целом, далеки от совершенства.

ПРОБЛЕМА НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Основная проблема социализации в современных обществах заключается в том, что по мере взросления детей в рамках семьи мы постепенно отучаем их от контроля посредством наказаний, начиная прибегать к внушению чувства стыда и апелляциям к внутреннему контролю. Переход от семьи к школе связан с частичным возвратом к опоре на формальное наказание как основу социального контроля. Дальнейший переход к социальному контролю, осуществляемому полицией на улицах, в дискотеках и барах, представляет собой возвращение к модели наказания. Другие основные институты социализации подростков — школа и полиция — создают разрыв с установками развития, заложенными в семье.

Мы имели возможность увидеть, что японское общество нейтрализует эту непоследовательность значительно лучше, чем западные общества. Это происходит благодаря тому, что японская система уголовного правосудия (как и школьная система) в большей степени ориентирована на то, чтобы задействовать внутренний контроль, чем наша. Японская полиция, прокуроры и суды в качестве альтернативы наказанию используют значительно более мощную опору, апеллируя к чувству вины, внушая чувство стыда. Если обращение к чувству стыда влечет за собой осознание вины, выражение раскаяния и желание быть вновь принятым и прощенным близкими (и/или жертвой), это считается наилучшим результатом для всех действующих лиц в драме уголовного правосудия. В качестве альтернативы процедурам формального наказания японские принципы «местной полиции» и внушения чувства воссоединяющего стыда на работе и в школе оказывают двойное действие. Во-первых, они возвращают социальный контроль в руки значимых для нарушителя людей, которые способны осуществлять этот контроль с наибольшей эффективностью. Во-вторых, они некоторым образом смягчают имеющийся разрыв между растущим доверием к внутреннему контролю в семейной жизни и потрясением от возврата к внешнему регулированию за пределами дома. Данные подтверждают, что агрессия и делинквентность являются реакцией на чрезмерное применение наказания и на утверждение родительской власти в качестве стратегии контроля внутри семьи. Также я полагаю, что сопротивление унижительной репрессии на улицах

будет много более сильным, когда семьи ограничивают свой авторитаризм, используя уже не силу, но авторитет.

Однако извлеченный урок касается не только отношений полиции и подростков. Деятельность государственных надзорных инспекций, регулирующих экономическую деятельность, зачастую порождает подобное сопротивление — «организованную противленческую культуру» (Bardach and Kagan, 1982; Braithwaite, 1985a), используя в социальном контроле модель наказания в качестве первого и главного, а не крайнего средства по отношению к людям, которые привыкли, что их считают общественными деятелями, способными откликаться на обращения к их «лучшей стороне». Более подробно эта тема будет раскрыта в главах 9 и 10.

Итак, низкий уровень преступности существует в тех обществах, которые заменяют репрессивный социальный контроль внушением чувства стыда и реинтегрирующими обращениями к лучшему в человеке. Таким обществам удастся смягчить жесткий разрыв между отказом от репрессивного контроля в домашней жизни и неизбежным возвращением к последовательной установке на репрессивный контроль в обществе в целом.

ВЫВОДЫ

В этой главе мы получили возможность увидеть, что микропроцесс внушения чувства стыда индивиду имеет последствия, выходящие далеко за рамки жизни этого индивида. Социальный процесс пересудов расширяет микроэпизод до масштабов макрообразца. Эпизод внушения чувства стыда укрепляет культурные образцы, которые гарантируют дальнейшее производство таких культурных продуктов, как детская сказка с моралью, телевизионная программа или поучение школьного учителя. Названные модальности публичного (социального) порицания вызывают дальнейшее функционирование механизмов частного (индивидуального) внушения чувства стыда.

Резюмировать причины, в соответствии с которыми внушение чувства стыда по воссоединяющей модели способствует предупреждению преступности, можно следующим образом:

1. Литература по *теории удержания* показывает, что специальное предупреждение, связанное с возможным раскрытием уголовного деяния, имеет место прежде всего в связи со страхом потерять уважение близких друзей, но не со страхом перед официальным наказанием.
2. Испытываемое преступником чувство стыда не только оказывает специальное предупреждающее действие на оступившегося, но и работает на общее предупреждение правонарушений, удерживая от преступлений многих других индивидуумов, которые также хотят избежать чувства стыда и которые участвуют в эпизоде порицания либо просто узнают о нем.
3. Как специальное, так и общее предупреждающее воздействие стыда будет сильнее для индивидов, которые вовлечены в отношения взаимозависимости и сохраняют к ним сильную привязанность, поскольку для таких людей кумулятивные межличностные издержки, связанные с чувством стыда, будут

выше. Эта одна из причин, объясняющих преимущество внушения чувства воссоединяющего стыда по сравнению с клеймением в обеспечении социального контроля.

4. Вторая причина преимущества внушения чувства воссоединяющего стыда перед клеймением заключается в том, что, разрушая привязанность к тем, кто мог бы стыдить за дальнейшее преступное поведение, и повышая привлекательность групп, обеспечивающих социальную поддержку преступности, клеймение может оказаться контрпродуктивным.

5. Однако законопослушание по большей части достигается не общим и не специальным предупреждением. Большинство из нас придерживается закона не потому, что мы рационально сравниваем страх, связанный с последствиями раскрытия возможного преступления, и выгоду от его совершения, но потому, что сама мысль о преступлении претит нам. Внушение чувства стыда — это социальный процесс, приводящий к осознанию того, что совершение конкретного вида преступления просто невыносимо. В культурах, где социальные процессы внушения чувства стыда носят приглушенный характер, граждане зачастую не интернализуют отвращение к мысли о преступлении.

6. Третья причина преимущества внушения чувства воссоединяющего стыда перед клеймением заключается в том, что сочетание внушения преступнику чувства стыда и раскаяния, им выражаемого, являются более мощным утверждением уголовного права, чем просто вразумление, являющееся процессом односторонним. Ритуал публичного порицания, который закрепляется впоследствии ритуалом прощения и раскаяния, потенциально способен сильнее воздействовать на приверженность закону, чем просто ритуал порицания. Ничто не обладает столь сильным воздействием на формирование совести в масштабах общины, чем раскаяние.

7. Поскольку внушение чувства стыда является формой социального контроля, в которой находит выражение общая причастность к данной акции, в отличие от формальных санкций, которые представляют собой скорее «профессионализированную», чем «общепричастную» форму контроля, внушение чувства стыда формирует совесть, делая граждан одновременно и инструментом социального контроля и его объектом. Участие в выражении отвращения по отношению к преступным действиям других во многом способствует тому, что сама возможность совершить преступление становится для нас отвратительной и просто невообразимой.

8. Как только посредством культурных процессов внушения чувства стыда и раскаяния совесть оказывается сформированной, наиболее эффективным наказанием за совершение преступления становятся угрызания совести, поскольку совесть вызывает чувство тревожности за любого рода причастность к преступлению, тогда как другие отрицательные «подкрепления», включая чувство стыда, возникают с задержкой либо вообще не возникают.

9. Таким образом, внушение чувства стыда — это и социальный процесс, формирующий совесть, и наиболее важное «крайнее средство», к которому возможно прибегнуть, если совесть не будет способствовать обеспечению конформности. Формальное наказание — еще одно возможное средство, но менее эффективное, чем внушение чувства стыда по воссоединяющей модели.

10. Циркуляция слухов и публичное внушение чувства стыда преступнику внутри широкого круга знакомых и тех, кто даже не знаком с ним, также имеют большое значение для формирования совести, поскольку большая часть преступлений не проходит через личный опыт таких ограниченных групп, как семьи. Социальные эпизоды публичного порицания напоминают родителям и учителям о необходимости давать детям урок нравственности в отношении всего спектра преступлений.

11. Публичное внушение чувства стыда оказывает давление на родителей, учителей и соседей, заставляя их следить за тем, чтобы их частное внушение чувства стыда было достаточно систематическим. По мере того, как дети уходят из-под влияния семьи и школы, публичные процедуры все чаще и чаще подменяют собой процедуры частные. В этом одна из причин того, почему публичное порицание в судах играет более важную роль в связи с такими исключительно «взрослыми» преступлениями, как преступления против окружающей среды, но менее эффективно в случае с преступлениями, совершаемыми по большей части подростками, как, например, вандализм.

12. Процесс публичного внушения чувства стыда обобщает знакомые принципы и незнакомые или новые контексты. Он интегрирует новые категории преступлений, которые, возможно, возникают в связи с технологическими переменами, в существовавший до этого «список запретов», являющийся важной составляющей нравственных основ. Публичное порицание преобразует нравственные оценки: так, потери убитыми в битве при Май Лай¹⁴ становятся «военным преступлением», «кровавой бойней», и посредством нашего удаленного участия в эпизоде порицания нравственная категория незаконного убийства приобретает более широкое значение.

13. Культуры, в которых внушение чувства воссоединяющего стыда акцентируется особо, обеспечивают более плавный переход от социализации, осуществляемой семьей, к социализации в рамках более широкого общества. В семье по мере взросления ребенка социальный контроль смещается от внешнего к внутреннему регулированию; культуры, ориентированные на наказание, в общественной сфере обращают этот процесс вспять более резко и полно, чем культуры, ориентированные на внушение чувства стыда. Контроль над преступностью будет сохранять большую эффективность в той мере, в которой его осуществление будет связано с вкладом в развитие внутреннего регулирования; именно поэтому семья является более мощным агентом социального контроля, чем полицейские службы.

14. Сплетни и другие модальности внушения чувства стыда становятся особенно действенными, когда внушение чувства стыда происходит не напрямую, но опосредованно с помощью жестов прощения и воссоединения. Граждан, усвоивших определенные нравственные установки, существующие внутри культуры, необязательно «стыдить в глаза», чтобы они осознали, что являются предметом осуждения. Но «жесты приятия», которые позволили бы провинившимся убедиться в том, что они снова стали частью

¹⁴ В деревне Май Лай южновьетнамской провинции Сонгми подразделением армии США было сожжено 567 человек гражданского населения - стариков, женщин и детей. О происшедшем стало известно спустя более полутора лет, когда один из очевидцев отправил письма президенту США и Конгрессу. Лейтенант Уильям Колли Джуниор, командир взвода, был приговорен к пожизненному тюремному заключению за убийство 22 человек, в том числе детей, однако стал героем американских правых. Президент Ричард Никсон вмешался и добился его освобождения после 3 лет пребывания в тюрьме. *Прим.ред*

общины законопослушных граждан, осуществить, вероятно, необходимо. Иными словами, внушение чувства стыда, носящее слишком лобовой характер, затрудняет воссоединение. В связи с этим необходимо сделать своего рода реверанс в сторону притворства: наши друзья вполне переживут, узнав, что мы злословим у них за спиной, но вот отповедь прямо в глаза может действительно вызвать негативную реакцию!

15. Эффективность внушения чувства стыда зачастую увеличивается, когда публичное порицание сказывается не только на преступнике, но также и на его семье или компании (если это корпоративный преступник). Когда чувство стыда затрагивает как преступника, так и коллектив, это напоминает всем сотрудникам о необходимости осуществлять неформальный контроль над противоправным поведением, и тем самым вразумляющее воздействие стыда умножается. По причинам, которые будут подробнее освещены в следующей главе, подвергнутая общественному порицанию семья или компания часто транслирует переживаемое чувство отдельному преступнику, и именно по воссоединяющей модели. Для преступника стратегия «отвержения отвергающих» может воскресить его собственную самооценку, но близкие и коллеги в скором времени сообщат ему, что дальнейшее вхождение в девиантную роль лишь усилит то чувство стыда, которое они переживают по его милости.

6

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИЕ ВНУШЕНИЮ ЧУВСТВА ВОССОЕДИНЯЮЩЕГО СТЫДА

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В этой главе мы будем говорить о коммунитарности и взаимозависимости, которые, на наш взгляд, являются основными социальными условиями, благоприятствующими процессам внушения чувства воссоединяющего стыда. В соответствии с выводами криминологов, исследовавших ситуацию с преступностью в Японии, именно эти социальные механизмы лежат в основе успеха японцев в обеспечении низкого и сохраняющего тенденции к снижению уровня преступности (см. главу 4). Клайнрд (Clinard, 1978) пришел к заключению, что децентрализованность и коммунитарность швейцарской системы кантонов с ее мощной опорой на чувство ответственности граждан в процессе контроля над преступностью во многом способствуют поддержанию низкого уровня преступности в этой стране. Эту же точку зрения поддержала и Эдлер (Adler, 1983).

"Государства, которыми не овладела преступность"¹⁵ Эдлер — наиболее амбициозное сравнительное исследование стран, уровень преступности в которых считается низким. Это исследование можно подвергнуть оправданной критике как работу, не имеющую под собой твердой почвы в виде эмпирических данных (Mukherjee, 1985), хотя общее неудовлетворительное состояние сравнительных

¹⁵ Adler F. *Nations Not Obsessed With Crime*.

данных едва ли можно вменить в вину автору книги, проведшему исследование десяти стран, где, по ее мнению (основанному по большей части на обзоре ООН), уровень преступности является низким. Эти страны — Швейцария, Ирландия, Болгария, Германская Демократическая Республика, Коста-Рика, Перу, Алжир, Саудовская Аравия, Япония и Непал. Исследовательница пришла к выводу, что состояние социальной солидарности (Дюркгейм), названное ею "синномия"^{viii}, является общей характеристикой вышеуказанных стран, отличающихся низким уровнем преступности. Выводы эти были основаны на весьма ограниченных, если не сказать больше, данных. Однако "синномия" Эдлер близка к понятию коммунитарности, о котором рассуждали другие компаративисты, такие как Бэйли, Клиффорд и Клайнард.

Общества с низким уровнем преступности, выделенные Эдлер, отличаются социальной сплоченностью, хорошо развитой системой семьи и сильной системой социального контроля, которая «не стремится осуществлять регулирование посредством формальных мер пресечения», или, говоря языком нашей теории, которая ориентирована на контроль посредством реинтеграции в сплоченные сообщества. Эффективное внушение чувства стыда — подразумеваемый продукт такой синномии. Например, описывая ситуацию в Болгарии, Эдлер утверждает: «Особенно действенным оказывается публичный выговор, сделанный в присутствии социальной группы, к которой принадлежит индивид» (Adler, 1983: 42).

Сколь умозрительный характер ни носило бы большинство сравнительных исследований в рамках данной традиции, именно они отчасти вызвали к жизни утверждение о том, что коммунитарность и взаимозависимость являются чрезвычайно важными условиями для эффективного внушения чувства стыда по воссоединяющей модели. Именно таким образом и должно проходить развитие социологической науки. Качественные сравнительные исследования должны ставить вопросы, ответами на которые становилось бы построение теорий, а затем, если эти теории оказываются плодотворными, их необходимо подвергать систематической эмпирической проверке.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОММУНИТАРНОСТИ

Коммунитарность и взаимозависимость — прочно связанные между собой понятия. Коммунитарность — это качественная характеристика общества; взаимозависимость — переменная, применяемая на индивидуальном уровне анализа. Хотя, несомненно, общество, которое состоит из находящихся в отношениях сильной взаимозависимости индивидов, можно охарактеризовать как взаимозависимое. Скопление взаимозависимостей является основой коммунитарности общества. Однако взаимозависимые отношения возможны и между людьми, которых не связывают чувства общности, взаимопомощи и поддержки. Отношения между судьей и приговоренным преступником характеризуются взаимозависимостью, они обладают большим потенциалом для выражения общественного порицания, но лишены чувства общности и взаимопомощи.

Таким образом, для того чтобы общество было коммунитарным, плотно переплетенная ткань взаимозависимостей должна обладать особым видом значимости для населения. Взаимозависимости

должны представлять собой отношения привязанности, порождающие личные обязательства перед данным сообществом. Они должны восприниматься не как отношения взаимовыгодного обмена, но как своего рода выражение чувства долга перед группой. Так, в коммунитарном обществе сочетаются плотная сеть индивидуальных отношений взаимозависимости и мощная, укорененная в культуре приверженность обоюдным обязательствам. Индивидуальные отношения взаимозависимости понимаются в рамках группового долга: взаимозависимость «отец-сын» является символической частью семейных обязательств, взаимозависимость «наниматель-работник» — часть корпоративной этики. Итак, коммунитарность обуславливается тремя моментами: 1) плотно переплетенные отношения взаимозависимости, которые 2) характеризуются взаимными обязательствами и доверием, 3) основываются на чувстве верности группе, но не на индивидуальных удобствах и выгоде. Коммунитарность, таким образом, является полной противоположностью индивидуалистическому началу.

КОММУНИТАРНОСТЬ И ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА

Большая часть западных обществ характеризуется скорее индивидуализмом, нежели коммунитарностью. Одним из многих исследователей, указавших на устойчивое снижение способности семьи, церкви и соседских общин осуществлять неформальный социальный контроль, был Низбет (Nisbet, 1979). Идеология индивидуализма лишает промежуточные между государством и гражданином социальные группы возможности использовать свои санкции. По иронии судьбы, указывает Бэйли (Bailey, 1985), именно из-за этого для индивидуалистических обществ единственным способом решения разрастающейся проблемы преступности остается обращение к репрессивному аппарату государства. Решая проблемы, связанные с контролем над преступностью, идеология индивидуализма порождает государственный интервенционизм. Но упадок коммунитарности — это больше, чем продукт идеологии. Это — следствие урбанизации, хотя, как показывает пример Японии, следствие, вовсе не являющееся неизбежным. С ростом населения Земли постоянно увеличиваются средний размер и плотность заселения сообществ. Индустриализация и уменьшение трудоемкости ведения сельского хозяйства в большинстве стран мира еще в большей степени усиливают эту тенденцию. В связи с этим отмечается повышение мобильности населения. Люди уже не живут на одном месте так долго, как раньше. Деперсонализация становится отличительной чертой мобильных урбанистических сообществ; соседи перестают быть друг для друга значимыми людьми, родственников теперь отделяют географические расстояния; даже присоединение к школе или церкви носит более скоротечный характер, и не только потому, что ученики и прихожане чаще переезжают, но и потому что учителя и проповедники также отличаются большей мобильностью.

В индивидуалистических обществах, в более или менее полном объеме передавших обязательства по социальному контролю в руки государства, внушение чувства стыда, несомненно, может осуществляться и государством. Значение собственно «государственного» порицания необычайно велико. В тех индивидуалистических обществах, в которых государство в значительной мере участвует в процессе

общественного порицания и внушении чувства стыда, уровень преступности должен быть ниже в сравнении с такими индивидуалистическими обществами, где государство стремится осуществлять социальный контроль посредством отстраненного наложения наказания, не связывая с ним вразумление и обличение зла. В коммунитарных обществах, в которых государство играет большую роль в процессе общественного порицания, преступность должна быть меньше, чем в таких коммунитарных обществах, где это общественное порицание, осуществляемое государством, вовсе отсутствует (если это вообще возможно). Но коммунитарные общества способны обеспечить не только «государственное» порицание, они также предоставляют возможность участвовать в процессе внушения чувства стыда родственникам, соседям и членам прихода, на что не способны общества индивидуалистические. Стыд, внушаемый значимыми для индивида людьми, обладает более мощной силой, чем стыд, внушаемый обезличенной государственной машиной. Мы с бóльшим безразличием будем относиться к тому, что о нас подумает судья (которого мы видим первый и последний раз в жизни), чем к тому, как нас оценивает сосед, которого мы встречаем постоянно. Более того, частота контактов ведет к тому, что даже если порицание, осуществляемое государством, будучи более авторитетным, оказывается более мощным, эффективность его все равно будет меньше в сравнении с внушением чувства стыда в общине, проявления которого более регулярны. С каменно-холодным взглядом моего соседа мне, возможно, придется мириться каждый день, в то время как судья имеет лишь одну возможность бросить на меня подобный взгляд.

КОММУНИТАРНОСТЬ И ВОССОЕДИНЕНИЕ

Коммунитарные общества отличает способность не только к более действенному внушению чувства стыда, но и к внушению такого стыда, который носил бы воссоединяющий характер. Внушение чувства стыда в коммунитарных обществах часто осуществляется и напрямую государством, посредством официальных решений, выносимых через судебную систему, и опосредованно общиной — через осуждение, выраженное в сплетнях и слухах, в открытую преступнику не предъявляемое. Воссоединение же, наоборот, — часто задача семьи и близких друзей. Их роль носит воспитательный характер: они должны показать, что, несмотря на всю тяжесть удара, любящие нарушителя люди прощают его и вновь принимают в свой круг, и что они всегда рядом, чтобы практически поддержать его в дальнейшем.

Исследование освобожденных из тюрьмы преступников Ричарда Эриксона предоставило эмпирическую поддержку выводам о том, что, чем бóльшая социальная дистанция разделяет какого-либо члена законопослушного общества и бывшего преступника, тем выше вероятность того, что реакция этого человека на преступника будет клеймющей по своей сути. В противоположность точке зрения Гоффмана (Goffman, 1968) семья преступника «не снимает с себя порчу, отчуждаясь от своего родственника ... но объединяется с заклейменным обществом индивидом в коллективных попытках найти то его «я», которое удовлетворяет общепринятым нормам» (Erickson, 1977: 22). Подобным образом бывшие заключенные противопоставляли отношение к себе близких друзей и социально дистанцированных людей (включая

сотрудников службы пробации), которые склонны реагировать на них как на преступников: «Кореша мои знают, какой я на самом деле. Они знают меня с разных сторон, а другие, в натуре, сразу видят во мне лишь преступника» (Erickson, 1977: 23).

Такой же способностью внушать чувство воссоединяющего стыда обладают и коммунитарные корпорации. Интервьюируя директора крупнейшей японской нефтяной компании, Брент Фисс и я задали вопрос о том, как ему удалось найти новую должность, причем в главном офисе, для генерального менеджера очистительного завода, после того как тот был дискредитирован в связи с несчастным случаем, повлекшим летальный исход. Директор ответил: «Мы как семья. Если сын совершает преступление, отец должен принять вину на себя».

Отличительная черта коммунитарных обществ в том, что они способны к более мощному внушению чувства стыда, которое равносильно клеймению, и в то же время менее расположены к тому, чтобы отвергать и изгонять оступившихся. Как указал Уилкинс (Wilkins, 1964), люди, проживающие в сельских общинах, имеют более разнообразный опыт взаимодействия и привыкли уважать друг в друге личность. Или, по утверждению Кристи (Christie, 1981: 81):

При прочих равных условиях (хотя очевидно, что их нет в реальности) представляется вполне правдоподобной гипотеза о том, что чем больше взаимная осведомленность членов сообщества друг от друга, тем менее полезными (и нужными) оказываются такие общие понятия, как «болезнь», «безумие» и «преступление». Члены сообщества знают друг о друге так много, что широкие понятия в некотором роде становятся слишком упрощенными. Они не добавляют информации и ничего не объясняют.

Так, в деперсонифицированном городском сообществе намного легче навесить на соседа ярлык «психически ненормальный» и, следовательно «опасный», чем в коммунитарной деревне, классифицировав подобным образом Джека, «такого доброго, сложного человека, у которого свои проблемы и которого многие знают с рождения» (Christie, 1981: 90). «Может, он и несет чепуху, но все знают, что он безобидный, да и отец его был работягой» (Wilkins, 1964: 68).

Это означает, что в коммунитарных обществах больше стимулов к внушению чувства стыда, поскольку вовлеченность людей в жизнь друг друга выше, но по этой же самой причине стимулов к клеймению здесь меньше. Людей стыдят за их конкретные грехи, а не сваливают гуртом в расплывчатые основные категории. Больше слухов, сплетен, больше испытываемый оступившимся стыд, но в то же время больше эмпатия, меньше категорическая стигма и поэтому, в конце концов, меньше условий для формирования субкультур. Эффективный социальный контроль возможен в тех общинах, где в нарушителя видят не преступника, но личность. Межличностное общение сообщества с нарушителем и его семьей не ограничивается напоминанием о ярлыке, который на него повесили, и носит воссоединяющий характер (как в случае с мясником, убившим моего соседа). Тем не менее опосредованное внушение чувства стыда с помощью слухов в значительно большей степени связано с девиантным ярлыком, основываясь на бурном осуждении, которое чувствительные граждане никогда не адресуют нарушителю напрямую.

Таким образом, в коммунитарных обществах «и волки сыты, и овцы целы». Иначе говоря, они в некотором смысле совмещают несовместимое: добиваются воссоединения преступника с сообществом посредством открытых жестов и обращений, в основе которых лежит отношение к нарушителю как к сложной целостной личности, и укрепляют нравственность опосредованно — с помощью слухов, в рамках которых преступники рассматриваются скорее как простые грешники. Открытое порицание, разного рода жесты и обращения отражают более рациональную, справедливую оценку преступника, подчиненную необходимости продолжать общение с ним в дальнейшем; порицание же завуалированное и сплетни являются отражением неукротимой способности человека утверждать собственную «нормальность» и укреплять свое доброе имя за счет безжалостного принижения других. Коммунитарные общества способны действовать по обе стороны этого лицемерного уравнивания с силой, которая не позволяет обществам атомизированным состязаться с ними. Антропологическая «полевая» литература достаточно полно иллюстрирует парадокс жизни коммунитарной деревни, в которой в изобилии присутствуют злостные сплетни, но одновременно велика терпимость к «деревенскому идиоту» или другим девиантам. В обществе крайне атомизированном люди недостаточно *заинтересованы* друг в друге, для того чтобы участвовать, скажем, в распространении сплетен, и поэтому, когда ситуация вынуждает их вступать во взаимодействие с преступником, они не *осведомлены* о нем настолько, чтобы их реакция на него была обусловлена чем-то еще, кроме соответствующего стереотипа.

ПОКАЗАТЕЛИ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

Сейчас мы вновь переключаемся на другой уровень анализа, переходя от социальных условий, благоприятных для внушения чувства воссоединяющего стыда (коммунитарность), к переменной индивидуального уровня, являющейся составляющим звеном коммунитарности, — взаимозависимости. Мы уже говорили о том, что индивиды более восприимчивы к стыду, внушаемому другими, когда их связывают с ними отношения взаимозависимости. Прочность и интенсивность отношений, широта и характер зависимости одного от другого определяют силу взаимозависимости. По всем этим параметрам взаимозависимость родителей и детей, например, сильнее, чем взаимозависимость детей и их сверстников. Поэтому родители в сравнении со сверстниками, как правило (из которого бывают, конечно, и исключения), обладают большей возможностью стыдить детей. Но сила взаимозависимости определяется также уважением и обязательствами, связываемыми с отношениями. Когда родители теряют уважение своих детей, часто бóльшую способность внушать стыд обретают именно сверстники. Теперь наша задача заключается в том, чтобы понять, какие индивидуальные особенности связаны с взаимозависимостью.

Отсутствие занятости

Люди, заканчивающие школу и затем не находящие себе занятия, освобождаются от взаимозависимостей, соответствующих периоду обучения, не устанавливая при этом нового набора

взаимозависимых отношений, возникающих на рабочем месте. Внушение чувства стыда работодателем, осуществляется ли оно посредством едкого замечания, брошенного в присутствии коллег, или иными способами, обладает некой особой силой. Если работник заинтересован в своем месте, порицание не может остаться им незамеченным. Безработные не восприимчивы к этому типу стыда, который особенно важен в таких культурах, как японская, где отношения с начальником носят долговременный характер и охватывают многие аспекты жизни.

Приверженность (обязательства)

Наличие работы у учителей зависит от учеников, ученики зависят от учителей в смысле получения образования и сертификации знаний, необходимых для выхода на рынок труда. Но если ученики не особенно стремятся получить образование и поставили крест на своих карьерных устремлениях, способность учителей или школы как института внушать чувство стыда будет низкой. В *теории контроля* Хирши (Hirschi, 1969) речь идет именно о таком ослаблении взаимозависимости, которое является следствием слабой приверженности образовательному и карьерному продвижению.

Возраст и семейное положение

Наиболее важным коррелятом взаимозависимости является этап жизненного цикла человека. У успешно социализированных детей устанавливаются сильные отношения взаимозависимости с семьей происхождения, со школой и — в зависимости от степени коммунитарности культуры — с соседями своей семьи. К зрелому возрасту значительная часть этих отношений взаимозависимости прерывается, и их место занимает новый набор взаимозависимостей, которые устанавливаются в нуклеарной прокреационной семье, с людьми, живущими по соседству, и коллегами по работе.

Между разрывом старых отношений взаимозависимости и установлением новых существует переходный период. Могут пройти многие и многие годы со времени окончания школы, которая обладает способностью внушать нарушителям чувство стыда, и тем моментом, когда человек «осядет» на постоянном месте работы, где имеются свои, новые возможности контроля. Это могут быть годы случайных отношений, в которых внушение чувства стыда воспринимается как сигнал к разрыву и необходимости начать строить отношения заново с кем-то еще; годы, проведенные во временных арендованных жилищах и в бурных вечеринках, вызывающих негодование соседей, о которых ничего не знаешь или на которых наплевать. Подростки имеют склонность очень быстро рвать построенные на взаимозависимости связи с родителями, школой и «старым чудачком-соседом», тогда как становление у них новых отношений взаимозависимости происходит медленно, причем часто они бывают необычайно хрупкими. Если мы обратимся к истории, то увидим, как это утверждение теряет свою силу. Подростковая культура — это, по сути, понятие двадцатого столетия: «В XIX веке дети, как только начинали работать, становились взрослыми, а это действительно происходило в весьма раннем возрасте» (Wilson and Herrnstein, 1985: 435).

Определенные характеристики современных обществ расширяют период «хрупкой взаимозависимости»: увеличивающаяся продолжительность образования (высшее образование сменяющейся чередой преподавателей обеспечивает наличие менее действенных взаимозависимостей, чем в начальной школе), рост безработицы среди молодежи (Greenberg, 1977), поздние браки и поздние дети. Последнее, вероятно, является наиболее важной из взаимозависимостей. Как указывает Силберман, «самой мощной и неодолимой причиной для исправления является тот факт, что молодые люди влюбляются и желают завести семью и детей; брак и семья — наиболее эффективные из имеющихся у нас коррекционных институтов» (Silberman, 1978; цит. по: Bayley, 1985: 113).

Связь «возраст–преступность» оказалась для криминологии орешком настолько крепким, что Хирши и Готтфредсон вынуждены были заключить: «попытки объяснить влияние возраста на преступность при помощи теоретических и эмпирических переменных, доступных криминологии в настоящий момент, обречены на провал» (Hirschi and Gottfredson, 1994: 567). Роу и Титтл (Rowe and Tittle, 1977) попытались объяснить связь «возраст–преступность» на основании ограниченных данных о преступности, полученных *методом самоотчетов*. По шкале оценки они определяли социальную интегрированность, нравственные обязательства, страх перед наказанием и «выгодность» преступления для субъекта. Общий эффект всех этих контролирующих факторов дал объяснение связи возраста и преступности лишь для четырех из восьми видов преступлений. Понятие *социальная интегрированность* по своему значению приближается к нашему понятию *взаимозависимости*, хотя некоторые отметки на шкале не соответствуют ей (например, степень личной гордости, которую респондент испытывает за Соединенные Штаты, какими они являются на сегодняшний день). Несмотря на то, что *социальная интегрированность* немного лучше других шкал объясняла зависимость возраста и преступности, при учете только этого фактора наблюдалось лишь незначительное снижение зависимости и было объяснено лишь одно из восьми сравнений.

Пол

Переходный период между старыми и новыми взаимозависимостями у женщин иной, нежели у мужчин. В патриархальной культуре предполагается, что мужчина должен порвать с зависимостью от семьи происхождения, «познать жизнь» и даже «перебеситься», прежде чем «остепениться» и создать собственную прокреационную семью. С другой стороны, считается, что женщины сменяют одну форму зависимости (от семьи происхождения) на другую (от прокреационной семьи). Женщины вовсе не чувствуют потребности «отцепиться от мамкиной юбки», и уж точно не обязаны «прожигать жизнь и перебеситься». Коротко говоря, в патриархальной культуре для мужчин санкционирована следующая последовательность действий: набор взаимозависимостей, затем период свободного полета, затем создание, причем собственноручное, нового набора взаимозависимостей. Для женщин, в той мере, в которой общество является патриархальным, эта последовательность несколько иная: один набор взаимозависимостей, за которым следует принятие условий другого набора взаимозависимостей, установленных партнером-мужчиной. Таким образом, социальная

интегрированность женщины всегда выше, женщина более восприимчива к чувству стыда, внушаемому теми, от кого она зависит, она, в сравнении с мужчиной, более ограничена в совершении девиантного выбора.

Эмпирические данные по женской преступности вполне согласуются с этой точкой зрения. Бокс (Box, 1981) на основе соответствующей литературы сделал заключение о том, что корреляты женской преступности фактически не отличаются от коррелятов преступности мужской (Jensen and Eve, 1976; Hagan *et al.*, 1979; Johnson, 1979; Shover *et al.*, 1979; Smith, 1979; Canter, 1982; Thornton, 1982; McCarthy and Hoge, 1984; Elliott *et al.*, 1985; Segrave and Hastad, 1985; но см. Ray and Downs, 1986). Дело в том, что представительницы женского пола в среднем сильнее привязаны к своим родителям и более эффективно контролируются ими, нежели представители мужского пола, у них меньше друзей-делинквентов, и они в меньшей степени обладают теми характеристиками, которые для обоих полов связываются с преступностью.

Йенсен и Эриксон (Jensen and Erickson, 1978) на основе исследования 3000 школьников сообщают о существовании устойчивого соотношения между делинквентностью, фиксируемой в самоотчетах, и количеством баллов, которые отмечают, насколько ученик «переживал бы» после изобличения из-за «возможной реакции своих родителей», в случае, «если учителя будут думать о нем дурно» и т.д. Выводы Йенсена и Эриксона (Jensen and Erickson, 1978: 29-30) соответствуют прогнозам теории воссоединяющего стыда:

Подростков женского пола в значительно большей степени волновало каждое возможное последствие разоблачения, нежели подростков мужского пола. Соотношения здесь оказались много более впечатляющими, чем для других исходных переменных: показатели гамма-коэффициента варьировались от $-0,14$ до $-0,37$. Наиболее ярко разница проявилась в определении родительской реакции и самоуважения. 80% девушек в сравнении с 63% молодых людей посчитали, что их родители будут расстроены. 47% указали, что они непременно стали бы думать о себе плохо. Так же полагали лишь 28% молодых людей.

С ранних лет социализация дочери проходит на основе принятия статуса непрерывной зависимости (обращающейся во взаимозависимость, как только возраст начинает позволять девочкам заботиться о младших детях), в то время как социализация мальчиков в большей степени ориентирована на отделение и утверждение собственного преобладающего влияния. По словам Адри (Udry, 1974: 54), «к трем годам мальчик начинает осознавать, что быть мужчиной значит еще и соответствовать определенным новым требованиям. Мужчины не должны быть пассивными, податливыми и зависимыми, от них ждут агрессии, независимости и напористости».

Хэган и др. (Hagan *et al.*, 1979: 25) находят эмпирическое подтверждение ими же выдвинутому тезису о том, что «женщины чаще являются инструментом и объектом методов *неформального* контроля, в то время как мужчины более часто становятся инструментом и объектом контроля *формального*». Женщина — это не только первичный объект зависимости от семьи, но также и основной инструмент для передачи следующему поколению стратифицированной на основе половой принадлежности зависимости: «Девочки, привыкшие полагаться на старших братьев и сестер, на взрослых («искать помощи»), вскоре начинают оказывать эту помощь («предлагать помощь и поддержку») младшим детям» (Chodorov, 1971).

Внушение чувства стыда по воссоединяющей модели в семье более эффективно в случае с девочками, поскольку, как указывает литература по *теории контроля*, исследующая причины женской делинквентности, они сильнее привязаны к своим родителям и больше обеспокоены потерей их уважения, чем мальчики. Возможно, отчасти именно по этой причине в отношении мальчиков чаще используют средства формального контроля. И не только, как это показали Хэган и др. (1979), в смысле более частого полицейского вмешательства, но также, например, и в смысле более частого использования по отношению к мальчикам телесного наказания в школах. Развивая далее плодотворные идеи Хэгана и др. (1979), мы полагаем, что женщины более часто будут инструментами и объектами внушения чувства воссоединяющего стыда, тогда как мужчины чаще будут инструментами и объектами клеймения. То есть мальчиков в сравнении с девочками чаще будут изгонять из семьи за девиантные поступки, и участвовать в этом чаще будут отцы; матери, вопреки всему, будут стремиться к воссоединению семьи, насколько это возможно в данных обстоятельствах.

Участвуя в передаче сплетни, мы обретаем восприимчивость в отношении того, каково быть ее объектом. Между возможностью быть инструментом и возможностью быть объектом внушения чувства воссоединяющего стыда возникают подобные двойственные отношения. Усвоенное в рамках социализации стремление использовать внушение чувства воссоединяющего стыда в качестве предпочтительного метода социального контроля делает человека более восприимчивым к возможности пройти через воссоединение испытав чувство стыда. Для того чтобы понять причину более низкого уровня женской преступности, нам необходимо осознать структурно отличную роль женщины, заключающуюся в обеспечении социальной целостности семьи. Если сравнивать женщин с мужчинами, в их жизненном цикле гораздо сложнее найти такой период, когда они могут порвать с этой своей ролью, освободившись от уз взаимозависимости.

Более продолжительный перерыв в наличии взаимозависимостей у мужчин после Второй мировой войны и сравнительное отсутствие такого перерыва у женщин являются объяснением большого роста мужской преступности и отсутствия такого роста женской преступности в послевоенный период.

КУЛЬТУРНАЯ ОДНОРОДНОСТЬ

Существуют доводы, позволяющие постулировать культурную однородность в качестве предпосылки эффективного социального контроля, включая внушение чувства стыда по воссоединяющей модели (например, Grabosky, 1984: 173-5; Bayley, 1985). Несомненно, наша теория, подчеркивая значимость субкультур, уже включает в себя культурное разнообразие как ключевое понятие. В нашем исследовании отвергается представление о том, что чернокожие американцы как группа в большей степени используют внушение чувства стыда для того, чтобы гарантировать нарушение закона, чем для того, чтобы обеспечить его соблюдение. Однако вполне допускается возможность существования целиком «черных» субкультур, поощряющих не конформность, но преступность, равно как субкультур бизнесменов-ангლოსаксов, в сущности функционирующих точно так же.

Несмотря на то, что разнообразие культур инкорпорировано в нашу теорию посредством обозначения ключевой роли субкультур, дальше этого я не иду и не утверждаю, что в культурно фрагментированном обществе процессы внушения чувства стыда менее вероятны (и менее вероятно внушение такого стыда, который носил бы воссоединяющий характер).

Если бы наша теория была общей теорией девиантного поведения, действительно существовало бы искушение пойти дальше. Однако здесь нас интересует только построение теории насильственно-хищнических преступлений. В большей части культурно фрагментированных обществ различные культурные сообщества, в общем, согласны с тем, что практически все уголовные законы, защищающие личность и собственность граждан, оправданы и что нарушение этих законов достойно осуждения. Австралийские аборигены могут отвергать систему уголовного правосудия белого человека, могут считать ее дискриминационной по отношению к представителям других рас, могут придерживаться иных взглядов на соответствие наказания и преступления (например, поддерживать телесные наказания), могут настаивать на превосходстве традиционной системы правосудия. Однако в Австралии, по крайней мере, существует согласие между аборигенами и белыми в отношении того, что поведение, криминализированное белым человеком, действительно следует объявлять преступным. Такое межкультурное согласие связано с основополагающими ценностями уголовного закона в отличие от разногласий по поводу ценностей, связанных с осуждением других форм девиации и одобрением «просоциальных» форм поведения.

Если между основными культурными сообществами существует консенсус в отношении того, что изнасилование, убийство и мошенничество являются преступными деяниями и должны подлежать осуждению, тогда не имеется никаких серьезных оснований предполагать, что культурно фрагментированные общества будут иметь тенденцию к менее эффективному внушению чувства стыда. Различные культурные группы могут по-своему осуждать и стыдить членов своего сообщества, для того чтобы гарантировать соблюдение тех уголовных законов, которые им представляются желательными.

Чем более общество является культурно разобщенным, тем менее взаимозависимые отношения связывают между собой разные культурные группы. Взаимозависимости не исчезнут: они лишь станут фрагментированными; люди не будут реже вступать в брак, просто черные будут жениться на черных, а белые — на белых.

Различные культурные группы, несомненно, обладают разными традициями внушения чувства стыда. Вовсе не очевидно, что меньшинства способны выносить общественное порицание менее мощно, чем группа большинства. В этом смысле небезынтересно было бы обратить внимание на поведение евреев, японцев и китайцев в Соединенных Штатах. С другой стороны, если кто-нибудь захотел бы заявить, что в отношении чернокожих американцев и американцев мексиканского происхождения складывается противоположная картина, следовало бы поразмыслить над тем, не связан ли высокий уровень преступности среди этих групп главным образом с систематической блокадой возможностей, которую они испытывают в американской классовой системе, а не с внушением стыда и верой в закон.

Почему мы должны ожидать от бедных меньшей приверженности уголовному закону, чем от богатых, если, как указывалось во второй главе, для бедных выше вероятность оказаться жертвой наиболее тяжких видов преступлений, как обычных, так и «беловоротничковых»? Для богатых нет особого смысла в большей приверженности уголовному праву, ибо в кодексах содержится^{ix} больше норм, криминализирующих поведение бизнесменов, чем норм, криминализирующих поведение бедных, даже при том, что власть имущие могут, в общем-то, обеспечить себе практическую неприкосновенность от применения этих законов. Данные показывают, что даже если не принимать в расчет беловоротничковую преступность, не существует значительных классовых различий в степени терпимости к нарушению закона: не было выявлено, например, ценностей, которые отличают рабочий класс от среднего и одновременно находятся в корреляционных отношениях с делинквентностью (Braithwaite, 1979: 77-84; Braithwaite and Braithwaite, 1981). Степень неравенства в обществе важна для объяснения уровня преступности (Braithwaite, 1979; Braithwaite and Braithwaite, 1980; Carroll and Jackson, 1983; Sampson, 1985, но см. Messner, 1982; Bayley, 1984). Однако структурные различия между легитимными и нелегитимными возможностями различных классов представляют собой более плодотворную почву для объяснения связи преступности и неравенства, чем классовые различия в ценностях.

Культурные группы, несомненно, отличаются в зависимости от того, насколько эффективно они способны внушать чувство стыда внутри себя. Культурная разнородность сокращает эффективность общественного порицания в отношении ценностей, являющихся предметом межкультурного консенсуса, лишь в той степени, в которой составляющие общество культурные группы не способны на мощное внушение чувства стыда. Появление новой культурной группы в обществе (снижение однородности общества) может снизить уровень преступности в случае, если новая группа более действенно использует неформальный социальный контроль, чем группа большинства. Например, группы иммигрантов в Австралии по большей части отличаются более низким уровнем преступности в сравнении с урожденными австралийцами (Francis, 1981). Сазерленд и Крэсси (Sutherland and Cressey, 1978: 148-9) обнаружили, что в некоторых странах, включая Соединенные Штаты Америки, показатель уровня преступности среди граждан иностранного происхождения составляет цифру ниже среднего уровня.

С другой стороны, культурная разнородность способна значительно ослабить ту часть общественного порицания, которую осуществляет государство. Несмотря на то, что я продолжаю утверждать, что этот способ внушения чувства стыда обладает меньшим значением, чем те же процессы, задействованные в рамках ближайшего окружения, официальное оглашение виновности в судах все же сохраняет свою значимость. Насколько меньшинства не отождествляют себя с системой уголовного правосудия большинства, настолько меньшую силу будут иметь официальные заявления суда, призванные внушать чувство стыда.

Выиграла бы моя теория или нет, если бы культурная однородность была постулирована в ней в качестве условия, благоприятствующего внушению чувства стыда по воссоединяющей модели, остается эмпирическим вопросом. Добавление культурной однородности в качестве дополнительной переменной в

правый верхний угол рис. 1 (см. стр. ****) не будет серьезным видоизменением теории. Однако тогда нужно быть очень осторожным в ее проверке. Существует множество обществ, где благодаря меньшинствам уровень преступности неуклонно растет. В большей части таких случаев представители меньшинств имеют меньше легитимных возможностей для достижения целей успеха, чем граждане, принадлежащие к большинству населения. Разделение последствий выбора нелегитимных возможностей как реакции на закрытые легитимные возможности и эффекта слабого порицания за преступление может оказаться нелегкой задачей. Решение, изложенное в следующей главе, представляется самым верным: значение культурных меньшинств для понимания преступности представляется центральным в той степени, в которой для них систематически блокируются легитимные возможности, ибо в таком случае существование угнетенных меньшинств способствует образованию криминальных субкультур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внушение чувства стыда, осуществляемое государством, обладает меньшей силой, чем внушение чувства стыда в рамках ближайшего окружения, но действенное «государственное» порицание является, тем не менее, одним из факторов, способствующих поддержанию в обществе низкого уровня преступности. Так происходит, поскольку порицание государства способно в значительной степени способствовать развитию процесса неформального порицания в общине, а также поскольку государство необходимо для внушения чувства стыда в случаях редких и тяжких преступлений, которые не могут быть охвачены личным опытом членов общины. Более того, испытываемое преступником чувство воссоединяющего стыда достигается путем государственного наказания (в соединении со сплетнями внутри общины, которым оно дает ход), а также деятельности близких ему людей, осуществляющих воссоединение.

Коммунитарность — наиболее важная характеристика общества не просто с точки зрения внушения чувства стыда, но с точки зрения внушения чувства стыда по воссоединяющей модели. Существование клеймения в коммунитарных культурах маловероятно, поскольку сложный, комплексный опыт общения людей друг с другом не позволяет объяснить поведение нарушителя в рамках основных категорий девиантности. Коммунитарность, таким образом, не только благоприятствует внушению чувства стыда и воссоединению, но также тормозит развитие криминальных субкультур в обществе, так как шаблонным статусам-стигмам в таких обществах оказывается значительно меньше доверия.

7

КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ ТЕОРИИ

На рис. 1 представлено схематическое изображение моей теории, и в первой части главы я пытаюсь дать четкие определения ключевым понятиям, обозначенным на этом рисунке. Кластер из пяти переменных вокруг взаимозависимости в левом верхнем углу — это *характеристики индивидов*; три переменные в правом верхнем углу — *характеристики общества*, в свою очередь

высокий уровень преступности и внушение чувства стыда — это *переменные*, применимые как к индивидам, так и к обществам. Таким образом, теория в том виде, в котором она схематично представлена на рис. 1, дает объяснение тому, почему некоторые индивиды с большей вероятностью совершают преступления, а также тому, почему общества определенного типа отличаются более высоким уровнем преступности.

Теория стала бы более сжатой, если бы мы объединили в одну переменную сходные составляющие — *взаимозависимость* (переменную индивидуального уровня анализа) и *коммунитарность* (социальную переменную). Однако это не позволило бы нам сделать выводы относительно того, какие индивиды и какие общества будут характеризоваться более высокой криминальной активностью. В отношении необходимости таких выводов я могу лишь согласиться со словами Кресси (см. также главу 8, ***):

Теория, объясняющая социальное поведение в целом или какую-либо его разновидность, должна обладать двумя различными, но в то же время скоординированными составляющими. Во-первых, обязательно существование положения, объясняющего статистическое распределение поведения во времени и пространстве (эпидемиология), чтобы на основе этого положения можно было строить прогнозы относительно неизвестных цифр данного статистического распределения. Во-вторых, в теории должно содержаться положение, раскрывающее (пусть даже имплицитно) процесс, благодаря которому отдельные индивиды начинают проявлять указанное поведение, чтобы из данного положения можно было бы извлекать прогнозы относительно поведения этих индивидов.

(Cressey, 1960: 47)

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Взаимозависимость — это состояние индивидов. Этим понятием обозначается степень участия индивидов в социальных сообществах, где в стремлении достичь значимых целей они зависят от других, а другие — от них. Можно сказать, что индивид находится в состоянии взаимозависимости, даже если он зависит вовсе не от тех, кто зависит от него. Взаимозависимость — приблизительный эквивалент социальной связи, привязанности и приверженности в *теории контроля*.

Коммунитарность — это состояние общества. В коммунитарных обществах индивиды тесно связаны между собой плотно переплетенными отношениями взаимозависимости, обладающими особым качеством взаимной помощи и доверия. Взаимозависимые отношения имеют в культуре значимое символическое наполнение, благодаря которому у индивида возникает чувство долга перед группой, стоящее выше его собственных интересов. Символическая значимость взаимных зависимостей заключается также в том, что они представляются как отношения привязанности, порождающие личные обязательства перед членами данного сообщества; они не являют собой простую зависимость друг от друга на основе обоюдного удобства (как это происходит между банком и мелким вкладчиком). Коммунитарной культурой отвергаются

любые уничижительные коннотации, связывающие зависимость индивида от сообщества и угрозу его автономии. Эти культуры противостоят толкованиям, в соответствии с которыми зависимость понимается как слабость, и подчеркивают необходимость обоюдности обязательств в рамках взаимозависимости (и ты зависишь, и от тебя зависят). Считается, что японцы в рамках социализации усваивают не только принцип «*амаеру*» («помощь оказывается тебе другими»), но и «*амаякасу*» («ты по-отцовски заботлив и внимателен по отношению к другим») (Wagatsuma and Rosset, 1986).

Под *внушением чувства стыда* подразумеваются все социальные процессы выражения порицания, которые своей целью или результатом имеют вызов раскаяния у нарушителя и/или осуждения со стороны тех, кто оказывается осведомлен об этом. Связанное с определенными символами, формальное наказание зачастую влечет возникновение чувства стыда. Но общества весьма серьезно отличаются друг от друга в зависимости от того, насколько государственное наказание в них дополняется другими формами общественного порицания, и прежде всего внушением чувства стыда, и насколько, наоборот, оно связано лишь с причинением боли с целью сместить оценку «выгод и издержек» к определенному результату. *Внушение чувства стыда*, в отличие от *удерживающего наказания*, нацелено на то, чтобы вразумить преступника и донести до него существо им содеянного. Такое воздействие по большей части не связано с формальным наказанием и не осуществляется государством, однако чувство стыда, внушаемое государством и сопровождающее наказание, представляет собой важную форму внушения чувства стыда вообще. В основе внушения чувства стыда — действия индивидов внутри конкретных взаимозависимых сообществ.

Внушение чувства стыда по воссоединяющей модели (*внушение чувства воссоединяющего стыда*) предполагает, что за общественным порицанием следуют попытки реинтегрировать правонарушителя в общину законопослушных добропорядочных граждан посредством церемоний прощения или снятия девиантного обозначения. Внушение чувства стыда и воссоединение с общиной происходят не одновременно, но последовательно, причем воссоединение происходит до того, как девиантность успевает приобрести характер основного статуса человека. Это такое внушение чувства стыда, в рамках которого клеймят порочность поступка, но не личность преступника как хорошую по своей сути. В соответствии с христианской традицией, призывающей «ненавидеть грех, но возлюбить грешника», этот процесс направлен на то, чтобы указать не на порочного человека, но на дурные деяния. Выражение конкретного неодобрения осуществляется на основе отношений, определяемых общим социальным одобрением; внушение чувства стыда за преступное поведение дополняется постоянным вознаграждением за иные поведенческие примеры. Внушение чувства воссоединяющего стыда не обязательно бывает слабым, оно может носить жесткий и даже жестокий характер. Но отнюдь не мощь отличает его от клеймения, но, во-первых, имеющие предел, а не открытые в бесконечность проявления порицания, завершающиеся прощением, и, во-вторых, попытки сохранить узы любви или уважения на протяжении всего ограниченного во времени периода переживания чувства стыда.

Клеймение — это внушение чувства отчуждающего стыда, при котором не предпринимаются попытки примирить преступника с общиной. Преступник становится изгоем, ничто не мешает девиантности стать доминирующей чертой его личности, за церемониями снижения статуса не следуют церемонии снятия девиантного обозначения.

Криминальные субкультуры — это наборы норм поведения и особых методик, обеспечивающих поддержку преступного поведения. Такому объединению обычно способствуют субкультурные группы, предоставляющие систематическую социальную поддержку преступности тем или иным способом (существование внутри сообщества криминальных ценностей, ослабляющих представление о традиционных ценностях законопослушания, обеспечение членов группы преступными возможностями, приемами нейтрализации общепринятых ценностей и т.д.).

КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ ТЕОРИИ

Нижеизложенное может служить наиболее кратким из всех возможных резюме моей теории. Разнообразные жизненные обстоятельства увеличивают шансы индивидов оказаться в состоянии большей взаимозависимости. Наиболее важными из этих обстоятельств являются возраст (меньше 15 и больше 25 лет), наличие супруга/супруги, принадлежность к женскому полу, наличие работы и высоких карьерных и образовательных устремлений. Взаимозависимые люди более восприимчивы к общественному порицанию. Более того, общества, в которых индивиды характеризуются многообразными взаимозависимыми отношениями, скорее всего, являются коммунитарными, а внушение чувства стыда в коммунитарных обществах распространено шире и обладает большей мощностью. Урбанизация и высокая мобильность населения представляют собой социальные характеристики, подрывающими коммунитарность.

Внушение чувства стыда как продукт взаимозависимости и коммунитарности может быть двух типов: внушение чувства стыда, становящееся клеймением, и внушение чувства стыда, за которым следует воссоединение. Более вероятно, что воссоединяющий характер возникающее чувство стыда будет носить в обществах коммунитарных. В обществах, где внушаемый стыд становится-таки воссоединяющим, результатом оказывается низкий уровень преступности, ибо общественное неодобрение реализуется так, что не влечет за собой отвержения тех, кто не одобряет, и, таким образом, потенциальные возможности для последующих актов порицания не теряются. Более того, воздействие внушения чувства воссоединяющего стыда превосходит воздействие клеймения даже при формировании совести ребенка (см. пятнадцать пунктов в заключении к главе 5).

Внушение чувства стыда, носящее клеймящий характер, наоборот, увеличивает привлекательность субкультур, поскольку предоставляет возможность отвержения отвергающих. Таким образом, когда жесткое общественное порицание из-за недостатка жестов реинтеграции или церемоний снятия девиантного обозначения становится клеймением, девиант одновременно испытывает влечение к субкультурам и оказывается отсеченным от других отношений взаимозависимости (с семьей, соседями, церковью и т.п.). Участие в субкультурных группах обеспечивает преступными ролевыми моделями,

возможностью обучения технике совершения преступления, приемами нейтрализации или иными формами социальной поддержки, делающими выбор в пользу преступления более привлекательным. Чем более клеймящим, а не воссоединяющим является характер внушаемого стыда и чем более распространены и доступны в обществе криминальные субкультуры, тем выше будет уровень преступности. В сравнении с обществами, где развиты механизмы внушения чувства воссоединяющего стыда, общества, где широко применяется клеймение, будут отличаться более высоким уровнем преступности. Тем не менее при сравнении последних с обществами, в которых внушение чувства стыда вообще играет незначительную роль, результат может быть разным в зависимости от доступности криминальных субкультур.

Однако именно высокий уровень клеймения в обществе и является одним из тех факторов, которые способствуют формированию криминальных субкультур, создавая популяции изгоев, не видящих пользы в конформности, не имеющих права на утверждение собственного достоинства в рамках законопослушного общества, — людей, занятых поисками иной культуры, дающей им шанс на самоуважение. С другой стороны, коммунитарная культура привлекает оступившихся, используя их связь с законопослушным обществом и привязанность к нему, препятствуя тем самым массовому отторжению, которое и является основой для формирования субкультур.

Для простоты изложения эти два типа внушения чувства стыда были представлены здесь как абсолютная дихотомия. В реальности же для любого общества верно, что обращение с одними преступниками носит более жесткий клеймящий характер, другим же, напротив, пытаются внушить чувство воссоединяющего стыда. Действительно, у разных людей реакция на одного и того же девианта может быть разной: более клеймящей — у одних, более «воссоединяющей» — у других. Чем более жесткий, клеймящий характер имеет внушение чувства стыда, тем больше вероятность того, что в действие вступят криминогенные процессы, обозначенные на рис. 1 справа. Если баланс такого порицания перевешивает в сторону воссоединения, то, скорее всего, неформальные процессы контроля над преступностью возобладают над этими криминогенными процессами.

Еще одной важной социальной переменной, способствующей возникновению криминальных субкультур, является систематическая блокада легитимных возможностей для критически важных групп населения. Если чернокожих обитателей трущоб постоянно лишают доступа к экономическим возможностям из-за стигмы, лежащей на их расе или районе, то в таких кварталах будут формироваться криминальные субкультуры. Можно предполагать, что негативная стигматизация (как противоположность социальной интеграции) в качестве культурной предрасположенности вносит свой вклад в систематическую блокаду легитимных возможностей; однако культурные переменные, в частности стигматизация, в значительно меньшей степени обуславливают этот процесс в сравнении со структурными экономическими переменными. Я полагаю, что понятие блокады отнюдь не ограничивается лишь перекрытием легальных возможностей, не позволяющим выбраться из бедности; систематическое перекрытие возможностей к дальнейшему росту благосостояния (даже для процветающих компаний) зачастую ведет к формированию корпоративных криминальных субкультур (см. главу 9).

Криминальные субкультуры являются основным механизмом, который создает структуры и механизмы нелегитимных возможностей (знание способов совершения преступления, социальную поддержку или передачу наиболее рациональных схем преступления, преступные ролевые модели, субкультурные группы, помогающие избежать изобличения и организующие коллективные преступные предприятия). Однако в одних обществах нелегитимных возможностей больше, чем в других, и здесь уже взаимодействует ряд иных факторов, не рассматриваемых в рамках моей теории. Эффект, связанный с легитимными и нелегитимными возможностями достижения успеха, сказывается на преступности главным образом опосредованно, через участие индивидов в криминальной субкультуре, тогда как блокада легитимных возможностей в сочетании с доступностью возможностей нелегитимных может, независимо от любых других факторов, отражаться на повышении преступности. Участие ли в субкультуре предоставляет нелегитимные возможности, поощряющие нарушение закона, или они возникают иным способом, но для того, чтобы преступление было совершено, эти возможности достижения поставленных целей должны приходиться по вкусу человеку, находящемуся перед лицом искушения.

Данное резюме теории, безусловно, является слишком упрощенным, поскольку в нем не учитывается, что происходит в ячейке «внушение чувства стыда» на рис. 1. А именно не принимается во внимание обозначенная в главах 5 и 6 роль социальных процессов, объединяющих индивидуальные акты общественного порицания в культурные процессы внушения чувства стыда, носящего более или менее интегрирующий характер: сплетни, упоминание о случаях порицания в средствах массовой информации, детские истории и т.д. Также это резюме пренебрегает существованием обратного действия, которое макропроцессы внушения чувства стыда оказывают на микропрактику внушения чувства стыда, гарантируя тем самым, что этой микропрактикой будет охвачен весь репертуар преступлений.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ?

В теории, которая одновременно предоставляет объяснение индивидуального и социального поведения, можно перебрасывать переменные с одного уровня анализа на другой. Так, при использовании теории на индивидуальном уровне анализа можно классифицировать индивидов в соответствии с тем, проживают ли они в крупных городах, отличаются ли они мобильностью и т.д. Иными словами, две социальные переменные, расположенные в правом верхнем углу на рис.1, можно переделать в переменные индивидуального уровня.

Подобным образом такая переменная индивидуального уровня, как «возраст 15–25 лет», может стать социальной переменной («процент населения в сообществе в возрасте 15–25 лет»). Однако осуществление таких перемещений может привести к существенным заблуждениям, в частности к предположению «что верно на индивидуальном уровне анализа, верно также и для социального уровня». Общество — это больше, чем просто сумма индивидуумов. Так, когда в обществе образуется необычно большое число молодых людей, реакцией на это может стать изменение поведения людей *старших возрастов*: они, например, могут голосовать за увеличение инвестиций в образование или в развитие полицейских бюро помощи несовершеннолетним. Существуют некоторые данные, свидетельствующие, к примеру, что, несмотря на то, что отсутствие занятости является мощным фактором индивидуальной

криминальной активности, общества с высоким уровнем безработицы вовсе не обязательно отличаются и высокой преступностью (Braithwaite, 1979; однако см. Chircos, 1987). Пол — еще одна переменная, непригодная для такого рода перемещения с индивидуального на социальный уровень анализа, поскольку нельзя провести различие между обществами в зависимости от процента в них женского населения.

Однако я не вижу никаких серьезных теоретических или эмпирических оснований, которые не позволяли бы перемещать переменные на рис.1, исключая две вышеупомянутые, с индивидуального уровня анализа на социальный и наоборот.

СПОСОБНОСТЬ ТЕОРИИ ОБЪЯСНИТЬ ТО, ЧТО НАМ ИЗВЕСТНО О ПРЕСТУПНОСТИ

В главе 3 были приведены прочно устоявшиеся корреляты преступности. Насколько наша теория компетентна в объяснении этих соотношений? Некоторая неопределенность возникает в связи с различием действия общественного порицания путем внушения чувства воссоединяющего стыда и жесткого порицания, клеймения. Например, какова, согласно теории, связь между полом и преступностью? На рис. 1 показано, что принадлежность к женскому полу увеличивает взаимозависимость, что, в свою очередь, благоприятствует внушению чувства стыда. Если такое усиленное переживание стыда носит воссоединяющий характер, то принадлежность к женскому полу может быть связана с низким уровнем преступности. Однако, если этот процесс способствует возникновению клеймения, то там, где для отверженных имеется субкультурная поддержка, возможным становится более высокий уровень преступности.

Для разрешения этой проблемы мы делаем одно предположение. Это предположение, как упоминалось ранее, заключается в том, что в большей части обществ криминальные субкультуры являются культурами меньшинства, поэтому последствием клеймения лишь в немногочисленных случаях будет участие в субкультуре, привлекательной для данного индивида. Отсюда вытекает, что уровень общественного порицания однозначно должен находиться в состоянии отрицательной корреляции с преступностью, поскольку внушаемое чувство стыда по большей части будет носить воссоединяющий характер либо, даже будучи клеймящим по своей сути, не приведет к привязанности к субкультуре. Таким образом, каждый из этих вариантов связан со снижением уровня преступности. В любом случае, как видно из рис. 1, переменные (например, половая принадлежность), влияющие на повышение взаимозависимости, оказывают определенное влияние на внушение чувства стыда отчасти посредством усиления коммунитарности, а внушение чувства стыда, являющееся продуктом коммунитарности, вероятнее всего, будет развиваться по воссоединяющей модели. Взаимозависимость одновременно увеличивает перспективы внушения чувства стыда и уменьшает вероятность того, что это внушение будет носить клеймящий характер.

Итак, характеристики, связанные с низким уровнем взаимозависимости: принадлежность к мужскому полу, возраст 15–25 лет, состояние вне брака, отсутствие занятости и низкие образовательные и профессиональные устремления, — должны находиться в непосредственной связи с высоким риском совершения преступления. В нашей теории в качестве коррелятов преступности мы прогнозируем также урбанизацию и мобильность населения. Выводы главы 3 позволяют заключить, что все эти характеристики находятся в состоянии устойчивой корреляции с преступностью.

Устанавливая соотношение между коммунитарностью и преступностью, мы в значительной мере, и, возможно, даже слишком, полагаемся на качественные исследования ситуации в Японии и на более сомнительные качественные данные, полученные в результате анализа аналогичного соотношения в ряде других стран. Но, с другой стороны, довольно прочно укоренившейся является связь между взаимозависимостью как индивидуальным свойством и преступностью. Теория контроля дает множество ярких свидетельств того, что для подростков, «привязанных» к родителям и школе, меньше вероятность совершения делинквентных поступков (см. главу 2).

О соотнесенности «привязанности» к соседям и преступности столь же впечатляющих и однозначных доказательств не существует (см. главу 10 см. стр. ***). Недавний обзор 65 исследований, изучающих взаимосвязь религиозности и социально отклоняющегося поведения, проведенный Титтлом и Уэлчем (Tittle and Welch, 1983), указывает — вопреки некоему общепринятому в криминологии мнению — на возможность того, что принадлежность к церковной общине может способствовать снижению преступности. Титтл и Уэлч (1983: 654) пришли к выводу, что «данные с удивительной последовательностью указывают на то, что религия и девиантное поведение находятся в состоянии зависимости. На самом деле, лишь несколько переменных в социальной науке (возможно, пол и возраст) оказались факторами, по которым с большей очевидностью можно предсказать правонарушения» (см. также Ellis, 1985).

Итак, изучая выводы нашей теории, мы в состоянии объяснить большую часть прочно укоренившихся коррелятов преступности, упомянутых в главе 3. Если говорить конкретно, мы уже нашли объяснение положениям 1-6 и положению 9. Причины каких корреляций мы еще не установили?

Можно аргументировать положения 7 и 8, если мы готовы допустить, что подростки, имеющие низкие образовательные и карьерные устремления и плохо успевающие в школе, слабее привязаны к школе (их взаимозависимость со школой меньше). В том же ключе теория воссоединяющего стыда дает и объяснение того, почему вероятность совершения преступления безработными оказывается выше (положение 12). Помимо безработицы, нахождение на низшей ступени классовой структуры также связано с блокированием легитимных возможностей достижения успеха и увеличением вероятности доступа к определенному роду субкультурам, обеспечивающим наличие нелегитимных возможностей (положение 12).

Наша теория предлагает вполне убедительное объяснение повышения уровня преступности в большей части западных обществ в период после Второй мировой войны. Развитие западных обществ в последнее время связывается с упадком взаимозависимости и коммунитарности, а также с прогрессивной тенденцией разделения стыда и наказания. Это время в большинстве стран стало периодом урбанизации, географической мобильности, поздних браков, сокращения количества браков вообще, а также стремительного роста численности группы населения в возрасте 15–25 лет.

И, наконец, пункт 10 на с. ***, касающийся того, что молодые люди, поддерживающие дружеские отношения с преступниками, с большей вероятностью сами будут совершать преступления, приблизительно соответствует положению нашей теории о том, что участие в криминальной субкультуре приводит к

преступлению. Тот факт, что совместное участие в субкультуре есть путь к преступлению, отчасти обосновывался тем, что субкультура транслирует необходимые навыки или приемы нейтрализации убежденности в важности соблюдения закона (положение 11).

Итак, из нашей теории логически выводится объяснение двенадцати из тринадцати наиболее устоявшихся фактов криминологии. Тринадцатый факт получает объяснение, поскольку сам по себе он — одно из положений нашей теории.

МАНЕВРЫ СО СТАЛКИВАЮЩИМИСЯ ЛОКОМОТИВАМИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Резкий контраст с неспособностью господствующих в науке теорий объяснить большую часть того, что нам известно о преступности, достигается добавлением всего лишь одного элемента в качестве стрелки, позволяющей соединить эти расходящиеся теоретические колеи. Этот элемент — расчленение модальностей устыжения. По-новому соединяя старые теоретические ингредиенты, мы получаем возможность объяснить известные факты, связанные с преступностью, лучше, чем любая из этих теорий в отдельности (ср.: глава 3, сс.*** ...). Больше того, наше объяснение будет лучшим по сравнению с тем, которое можно было бы получить, объединив отдельные (несовместимые!) элементы этих теорий в качестве частных объяснений в рамках многофакторного подхода без какой-либо теоретической основы.

Вверху слева на рис. 1 изображены основные переменные *теории контроля*; справа — *теории возможностей*; в центре и внизу (справа) — *теории субкультур*; внизу — *теории обучения*; справа в средней ячейке — *теории ярлыков*. Таким образом, кроме единственного, но имеющего решающее значение исключения (внушения чувства стыда по воссоединяющей модели), элементы нашей теории не являются оригинальными, принципиально новаторским является лишь их синтез.

Благодаря тому эффекту, который оказывает наличие взаимозависимостей на снижение преступности, мы получаем возможность воспользоваться соответствующими выводами теории контроля в объяснении первичной девиантности. Отделяя клеймение от других форм внушения чувства стыда (ибо оно есть форма, провоцирующая участие в субкультуре), мы предлагаем более перспективный подход к объяснению вторичной девиантности в терминах *теории субкультур* и *теории ярлыков*. Мы добавляем конкретики в *теорию дифференцированной ассоциации* с законопослушными гражданами и теми, кто участвует в субкультуре. Если посмотреть на эту теорию творчески, ее можно считать теорией дифференцированного внушения чувства стыда. Общественное порицание по большей части осуществляется законопослушными гражданами, которые «отделены» от преступников точкой перегиба. Когда результатом клеймения становится вторичная девиантность, это происходит потому, что баланс в процессах внушения чувства стыда смещается на противоположную от этой точки сторону; для участников субкультуры одобрение преступных деяний этим субкультурным сообществом в данном случае будет перевешивать общественное порицание, осуществляемое законопослушным обществом.

ПРОВЕРКА ТЕОРИИ

Назначение данной главы заключается в том, чтобы описать различные уровни анализа, на которых *теория воссоединяющего стыда* может быть сопоставлена с данными, систематически собранными с целью ее проверки. Мы будем говорить об *этнографических и исторических методах*, остановимся на *методах опроса (обследований)*, а также обратимся к макросоциологическим исследованиям, основанным на официальной статистике, и к экспериментальным разработкам.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый тест, который должна пройти любая теория, заключается в том, что исследователям необходимо провести соответствующие наблюдения и пообщаться с теми, кто изо дня в день имеет дело с феноменами, обозначенными в данной теории. Если постулированные в теории явления никогда не происходили, как это доказывают наблюдения, если седовласые старцы с большим опытом в этой области говорят, что «никогда не слышали, чтобы такое случалось» (Macauley, 1986) или «никогда не слышали, чтобы это случалось таким образом», тогда возникает причина серьезно усомниться в аргументации, предлагаемой в теории.

Для проверки теорий, генерирующих, подобно *теории воссоединяющего стыда*, множество взаимозависимых представлений о том, как происходят те или иные явления, можно провести исследование отдельных случаев криминологической практики. Этнографическое исследование может опровергнуть теорию, если большая часть описанных в ней явлений просто не имеет места; теория проверяется на основе той большой степени свободы, которая возникает благодаря наличию множества выводов для одного исследовательского участка. «Процесс носит характер сопоставления и подбора, в котором многочисленные аспекты моделей, заявленных теорией, оказываются в распоряжении исследователя, для того чтобы быть сопоставленными с его наблюдениями в местной обстановке» (Campbell, 1979: 57).

Так, в Японии необходимо провести этнографическую работу, которая была бы непосредственно нацелена на оценку того, действительно ли внушение чувства стыда по воссоединяющей модели происходит в японских семьях, школах, корпорациях и органах уголовного правосудия, или это лишь ошибочная интерпретация существующих исследований, на самом деле проведенных с ориентацией на иные цели. Подобного рода работу необходимо затем выполнить и в других странах, также известных своим необычно низким или необычно высоким уровнем преступности.

Конечно, существует богатая этнографическая литература, посвященная анализу феномена *слухов и сплетен* в современных урбанистических обществах и указывающая на то, что сплетни и слухи, в общем, не имеют для людей весомого значения (Hannerz, 1967; Liebow, 1967; Bott, 1971; Merry, 1984). Однако, безусловно, есть и авторы, которые, исследуя небольшие сообщества, выдвигают сплетни и слухи на

центральное место в осуществлении функций неформального социального контроля (например, Radcliffe-Brown, 1933; Benedict, 1934; Gluckman, 1963; Kluckhohn, 1967). Существуют полученные этнографическим методом данные о том, что даже в современных урбанистических контекстах пересуды могут иметь определенное значение в том случае, если присутствуют в рамках плотно переплетенных сетей личных и социальных отношений (высокая взаимозависимость), тогда как маловажными они оказываются для мобильных индивидов или людей, сохраняющих дистанцию в отношениях со своими соседями (Young and Wilmott, 1957; Suttles, 1968; Bott, 1971). Мерри считает, что значительный корпус этнографических данных о сплетне позволяет вывести четыре гипотезы:

1. Воздействие пересудов и сплетен сильнее в более изолированных социальных системах, где быть изгнанным — значит попасть в трудную ситуацию, причем иные (альтернативные) социальные отношения недоступны.
2. Воздействие пересудов и сплетен ощутимее в такой социальной обстановке, в которой наблюдается более сильная взаимозависимость членов местной социальной системы друг от друга в экономическом, политическом и социальном смысле.
3. Воздействие пересудов и сплетен сильнее в том случае, когда они в потенциале способны выработать консенсус внутри общины, который может привести к различным коллективным действиям, таким как публичное порицание, осмеяние, изгнание или смерть.
4. Воздействие пересудов и сплетен тем сильнее, чем шире нормативный консенсус относительно рассматриваемого поведения.

Можно рассматривать эти сделанные на основе этнографических работ заключения как своего рода поддержку определенных элементов *теории воссоединяющего стыда*. Однако убедительным ее подтверждением они не могут стать никогда, просто потому что ни в коей мере не могут заменить полевую работу, специально организованную для того, чтобы зафиксировать наблюдения, которые могли бы опровергнуть теорию. Считается само собой разумеющимся, что соответствующая проверка теории методом наблюдения должна осуществляться в рамках этнографической традиции помещения семей в контекст их культуры, но не в рамках привычного для возрастной или семейной психологии изучения воздействия на индивидов семейных практик внушения чувства воссоединяющего стыда. И это действительно так, поскольку теория касается не только контроля над преступностью посредством воздействия воссоединяющего стыда на отдельного индивида. В этом смысле она более фундаментальна и затрагивает процессы более широкого культурного

воздействия, передаваемого опосредованно через всех людей, так или иначе получающих информацию о конкретном происходящем в сообществе порицании и внушении чувства стыда.

Социология должна разрешить ситуацию разрастающейся пропасти между теориями методологического холизма (макро-макро связи) и эмпирическими исследованиями в рамках ограниченной традиции методологического индивидуализма (микро-микро и макро-микро связи) (Coleman, 1986). Основная масса эмпирических психологических исследований изучает микро-микро связи между двумя различными формами индивидуального поведения, тогда как социологические обследования по большей части носят макро-микро характер, где зависимая переменная составляется просто из суммы индивидуальных показателей. *Теория воссоединяющего стыда* посвящена тому, как определенные переменные макроуровня (например, урбанизация и коммунитарность) и определенные переменные микроуровня (например, возраст и взаимозависимость) влияют на совершение выбора относительно участия в самых разнообразных формах целенаправленного социального действия (стыдить, клеймить, воссоединять) и как этот выбор влияет на принятие других микрорешений (участвовать в субкультуре, пойти на преступление, пройти через воссоединение с сообществом). Теория, наконец, описывает то, как сочетание решений на микроуровне, принятых в пользу внушения чувства воссоединяющего стыда, составляет культуру нетерпимости и понимания, что, в свою очередь, на макроуровне становится ограничением для совершения преступного выбора. Словом, наша теория отвергает грубый методологический холизм, объясняющий одну структурную переменную через другую без оглядки на целенаправленное индивидуальное действие; она отклоняет также и грубый методологический индивидуализм, который в понимании поведения общества отталкивается от простого накопления образчиков поведения индивидов.

В большей степени могут пролить свет на социальные феномены, скорее всего, те теории, которые одновременно объясняют и то, как переменные макроуровня формируют целенаправленное индивидуальное действие, и то, как сочетания этих индивидуальных решений составляют другие макропеременные, сдерживающие затем индивидуальные действия. Это — теории, которые,

перемещаясь между микро- и макроуровнями, опровергают точку зрения, согласно которой люди детерминированы структурными переменными или их ничто не сдерживает в совершении выбора. Методы этнографического исследования, безусловно, являются наиболее тонким инструментом для *общей* оценки теорий, подобным образом перемещающихся между структурными и индивидуальными переменными. Это ни в коей мере не должно отрицать возможности того, что другие типы исследования в состоянии предоставить более удачные подтверждения *отдельных положений* таких теорий. Например, при помощи метода опроса нельзя проверить положение относительно того, каким образом переменные макроуровня конституируются в зависимости от индивидуальных социальных действий, но, тем не менее, указанный метод может предоставить более убедительные данные о влиянии переменных макроуровня на индивидуальное поведение, ибо, в отличие от этнографического исследования в данном случае возможно проведение работы с более крупными выборочными совокупностями.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Если теория в состоянии взять препятствие и осмыслить те факты, которые мы наблюдаем в современных обществах, не будучи в то же время опровергнутой этими фактами, то следует сопоставить ее положения и выводы с тем, что нам известно об обществах прошлого. Одна из привлекательных сторон *теории воссоединяющего стыда* заключается в том, что с ее помощью, похоже, можно объяснить историю преступности за последние два столетия — по крайней мере, в англоязычных странах.

Что мне представляется убедительным в книге Уилсона и Херрнштейна «Преступность и человеческая природа»¹⁶ (1985), так это, как ни странно, объяснение исторических вариаций в тенденциях развития преступности. Динамика этих тенденций по Англии, Соединенным Штатам и Австралии прослеживалась с тех пор, как статистика преступности по этим странам стала достаточно адекватной и ее стало возможно использовать для анализа. Обозначенные в данном периоде тенденции находят достаточно четкое и последовательное подтверждение для того, чтобы с некой

¹⁶ Wilson J.Q. and Herrnstein R. Crime and Human Nature.

долей уверенности можно было говорить о следующих основных закономерностях. (Warner, 1934; Ferdinand, 1967; Lane, 1967, 1969, 1979, 1980; Graham, 1969; Richardson, 1970; Gatrell and Hadden, 1972; Skogan, 1975; Gurr *et al.*, 1977; Grabosky, 1977; Peirce *et al.*, 1977; Gatrell, 1980; Gurr, 1981; Mukherjee, 1981; Monkkonen, 1981a, 1982; Hewitt and Hoover, 1982; Wilson and Herrnstein, 1985). Кривая преступности поднималась вверх в конце XVIII — начале XIX веков; приблизительно со второй четверти XIX века (хотя в некоторых местах и позднее) начался процесс постепенного снижения уровня преступности, который замедлился и остановился ко второй четверти XX века; затем, в третьей четверти двадцатого столетия, уровень преступности вновь оказался на значительном подъеме. Важным отклонением от этой закономерности стал резкий скачок зарегистрированной преступности — в основном, вероятно, среди чернокожего населения — в Соединенных Штатах в период Гражданской войны и позднее, вплоть до 1871 г. (Hindus, 1980; Gurr, 1981; Monkkonen, 1981b: 76-77).

Конечно, не существует определенных во времени данных по «беловоротничковой» преступности, хотя имеются свидетельства того, что длительный упадок традиционной преступности в викторианскую эпоху стал и временем, когда в Британии пошли на убыль также взяточничество и коррупция (Wraith and Simpkins, 1963; Scott, 1972; Thomson, 1986; ср. Bourne, 1986). Вместе с тем в викторианскую эпоху произошли определенные позитивные сдвиги, связанные с некоторыми надзорными органами. Так, в учреждении в 1863 г. Инспекции по контролю над щелочными отходами видят причину снижения к 1865 г. выбросов кислотообразующих газов с 13 000 до 43 т в неделю (Vogel, 1986: 240). Введение новых правил санитарного надзора за качеством пищевых продуктов и медикаментов связывается с сокращением обнаруженных образцов, не соответствующих стандартам, с 19% в 1879 г. до 9% в 1898-м (Paulus, 1978: 454). К концу викторианской эпохи количество смертей от несчастных случаев сократилось втрое (на 1000 шахтеров) в сравнении с уровнем до назначения инспектора по шахтам в соответствии с *Актом по инспекции угольных шахт* 1850 г. (Braithwaite, 1985a: 85). Однако Бартрип и Фенн (Bartrip and Fenn, 1980) пришли к выводу, что, несмотря на сокращение несчастных случаев со смертельным исходом, отмечавшееся на фабриках после того, как *Фабричный акт* 1844 г. наделил Британскую фабричную инспекцию полномочиями

контролировать безопасность на производстве, позднее количество таких случаев все же снова возросло.

Уилсон и Херрнштейн объясняют увеличение преступности начала XIX века теми «новыми и угрожающими размерами», которые приняла в этот период миграция молодых людей из сельской местности в города:

Раньше, когда молодой человек отправлялся на поиски удачи и заработка, он не только работал, но и жил с семьей своего патрона — крупного фермера-арендатора или владельца земли, деревенского ремесленника, городского торговца. В начале XIX века, однако, рост городов был таким быстрым, а изменение процессов производства таким радикальным, что молодые мужчины (и позднее, молодые женщины), покидавшие свои дома, теперь уже жили в арендованных меблированных комнатах вместе с другими молодыми людьми [Johnson, 1978]. В результате, надзор взрослых за молодежью был ослаблен, и связано это было не с ослаблением семьи, но с тем, что неизбежная альтернатива семейной жизни не контролировалась более старшими [Kett, 1977]. Молодые мужчины-рабочие, обосновавшиеся в городах, неожиданно обрели автономную социальную жизнь. Меняющим возможностям города, ставшим доступными благодаря подстрекательствам сверстников и отсутствию ограничений, когда-то налагаемых семьей, уже нельзя было противостоять.

(Wilson and Herrnstein, 1985: 43)

Коротко говоря, их вывод сводится к тому, что ни один процесс в прошлом не порождал такого высокого уровня преступности, как урбанизация начала XIX века, поскольку она с большей определенностью, чем все, происходившее до этого, обрubiла взаимозависимые связи. По Уилсону и Херрнштейну, последовавший за этим длительный спад преступности можно объяснить «викторианской моралью» с ее акцентированием понятия совести («этика самоконтроля»), а подъем, обозначившийся после Второй мировой войны, — возрождением доминирующего влияния этики произвольного самовыражения; теперь более важным стало избегать чувства вины, а не испытывать чувство стыда.

В середине XIX века советы по воспитанию детей подчеркивали важность и необходимость привития ребенку моральных и религиозных принципов с тем, чтобы он «с ранних лет владел собой и был нравственным человеком» [Sunley, 1955]. Этот подход сохранял свои позиции и в первые десятилетия двадцатого столетия, однако к 20-м годам его частично заменила иная точка зрения. Если когда-то считалось, что природа дала ребенку опасные импульсы, которые необходимо подавлять, то теперь предполагали, что ребенок наделен инстинктами, подлежащими развитию. Раньше рекомендовалось нравственно развивать ребенка, теперь подчеркивалась его способность к получению удовольствия [Wolfenstein, 1955]. В 1890-м, 1900-м и вплоть до 1910 г. одна треть обсуждаемых тем, касающихся воспитания детей, в выборке статей из женских журналов *Ladies' Home Journal*, *Woman's*

Home Journal и *Good Housekeeping* была связана с процессом становления характера, в 1920 г. таких статей осталось только 3% от их общего количества. К 1930 г. практически все статьи о развитии характера сменились статьями по развитию личности.

(Wilson and Herrnstein, 1985: 420)

Викторианское общество стало свидетелем распространения добровольческих ассоциаций и разного рода общественных учреждений, призванных воспитывать характер человека и обучить его самоконтролю. Наиболее значительными из таких учреждений стали, вероятно, воскресные школы. За период между 1821 и 1851 гг. количество записанных в эти школы утроилось и составило больше половины всех детей в возрасте от 5 до 15 лет. Считается, что к 1929 г. в Нью-Йорке 40% детей от 4 до 14 лет посещали воскресные школы (Laqueur (1976) и Boyer (1978) цит. по: Wilson and Herrnstein, 1985: 432). Согласно Уилсону и Херрнштейну, по мере прорыва фрейдистской идеологии в массовое сознание увеличивались сомнения относительно того, не опасно ли учить детей подавлению своих инстинктов. Таким образом, даже такие образования, как Христианский союз молодых людей (YMCA), утратили свою нравственно-воспитательную миссию, став со временем лишь немногим больше, чем просто учреждение постиндустриальной экономики, предоставляющее услуги гимназического обучения.

Значительный упадок преступности в викторианскую эпоху в Англии, Соединенных Штатах и Австралии представляет собой основную трудность с точки зрения теорий преступности: ведь, в конце концов, это был период мощной урбанизации, индустриализации, иммиграции, увеличивающегося разрыва между классами и нарастающего классового конфликта. Возможно, частично этот упадок можно списать на снижение рождаемости и быстрый рост возможностей полиции. Однако можно также предположить, что последнее скорее сказалось бы на регистрации и раскрытии тех преступлений, которые раньше оставались незарегистрированными, а это должно было сделать картину упадка преступности, имевшего место в реальности, не столь яркой. Гурр указал на некоторые данные, которые подтверждают, что усовершенствованные методы полиции в действительности могли бы увеличить количество зарегистрированных преступлений, которые ранее таковым не являлись:

Как указывает Гэтрел, английские коронеры и полицейские на протяжении XIX века научились лучше определять случаи насильственной смерти. Он предлагает также и другие данные о том, что в это столетие увеличивалась вероятность того, что убийство станет предметом внимания полиции (Gatrell, 1980: pp.247-48). Лейн, имея в виду Филадельфию XIX века, сообщает, что «были проведены судебные преследования по многим делам [по убийствам], которые раньше остались бы без взыскания (Lane, 1979, p.76).

(Gurr, 1981: 300)

Критики Уилсона и Херрнштейна утверждают, что они сильно приуменьшили ханжество и лицемерие, присущие викторианской морали. Лицемерие, безусловно, имело место, но в связи с целями, стоящими перед нами в настоящий момент, необходимо помнить, что *теория воссоединяющего стыда* — это тоже в значительной степени политика притворства и лицемерия; это политика, которая оставляет виновных без наказания, политика внушения чувства стыда, несущего важную общественную символику, за которым следует осязаемое прощение (помилование) (см. главу 10). Викторианской моралью не в меньшей степени, чем викторианской политикой внушения воссоединяющего стыда, признавалось, что любая попытка безапелляционно и беспристрастно наказывать за каждое нарушение норм не только будет попыткой совершить невозможное, но и поставит под удар легитимность самих норм.

Викторианскую эпоху можно рассматривать не просто как триумф символов стыда над символами терпимости, в ней можно видеть торжество политики интеграции над политикой отторжения. Викторианская Англия унаследовала класс преступников, который, «по сути, является определенной частью населения во всех городах большой величины... Эта часть составляет новое сословие, крайне удаленное и отчужденное от всех остальных» (статья из журнала 1854 г. цит. по: Tobias, 1979: 57).

Отношение довикторианской и ранневикторианской Англии к криминальному классу сводилось к применению политики отторжения и клеймения. Смертная казнь все чаще заменялась высылкой в колонии, например в Австралию. Таким образом, Австралия, в свою очередь, получила класс уголовников, включавший тех, кого высылали из Англии. Это, хоть и в меньшей степени, верно и для Америки периода до начала викторианской эпохи. Однако основная часть уголовного класса была принесена на Север — волной иммиграции свободных европейцев, а на Юг — работорговлей (Hindus, 1980).

Высылка и смертная казнь не были единственным средством, с помощью которого в рамках довикторианской и ранневикторианской уголовной политики стремились решить проблему освобождения городов от криминальных элементов. В Лондоне в 50-60-х годах энергично осуществлялись санации трущоб в криминальных районах; Саффрон-Хилл, где якобы проживал Феджин, был, например, подвергнут подобной «чистке» в процессе реконструкции дороги Фаррингдон Роуд. Политика заключалась в том, чтобы просто освободить город от тех, кого Метью Арнольд в «Культуре и анархии» назвал «эти огромные, жалкие, неуправляемые массы падших людей».

Подобная сегрегация криминальных элементов достигла своего пика к середине девятнадцатого столетия (Stedman Jones, 1984: 247). Но одновременно с тем, как громко заявляли о себе сторонники политики удаления изгоев из центра Лондона в рабочие поселения-пригороды, те, кто придерживался линии, направленной на интеграцию отщепенцев в основной поток британской жизни, также получали право голоса. Возможно, из-за страха буржуазии и аристократии перед революцией Британия XIX века увидела решительный триумф политики интеграции над политикой изгнания. Как свидетельствует Стедман Джонс,

историки, как правило, обсуждали этот вопрос довольно однобоко и телеологически. Ожидая создания общества всеобщего благосостояния, они уделяли основное внимание предложениям о пенсиях по старости, бесплатном образовании, бесплатных школьных обедах, субсидируемом жилищном строительстве и государственном страховании. Эти ученые фактически игнорировали возникавшие тогда же предложения изолировать людей, временно или периодически получающих пособие по бедности, учредить места содержания для «бродяг-тунеядцев», отнять детей бедняков у их родителей-«выродков» и отправить маргиналов за океан. Для людей того времени, тем не менее, эти два направления были составными частями одной и той же дискуссии.

(Stedman Jones, 1984: 313-14)

Викторианскую эпоху можно считать временем, когда политика интеграции постепенно заменила политику отторжения. Сначала это выразилось в форме частных благотворительных организаций, которые пытались сделать бедных людей достойными и заслуживающими уважения гражданами посредством надзора за ними «женщин — сборщиц арендной платы» и других сотрудников этих организаций, а затем нашло свое проявление в идеологии зарождающегося государства всеобщего благосостояния. Этому сопутствовало и изменение линии уголовного правосудия, которое обрело все более гуманный характер: высшая мера наказания отменялась за все большее и большее

количество преступлений, порка была упразднена, по крайней мере, для женщин, ее применение постепенно ограничивалось и для мужчин, прекратились высылки. Викторианское уголовное правосудие отражало веру людей этой эпохи в прогресс, в совершенство человека и человеческих институтов. Идеал реабилитации в качестве доминирующей идеологии наказания стал одерживать верх над основной для классической криминологии идеей воздаяния по заслугам, хотя временами политика, направленная на реинтеграцию преступников, была столь же ошибочна и даже столь же негуманна, как и та, которой она пришла на смену.

Викторианская эпоха стала свидетелем того, как изоляционный институт тюрьмы завершил свой подъем на главенствующие позиции в политике уголовного правосудия и начал терять общественное доверие. Гуманитарное смещение продолжилось и в эдвардианскую эпоху, когда либеральные правительства проводили правовые реформы, в период между 1905 и 1918 г. сократившие «новые поступления» в тюрьмы с 200 000 до 25 000 в год (Pierce *et al*, 1977: 149). Уровень тюремных заключенных в Англии и Уэльсе, утроившийся за период с 1775 до 1832 г., снизился почти на 20% между 1832 и 1880 г. (в то время, когда британские тюрьмы должны были содержать и тех преступников, которые раньше высылались в колонии), затем резко и постоянно сокращался вплоть до 30-х годов XX века, когда он стал равен приблизительно одной седьмой от количества заключенных за сто лет до этого (на 100 000 населения). Наибольшее сокращение применения тюремного заключения пришлось на излет викторианской эпохи (Ramsay, 1982). В Австралии уровень заключенных увеличивался немногим далее, чем до середины девятнадцатого столетия, когда обозначилась мощная тенденция к снижению, сохранявшаяся вплоть до 1920-х годов (Braithwaite, 1980). Подобные тенденции характерны для Франции, Германии и Бельгии, а вот в Италии отмечался значительный рост количества заключенных в первые 33 года XX века (Rusche and Kirchheimer, 1939). Наиболее удивительным исключением являются Соединенные Штаты Америки, где, как свидетельствуют данные, начиная с 1880 г. уровень заключенных повышался и не было отмечено хоть сколько-нибудь серьезного его снижения (Calahan, 1979).

Реабилитационная политика уголовного правосудия, получившая свое развитие в викторианскую эпоху, в целом, возможно, была более эффективной и гуманной, нежели политика «воздаяния по заслугам» и клеймения, которую она заменила, но суть отнюдь не в этом. *Теория воссоединяющего стыда*

интерпретирует расцвет реабилитационного идеала как симптом культурной трансформации, через которую проходило викторианское общество, совершенствуя способы внушения чувства стыда и при этом все чаще и чаще отказываясь от принципа отторжения. Согласно теории, эта культурная трансформация стала основой успеха в контроле над преступностью в викторианскую эпоху. Подобным образом мы не стали бы интерпретировать упадок реабилитационной идеи в последние несколько десятилетий — если не на Востоке, то уж точно на Западе — как причину роста преступности. Мы бы увидели в этом росте признак разочарования в викторианских ценностях, признак нашего цинизма в отношении возможности улучшения природы человека и человеческих институтов. Мы рассматривали бы его как признак того, что современные общества прибегают к «выбрасыванию» преступников в тюрьмы на более длительные сроки как к единственному средству, как признак того, что мы аккуратно вырезали слово *стыд* из нашего повседневного лексикона (см.: Lynd, 1958).

До сих пор попытки объяснить снижение преступности в викторианскую эпоху и ее скачок в послевоенный период изменениями в возрастной структуре и структуре доступных возможностей не были особо успешными. Вместе с тем этот путь не совсем безнадежен, и в случае успеха объяснение этих исторических тенденций в терминах *теории воссоединяющего стыда* кому-то может показаться излишним. Однако для проверки конкурирующих теорий необходима намного более систематическая реконструкция исторических данных. Решение этой задачи для эмпирической криминологии действительно могло бы оказаться полезным.

Вероятно, бесспорным было бы заявление о том, что «викторианская озабоченность» чувством стыда и личной ответственности за сохранение собственной репутации по большей части предшествовала процессу снижения преступности, который длился целое столетие и прекратился лишь ко второй четверти нашего века. Спорным, однако, остается определение времени смещения в сторону ценностей реинтеграции. Гарленд (Garland, 1985) хоть и отмечает обозначившиеся на заре викторианской эпохи некоторые тенденции к смещению доминирующей идеологии от презрения и отвержения преступников к жалости и стремлению перевоспитать их, но временем наиболее решительных перемен в этом направлении, тем не менее, считает период между 1895 и 1914 гг., когда наиболее резкое снижение преступности уже произошло. Такая интерпретация противоречит, однако, мысли Фуко (Foucault, 1977), который полагал, что еще за сто лет до этого наказание изменилось, перестав быть демонстрацией устрашающей власти суверена, осуществлявшего месть на теле правонарушителя, и превратившись в процедуру переопределения виновных в качестве субъектов. Ситуация продолжает быть достаточно непроясненной отчасти оттого, что ни одна из тенденций, анализ которых представлен в исторической литературе, не является единообразной или исключительной.

Остается намного больше вопросов без ответов, нежели вопросов, на которые существующие исторические исследования в состоянии ответить. Совершили ли Соединенные Штаты Америки и Австралия под воздействием идеологии и социальной политики государства всеобщего благосостояния подобный переход от культуры, имеющей в основе воздаяние за содеянное и стигму, к культуре, базирующейся на

чувстве стыде и воссоединении? Очевидно, что в Соединенных Штатах переход к государству всеобщего благосостояния никогда не носил столь же законченный характер и, несмотря на освобождение рабов в викторианскую эпоху, интеграция чернокожих в Америке не была столь полной, как восстановление в обществе британских «отщепенцев». В таком случае представляется вероятным, что снижение преступности в Америке остановилось на гораздо более высоком уровне, чем в Англии, как раз потому, что чернокожие американцы отчасти еще продолжали нести на себе стигму. Те из английских изгоев, кто пережил австралийскую пенитенциарную систему, также в конце концов были освобождены и постепенно приняты свободно поселившимися гражданами. Для ответа на вопросы о том, произошло ли это под воздействием зарождающегося викторианского идеала реабилитации и внесло ли свой вклад в резкое снижение преступности, произошедшее в середине XIX века, требуется проведение более конкретного исторического исследования.

Имеет ли интерпретация истории преступности в терминах *теории воссоединяющего стыда* какой-либо смысл для других стран? В Калькутте (Hula, 1977), Германии и Франции (Zehr, 1976), кажется, проявились тенденции развития преступности, отличные от тех, которые имели место в Англии, Соединенных Штатах Америки и Австралии. Тогда вряд ли нам стоит ожидать, что англосаксонский анализ, основанный на «викторианских ценностях», будет применим и к этим государствам. С другой стороны, данные по Стокгольму за два столетия предлагают картину, в общих чертах сходную с ситуацией в англосаксонских странах (Gurr *et al.*, 1977). Для каждой отдельно взятой страны необходимо проведение подробного анализа, который позволил бы проследить, каким образом публичная и частная практики социального контроля варьировались от терпимости к стыду, от отторжения к интеграции, а также, в каком соотношении с общими вариациями в уровне преступности находятся эти изменения.

Возможность проверить теорию путем сопоставления ее с историческими данными более реальна, чем могло бы показаться при наличии здорового цинизма в отношении официальной уголовной статистики. Ведь те общие тенденции, которые мы в настоящий момент обсуждаем, достаточно широко распространены для того, чтобы быть довольно устойчивыми:

Официальная статистика по преступлениям против личности и собственности в Лондоне, Стокгольме и Сиднее отражает в высшей степени сходные тенденции за последние 150 лет. Приблизительно с 1840 до 1930 г. показатели традиционной преступности упали в среднем в пропорциональном отношении восемь к одному. Позднее, в особенности после 1950 г., они возросли приблизительно в таком же соотношении.

(Gurr *et al.*, 1977a:114)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ

Измерять проявления стыда — дело сложное, что связано с тонкостью, культурным разнообразием и поистине оригинальностью (в каждом отдельном случае) тех способов, которыми это чувство может сообщаться. Существует множество невербальных вариантов внушения чувства стыда: усмешка, пристальный взгляд или взгляд искоса. Этнографические исследования в состоянии обеспечить хотя бы некоторое понимание этих общих значений, но для более грубых форм сбора данных, таких как метод обследования, изменчивое разнообразие модальностей внушения чувства стыда создает большие

трудности.

Попытки проверить теорию при помощи метода социального обследования вряд ли принесут плоды в виде информации о конкретных типах порицающих действий, скорее всего, они будут ограничены восприятием респондентами ситуаций, когда стыдили их или стыдили они. Для того чтобы измерить эффекты внушения чувства стыда, не составит большого труда сформировать шкалу установок на основе вопросов о том, насколько респондент чувствовал, что его стыдят, после того как родители или другие близкие люди узнали о делинквентном поступке. Несложно также измерить эффекты воссоединения, задавая вопросы о том, простили ли близкие проступок, или после него в отношениях «словно кошка пробежала», остались ли узы симпатии и любви столь же сильными после разоблачения нарушения или нет.

Метод обследования (опроса) — наилучшая стратегия для измерения действия всех переменных индивидуального уровня (рис. 1), создающих, как утверждается, предпосылки для внушения чувства воссоединяющего стыда. Эти переменные — возраст, семейное положение, половая принадлежность, отсутствие работы, образовательные и карьерные устремления и взаимозависимость (привязанность к родителям, школе, соседям). К количественным параметрам можно также свести характеристики места проживания каждого индивида — урбанизм и мобильность, которые являются предлагаемыми коррелятами преступности.

Напрямую измерять коммунитарность в том виде, в котором она определена в теории воссоединяющего стыда, — дело более трудное. Такие переменные, как частота и интенсивность совместных с соседями мероприятий в сообществе, служат довольно приблизительным показателем его коммунитарности, ибо ничего не сообщают о символической значимости этих мероприятий для тех, кто в них участвует. Иными словами, при помощи опроса сложно оценить, обладают ли отношения привязанности особым видом значимости, порождающим личные обязательства перед окружающими в рамках изучаемого сообщества. Чтобы дать подобную оценку, необходимо посредством этнографического наблюдения действительно «включиться» в символические миры этих сообществ.

Коммунитарность является единственной переменной на рис.1, операционализация которой при помощи метода опроса сталкивается с серьезными трудностями. Понятие *участия* в криминальной субкультуре можно операционализировать, пусть несколько приближенно, при помощи таких переменных, как количество друзей-делинквентов, терпимость друзей к делинквентному поведению и принадлежность к преступной группировке. Если говорить об индивидуальном уровне анализа, в литературе по делинквентности широко применялись способы выяснения того, как индивиды оценивают отсутствие для себя легитимных возможностей и доступность возможностей нелегитимных. Саму преступность, безусловно, можно измерить с помощью метода самоотчетов или добавлением данных об официально зарегистрированных преступлениях к результатам опросов.

Привлекательность метода опроса заключается, таким образом, в том, что он дает возможность операционализировать все переменные на рис. 1, кроме одной. Это, в свою очередь, позволяет оценить ту часть вариации индивидуального преступного поведения, которую объясняет моя теория (исключая один из

ее ключевых элементов). Вариацию, толкование которой находит *теория воссоединяющего стыда*, можно затем сравнить с объяснениями других теорий.

Не следует, однако, забывать, что *теория воссоединяющего стыда* касается не только эффекта специального предупреждения, который оказывает внушение этого чувства на индивида — его прямого адресата. Оказываемый таким образом эффект специального предупреждения не столь важен, как общепредупредительный эффект, но и он, в свою очередь, обладает меньшей значимостью в сравнении с морально-воспитательным воздействием стыда (эффект классического обусловливания в сравнении с эффектом инструментального обусловливания, как выразились бы сторонники *теории обучения*). Иными словами, внушение чувства воссоединяющего стыда, помимо непосредственного воздействия на конкретного человека, сказывается на снижении преступности благодаря воздействию, оказываемому на тех многих людей, которые становятся свидетелями самого факта общественного порицания или узнают о нем. Кроме того, конкретный случай внушения чувства стыда отдельному человеку закрепляет культурные образцы, гарантирующие, в свою очередь, последующее производство культурных продуктов, таких, например, как телевизионная программа, в которой такое же поведение показывается в неприглядном и позорном свете. Опросные методы, к сожалению, позволяют нам оценить лишь непосредственный индивидуальный эффект, оказываемый внушением чувства стыда, исключая при этом его коллективное или культурное воздействие. Для оценки последних нам необходимы скорее макросоциологические стратегии исследования, берущие за единицу анализа общество, а не отдельных индивидов.

МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОСНОВАННЫЕ НА ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКЕ

К сожалению, невозможно (в том числе и с финансовой точки зрения) провести исследование, направленное на измерение уровня коммунитарности и внушения чувства стыда по воссоединяющей модели, на большой выборке различных обществ (этнографическим методом или методом опроса) и затем установить соотношение полученных данных с уровнем преступности в данных обществах.

Проведение такой работы даже с относительно небольшой выборкой сообществ внутри одного государства было бы проблемно с точки зрения материально-технического обеспечения. Наиболее пригодной (хотя едва ли наиболее подходящей) единицей для такого рода анализа является школа. В выборке школ или классов можно начать наблюдение или проводить опросы с целью определить, где социальный контроль в основном базируется на внушении чувства воссоединяющего стыда и где наиболее высок уровень делинквентности среди учащихся.

Еще один вариант связан с возможностью изыскать какие-либо эквиваленты степени присутствия процессов внушения чувства стыда в обществе. Например, можно было бы предположить, что в обществах, где чувство стыда в связи с преступным поведением переживается острее, большее число убийц после своего преступления будут сводить счеты с жизнью. Так, отношение процента убийц, наложивших на себя руки до ареста, к общему числу приговоренных убийц, может представлять собой эквивалент степени присутствия чувства стыда в культуре. Частичной проверкой теории стало бы наблюдение за тем, является

ли это соотношение более высоким в странах с более высоким уровнем преступности.

Во временном разрезе в рамках одной страны вариант такой проверки уже имеется. Уолпину (Wolpin, 1978) удалось обнаружить, что в Англии пропорциональное соотношение убийц, покончивших с собой до ареста, и общего числа людей, приговоренных за убийство, постепенно снижалось с трех человек из четырех в 1929 г. до одного из четырех в 1967-м. Таким образом, во временном ряду для Англии существует связь между падением фактора, эквивалентного испытываемому в связи с преступным поведением чувству стыда, и ростом преступности. Однако выводы на основе таких данных следует делать с большой осторожностью. Например, несмотря на то, что снижение числа убийц, покончивших с собой, предшествовало отмене высшей меры наказания в 1967 г., возможно, что постепенное сокращение случаев назначения этой меры наказания снизило стимулы для совершения самоубийств, которые могли бы иметь место с целью избежать мук, связанных с ожиданием казни. При помощи регрессивного анализа, однако, можно было бы проверить чистый эффект, оказываемый на уровень преступности найденным для внушения чувства стыда эквивалентом, устранив воздействие сокращающегося применения высшей меры наказания и других переменных, потенциально способных привести к смешиванию эффектов.

Можно обратиться и к другим эквивалентам чувства стыда, связанного с нарушением уголовных законов, например, к доле преступлений, раскрытых благодаря явке преступника с повинной. Но такие факторы, как и попытка представить меру присутствия чувства стыда в обществе через процент суицида среди убийц, влекут за собой навязывание единственной упрощенной интерпретации поступка, в различных ситуациях имеющего разный смысл.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Осуществление экспериментальных исследований в связи с внушением чувства воссоединяющего стыда вполне возможно, несмотря на то, что, на первый взгляд, может показаться обратное. Исследователь мог бы заручиться согласием школьного психолога или директора выборочно сообщать родителям или опекунам учащихся о тех нарушениях в школе, о которых обычно им нечего не сообщалось. Иначе говоря, как только администрация, согласившись на эксперимент, решает, что данном случае в ее обязанности не входит информирование родителей о выявленном проступке, необходимо бросить монету: «орел» — родители получают типовое письмо, в котором содержится сообщение о нарушении и просьба обсудить его с ребенком, «решка» — никакие действия не предпринимаются.

На данном этапе используется инструмент самоотчетов — для того чтобы измерить уровень противоправных действий среди всех делинквентов за предыдущий год. Год спустя при помощи самоотчетов измеряется делинквентность в экспериментальной группе за двенадцать месяцев, прошедших со времени начала сообщений родителям, и снижение или повышение уровня противоправности сравнивается с ситуацией в контрольной группе делинквентов за тот же самый период. Подобным образом можно также использовать учетные данные за два года из полиции и судов.

Для экспериментальной группы можно было бы провести анкетирование с целью измерить для

респондентов уровень внушения чувства стыда (со стороны родителей и других людей), ставшего результатом правонарушений в отчетный период, а также с целью определить, воспринимался ли этот стыд как клеймящий или как воссоединяющий. Кроме этого, возможно проведение интервью с родителями. Затем экспериментатор сравнил бы последующую делинквентность тех, кто прошел через процедуру внушения чувства воссоединяющего стыда, и тех, чьи правонарушения остались без внимания или были заклеены.

Основной замысел эксперимента в рамках школы можно расширить в случае, если учителя будут произвольно отбирать учеников для того, чтобы отправлять или не отправлять их к директору за выговором, который, в свою очередь, также будет произвольно варьироваться между клеймящей и воссоединяющей модальностью.

Такие эксперименты, с этической точки зрения, будут приемлемы для администрации многих школ, ибо уведомление родителей по случайному принципу о том, о чем обычно их не ставили в известность, едва ли может считаться тягостной или раздражающей формой общественного вмешательства.

Проблема с этим вариантом исследования заключается в том, что проверке снова подвергается лишь та часть теории, которая связана со специальным предупреждением. Воздействие внушения чувства стыда на братьев, сестер, соседей и друзей правонарушителя, с точки зрения общего предупреждения и нравственного воспитания, уловить таким образом нельзя. С другой стороны, можно было бы измерить общепредупредительный и морально-воспитательный эффект внушения чувства стыда в рамках школы. Вероятно, возможно произвольно определить целые школы для реализации в ряде из них программ внушения чувства стыда по воссоединяющей модели, в других — ритуалов клеймения, в третьих — методик, связанных с реализацией терпимого отношения к правонарушителям, после чего осуществлять наблюдение за последующим уровнем делинквентности в каждой из них. Крайне сложной задачей, однако, стало бы получение согласия школьных администраторов на этот макросоциологический эксперимент, мы не говорим уже о том, сколь дорогостоящим оказалось бы подобное исследование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что существуют многочисленные возможности эмпирического опровержения теории путем проведения этнографических и исторических, а также социологических исследований, экспериментальных проектов, а также макросоциологических исследований, основанных на официальной статистике. Все эти методы обладают определенными недостатками в силу того, что *включенное наблюдение, самоотчеты, опросы жертв преступлений и официальная уголовная статистика* по-своему тенденциозны в измерении преступности. Иногда эта необъективность действует разнонаправленно (например, существует возможность того, что в полицейской статистике «раздувается» количество преступлений, приходящихся на долю представителей рабочего класса, тогда как самоотчеты преувеличивают количество преступлений, совершаемых подростками из среднего класса (Braithwaite, 1981). До тех пор пока существуют разнонаправленные тенденции, использование нескольких методов при проверке теории имеет свое

достоинство, заключающееся в сглаживании недостатков каждого отдельно взятого метода. Наши способы измерения такого загадочного феномена, как преступное поведение, столь предвзяты и несовершенны, что в криминологии (скорее, чем в любой другой науке) ошибкой было бы доверять одной-единственной проверке, которая, как утверждается, подкрепляет или опровергает теорию.

9

ВНУШЕНИЕ ВОССОЕДИНЯЮЩЕГО СТЫДА И БЕЛОВОРТНИЧКОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Теория воссоединяющего стыда в отличие от других криминологических теорий (исключение, причем существенное, составляет *теория дифференцированной ассоциации*) в своих концептуальных построениях отнюдь не игнорирует беловоротничковую преступность. Безусловно, нет ничего плохого в существовании теории, исследующей какой-либо подвид преступлений, но только до тех пор, пока *теория изнасилований*, например, называется теорией изнасилований, а не характеризуется как *общая теория преступности*. Однако в криминологии проявилась тенденция преподносить в качестве объяснения преступного поведения в целом теории, основанные на предвзятой в классовом отношении концепции преступности, исключающей нарушения закона, которые совершают служащие — люди в «белых воротничках». Последний пример такого рода — *теория Уилсона и Херрнштейна* (Wilson and Herrnstein, 1985), во главу угла ставящих низкий уровень интеллекта (IQ) и импульсивность, являющиеся, *inter alia*, определяющими в понимании «человеческой природы»¹⁷ преступности. Преступники «в белых воротничках», скорее, отличаются умом, нежели тупостью; они, как правило, не импульсивны, скрупулезно планируют свои действия. Поэтому работа Уилсона и Херрнштейна, последовательно не замечаящая широкомасштабную реальность беловоротничковых преступлений, приводит их к попытке объяснить преступность с помощью теории, не способной объять все возможные варианты преступности в обществе, а не один только классово ориентированный подвид преступного поведения.

В нашем случае возникла теория, характер применения которой достаточно широк, поскольку зародилась она на основе моей работы в области беловоротничковой преступности, осуществленной вместе с Брентом Фиссом и другими. Назначение этой главы в том, чтобы наметить в общих чертах, каким образом подход с точки зрения теории воссоединяющего стыда может быть использован в отношении преступлений людей в белых воротничках. То, что этой теме посвящена целая глава, вполне оправдано, поскольку криминологам, как правило, меньше известно о более сложном мире преступлений, совершающихся в кабинетах, нежели об уличной преступности. Таким образом, им необходимо оказать некоторое содействие в том, чтобы очертить возможности применения нашей теории к этому обширному региону преступности. В соответствии с общепринятым определением, данным Сазерлендом (Sutherland, 1983: 7), под беловоротничковой преступностью здесь подразумеваются «преступления, совершаемые уважаемыми лицами с высоким социальным статусом в рамках их профессиональной деятельности».

¹⁷ Книга Уилсона и Херрнштейна называется «Преступность и человеческая природа». — Здесь и далее прим. перев.

ВЛИЯНИЕ ПАБЛИСИТИ НА КОРПОРАТИВНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

В литературе по корпоративной преступности широко используется представление о том, что распространение неблагоприятной информации в СМИ представляет собой фактор устрашения и удержания от совершения преступления (например, Clinard and Yeager, 1980; Cullen and Dubeck, 1985; French, 1985). Точно так же считается, что отдельные преступники в «белых воротничках» испытывают сильное сдерживающее влияние негативного паблисити, ибо лицам с высоким профессиональным статусом в гораздо большей степени есть что терять в смысле положения в обществе и респектабельности, если их доброе имя будет утрачено. Как сказали бы сторонники *теории контроля*, с конформным поведением для них связана очень высокая ставка (Zimrig and Hawkins, 1973: 127-8; Geerken and Gove, 1975: 509; Clinard and Meir, 1979: 248).

Книга «Влияние паблисити на корпоративных преступников» (Fisse and Braithwaite, 1983) стала попыткой систематического эмпирического исследования реакции крупных корпораций на широкомасштабные кампании в СМИ, связанные с обвинениями в правонарушениях. Было изучено (на основе интервью с высшими руководящими работниками и других источников) 17 ситуаций, когда корпорации переживали такого рода обличительные атаки. Как выяснилось, финансовое воздействие негативной огласки (на уровень продаж, прибыль, цены на акции) было в целом незначительным; однако важными оказались последствия нефинансового характера, связанные с потерей репутации в обществе, от чего, по мнению должностных лиц, пострадали они сами и их компании. Упадок морального духа сотрудников, отвлечение внимания высшей администрации от выполнения ее обычных обязанностей, изнурительные перекрестные допросы менеджеров высшего звена, проводимые комиссиями Сената, государственными прокурорами, следователями, представителями суда и другими органами, — все это также, по словам опрашиваемых, было серьезным моральным ударом, который был нанесен подобными всплесками неблагоприятного паблисити.

Кроме того, мы пришли к выводу, что такого рода акции оказывают сдерживающее влияние не потому, что влекут за собой финансовые последствия (например, потеря доброго имени корпорации, подрывающая доверие акционеров), но потому, что хорошая репутация и корпоративный дух служащих, чувство гордости за собственную компанию ценятся сами по себе. Как указывает Чэннон,

состояние общественного мнения и, следовательно, создающее и поддерживающее его представление о компании как о нравственном, полезном и достойном корпоративном члене общества становятся *непосредственной* задачей управления. Эта задача не противоречит коммерческим целям в их классическом понимании, но и не занимает зависимое от них положение. Она существует сама по себе в качестве тактической установки первостепенной важности.

(Channon, 1981: 13)

Именно поэтому создание благоприятного имиджа фирмы — акцентирование социального достоинства, благого рвения, компетентности и ответственности сотрудников корпорации, а не стимулирование сбыта конкретной продукции — обрело такую значимость за последнее десятилетие (Birch,

1978; Lamb *et al*; 1980: 66-9). Коммерческие структуры отнюдь не единственные структуры, для которых хорошая репутация важна сама по себе. Другие организации, которые также могут стать местом совершения должностных преступлений (университеты, спортивные клубы, правительственные учреждения), не меньше дорожат своим престижем и уважением общества.

Даже в столь разрозненной коллективной общности, как национальное государство, до определенной степени возможно возбудить чувство стыда. Отношение Антанты к Германии после Первой мировой войны можно определить как клеймение и национальное унижение. По завершении же Второй мировой войны, наоборот, в политике Запада по отношению к Германии, Японии и Италии курс на реинтеграцию возобладал над стратегией отторжения. Даже очень крупные сообщества могут испытывать унижение в позитивном или негативном плане, и не только потому что они состоят из индивидов, ощущающих стыд, направленный на коллектив, к которому они принадлежат. Будучи даже лично не затронутыми унижением, которому подвергается общество в целом, люди, занимающие ответственные посты, обнаруживают, что должны удовлетворять новым ролевым ожиданиям, связанным с защитой и улучшением репутации или самоуважения коллектива. Сколько копий ломается в бессмысленных битвах только потому, что политические лидеры полагают, будто «народ» требует от них решительных действий ради спасения лица нации! Возьмем еще более простой пример. Профессор с безразличием относится к репутации своего университета и вместо того, чтобы защищать ее публично, отпускает язвительные замечания по поводу некомпетентности администрации. Однако, как только его назначают деканом, он сталкивается с новыми ролевыми ожиданиями, в соответствии с которыми должен охранять доброе имя своего учебного заведения. Он может делать это весьма прилежно, и не из-за каких-то особых взглядов, которые он в силу своих личных взглядов принес с собой на эту должность, но потому что знает требования, предъявляемые к должностному лицу, и хочет хорошо выполнять свою работу. Так, в организациях, отдельные представители которых слабо ощущают на себе влияние коллективного внушения чувства стыда, оно, тем не менее, все еще способно оказать свое воздействие, если власть предержащие получают неплохую зарплату за свое понимание необходимости сделать все возможное для того, чтобы сохранить репутацию организации.

Таким образом, при внушении чувства стыда за служебные преступления можно одновременно решать две задачи. Если не получится пристыдить руководителей, несущих ответственность за проступки индивидов, все равно остается возможность отрегулировать социальное поведение путем внушения чувства стыда коллективу. Подвергающийся порицанию коллектив может не только продолжить его, применив по отношению к виновным некие санкции, но он способен также привести в действие внутренние рычаги контроля, которые предотвращали бы будущие преступления еще до их совершения.

Фисс и Брейтуэйт пришли к выводу, что негативное общественное мнение (определяемое в настоящей теории как форма внушения чувства стыда) в каждом из отдельно изученных ими случаев играло определенную роль, «приводя к некоторым корпоративным реформам, которые, хотя и в незначительной степени, снижали вероятность повторного совершения упоминаемого проступка или правонарушения (а

также зачастую и других видов правонарушений)» (Fisse and Braithwaite, 1983: 233). Иначе говоря, был сделан вывод, который в данной работе я обобщил и распространил на все формы преступного поведения: «Если мы серьезно настроены в отношении контроля над корпоративной преступностью, приоритетной задачей для нас должно стать создание культуры, в которой не было бы места терпимости к такого рода преступлениям. Необходимо особенно акцентировать неформальные процессы внушения чувства стыда за нежелательное поведение и похвалы за достойные поступки» (Fisse and Braithwaite, 1983: 246).

Тот же самый вывод можно сделать и в отношении других форм беловоротничковой преступности. В тех странах третьего мира, где проблема коррумпированности власть предержащих достигает огромных размеров, очень часто государственных чиновников, предпочитающих коррупцию исполнению общественного долга, покрывают меньшим позором, нежели тех, кто не демонстрирует пристрастия к своему клану или семейству и «не платит услугой за услугу», лоббируя интересы тех или иных лиц, которым обязан своим положением. Иными словами, это такие общества, где коррумпированность менее постыдна, чем уклонение от взаимных обязательств (Wraith and Simpkins, 1963; Scott, 1972), где баланс процессов внушения чувства стыда перевешивает в пользу преступления.

Там, где представителей налоговых органов считают угнетателями, за мошенничество с налогами стыдить не будут.

КЛЕЙМЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ СУБКУЛЬТУР

В то же время опасность того, что внушение чувства стыда превратится в клеймение, существует и в связи с беловоротничковыми преступлениями — хотя это и не столь очевидно, как в связи с другими формами преступности. В специальной литературе часто встречаются сообщения об использовании преступниками, выходцами из среднего класса, приемов нейтрализации (Sykes and Matza, 1957) с целью обосновать свои правонарушения (например, Cressey, 1953; Geiss, 1967; Benson, 1985). Один из этих приемов — «осуждение осуждающих». Как показало проведенное мною исследование мошенничества с поддержанными автомобилями, именно к этому приему наиболее часто прибегали торговцы машинами Квинсленда. Прочитав некоторых из них:

Начинал я честным, но получил публичное образование — именно публика научила меня быть нечестным. Большинство продавцов сперва делают все как положено, но люди развращают тебя. Между собой мы называем их ЛВМ. Это распространенное выражение у людей нашей профессии. Оно означает «лгуны, воры и мошенники». Ты обращаешься с клиентом как с ЛВМ, если только не оказывается, что он не такой.

Они считают, если ты торгуешь поддержанными машинами, — ты обманщик. Они с тобой и обращаются соответственно, лгут тебе. Разве можно обвинять продавца в том, что он лжет в ответ?

(Braithwaite, 1978:119)

Публичное, широко распространенное порицание и клеймение агентов по продаже поддержанных автомобилей помогло укрепить в Квинсленде соответствующую криминальную субкультуру. Эта субкультура транслирует ожидания, в соответствии с которыми единственный способ выжить в этом бизнесе —

обманывать, иначе удержаться нельзя: «Некоторые из тех, кто бросает это дело, просто не в состоянии принять социальное клеймо барышника».

Стигма может способствовать укреплению социальной солидарности отдельных групп «белых воротничков», подвергающихся одинаковому клеймению. Действительно, формируются такие криминальные субкультуры, которые в состоянии предоставить социальную поддержку беловоротничковой преступности. В связи с этим Кресси писал:

У террористов террористы не вызывают особой ненависти, не объявляются вне закона, не подвергаются остракизму. В кругу тех бизнесменов, которые считают правительство и его законы нелегитимными, преступники в белых воротничках не вызывают особой ненависти, не объявляются вне закона, не подвергаются остракизму. Соответственно, когда такому преступнику выносят обвинительный приговор, отношение к этому следующее: «Ублюдки достали беднягу Чарли». ...Изучение исков о профессиональной небрежности медиков показало, что на практику девяноста процентов врачей эти иски не оказали никакого отрицательного воздействия. Еще четыре процента опрошенных сообщили, что их дела пошли в гору. Рентгенолог, практика которого увеличилась, сказал: «Полагаю, все доктора в городе сочувствовали мне, потому что ко мне стали приходить новые пациенты от врачей, до этого не присылавших мне больных».

(Cressey, 1978: 110)

Основной проблемой обществ с безудержно растущей беловоротничковой преступностью остается отсутствие эффективных социальных процессов внушения чувства стыда. Однако, как и в связи с делинквентными субкультурами, существует также опасность того, что преступники в белых воротничках объединятся с теми, кто был подобным образом отвергнут агентами социального контроля, и сформируют оппозиционную субкультуру, позволяющую отвергать отвергнувших. В Японии, как показано дальше, сложно найти свидетельства такого рода. Нельзя сказать, что и у меня дома, в Австралии, эта проблема имеет широкое распространение. Она носит скорее очаговый характер, проявляясь, например, в виде упомянутой выше субкультуры, формируемой в среде продавцов поддержанных автомобилей Квинсленда, а также, возможно, среди определенных групп представителей медицинской профессии (к примеру, патологов), которые считают, что несут на себе клеймо недомедиков-шарлатанов, поставленное на них консервативным правительством, одержимым социальной медициной.

В Соединенных Штатах Америки, однако, проблема сопротивления бизнеса закону путем формирования оппозиционных и криминогенных субкультур представляется куда более серьезной. Бардэч и Кэган, например, говорят об «организованной противленческой культуре» — субкультуре, способствующей передаче знаний о методах противодействия закону и контратаки. Для того чтобы проиллюстрировать свою мысль, Бардэч и Кэган (Bardach and Kagan, 1982: 114) цитируют одного юрисконсульта, который советует компаниям оспаривать абсолютно все претензии Управления по безопасности и гигиене труда (OSHA), сформулированные в очередных повестках, не ограничиваясь лишь теми, что вызывают у них действительно серьезные возражения. Таким образом, компании получают возможность «утрясти дело, идя на отдельные уступки, в обмен на то, что управление откажется от своих претензий по остальным. Те, кто не вступают в спор, хотя бы по отдельным пунктам, совершенно напрасно отказываются от этой возможности». Органам государственного регулирования Японии, Австралии, Великобритании (Hawkins, 1984; Vogel, 1986) или

Швеции (Kelman, 1981) не часто приходится сражаться с организованными противленческими субкультурами, пропагандирующими необходимость ставить под вопрос все правовые мероприятия и оспаривать в судебном порядке легитимность права правительства на принуждение к выполнению определенных обязательств. Это отнюдь не означает, что органам надзора и контроля в этих странах не приходится регулярно сталкиваться с сильным и довольно эффективным сопротивлением бизнеса; это свидетельствует лишь о том, что они редко оказываются лицом к лицу с организованной противленческой субкультурой, подобной той, что проявляет себя во многих секторах американской промышленности. Если вы будете сопровождать чиновника австралийского контрольного ведомства во время его инспекции по компании, вы сможете отметить, что ситуация, как правило, развивается следующим образом: государственный инспектор просит сделать то-то и то-то, и указание выполняется. Для сравнения: действия американских инспекторов подразумевают, что между правительством и бизнесом идет постоянный бой; проведение многих необходимых преобразований становится предметом специальных предписаний, которые впоследствии оспариваются компанией в судебном порядке. Мне не хотелось бы слишком преувеличивать значение подобных ситуаций, разделяя тем самым Соединенные Штаты и остальной мир; однако отметим, что в этом смысле США и Япония представляют собой, вероятно, почти полярные противоположности, остальные страны занимают свои места где-то посередине (ср. Vogel, 1986).

Существует множество причин возникновения и развития организованных противленческих субкультур в бизнесе, среди которых, например, прочно укоренившиеся традиции признания легитимности правительства или недоверия ему. Одним из факторов является, вероятно, и собственно манера поведения, усвоенная надзорными чиновниками. Здесь вновь возникает тема клеймения. Когда инспекторы априори исходят из того, что большинство бизнесменов не проявят социальную ответственность при соблюдении закона и не устоят перед искушением незаконным путем заработать «быстрые доллары», что они лишь абсолютно беспринципно взвешивают свои затраты и выгоды (Kagan and Scholz, 1984: 67) и что единственный способ добиться законопослушания — это привить страх перед наказанием, тогда возникает опасность, что эти исходные допущения превратятся в самореализующиеся пророчества. Подобная карательно-антагонистичная, «клеймящая» манера регулирования бизнеса стимулирует развитие организованной противленческой субкультуры.

Когда налицо готовность поступать правильно, карательно-антагонистичный тип регулирования просто по определению не может быть лучшей стратегией для обеспечения выполнения норм и правил. Наказание помогает при отсутствии доброй воли. Этот здравый смысл помогает нам в образовании, управлении и в повседневной жизни. Например, представим такую ситуацию: мы хотим, чтобы муж (или жена), который, как правило, действует в соответствии с принципом разделения домашней работы поровну, вымыл посуду. Оказывается, в ответ на наше «если ты не вымоешь посуду, завтра я не приготовлю ужин», он скорее поступит нам в отместку, не выполнив работы, нежели согласится с требованием. Большинство из нас убеждается, что скорее цель будет достигнута, если обратиться к лучшему «я» мужа (жены). Мы прибегаем к наказанию только тогда, когда, обращаясь к супругу, ученику или коллеге с тем или иным

требованием или просьбой, по той или иной причине не можем пробудить их добрые начала. Если что-то и объединяет людей, терпящих неудачу в браке, преподавании и управлении, так это их неспособность понять, что не следует добиваться своих целей посредством наказания, не попытавшись сначала апеллировать к лучшему, что есть в характере партнера. Однако именно эту ошибку и допускает американское регулятивное законодательство. Так, в соответствии с Законом по надзору в горной промышленности наказание автоматически налагается за любое нарушение обязательных норм техники безопасности и гигиены труда. Инспектору не предоставляется никакой свободы действий: он не может, например, посредством предупреждения дать руководителям шахт еще один шанс исправить ошибку. Любой школьный учитель знает, что при определенных обстоятельствах наказание может лишь озлобить ребенка, тогда как способна помочь простая фраза: «Как это не похоже на тебя, Джонни Браун!» Эти слова и следующее за ними прощение проступка усилят желание ученика вести себя подобающим образом. Такая стратегия не подходит для тех учеников, у которых нет даже проблеска желания улучшить свое поведение; если дать им еще один шанс, они могут истолковать это как проявление слабости.

К сожалению, многие критики, выступающие за карательно-антагонистичный подход к регулированию экономической деятельности, просто не желают видеть это разграничение. Они требуют бескомпромиссного и последовательного наказания корпоративных преступников. Они хотят осуществлять репрессивный контроль, не попытавшись сначала прибегнуть к увещанию и неформальному выражению неодобрения — то есть к контролю вразумляющему. Платой за столь необдуманное применение наказания становится более низкий уровень законопослушания, поскольку, беспощадно наказывая людей, имеющих искреннее желание следовать нормам, мы лишь отчуждаем их. Отвергая возможность предоставить руководителям, действующим из лучших побуждений, еще один шанс исправить ошибку, мы отказываемся и от возможности создать у них стремление прилагать все усилия к тому, чтобы в будущем не допускать нарушений. Вместо этого мы создаем субкультуры сопротивления установленному законом порядку.

Наказание и убеждение основаны на принципиально различных моделях поведения. Наказание предполагает, что индивидуумы — это рационально мыслящие люди, сравнивающие выгоду от нарушения закона с вероятностью наказания и связанными с этим издержками. Убеждение же исходит из того, что люди по сути своей добросовестны, поддаются увещанию и готовы принимать к сведению советы и порицания. Частично или полностью, но ни одна из этих моделей не соответствует тому, с чем инспекторы компаний или предприятий сталкиваются в своей практической деятельности.

Будучи сторонниками идеи об изначальной добропорядочности людей, представители концепции убеждения не в состоянии признать, что некоторые граждане этой добропорядочностью отнюдь не обладают и соответственно воспользуются тем, что о них думают иначе. С репрессивной концепцией связана иная проблема. Когда мы исходим из того, что *homo sapiens* дурны по своей сути, мы, обращаясь с вполне законопослушными гражданами так, будто их намерения изначально исполнены зла, бездумно лишаем себя возможности использовать искреннее желание этих людей следовать правилам. Возникает угроза клеймения и, следовательно, сопротивления.

Эффективно регулировать экономическую деятельность удастся тем, кому хватает здравого смысла выбирать в нужный момент нужную модель — владеть искусством постоянного корректирования стратегии (мои извинения Брэйбруку и Линдблomu — Braybrooke and Lindblom, 1963). Действующие таким образом инспекторы обладают достаточной гибкостью для того, чтобы использовать неформальное внушение чувства стыда и другие приемы убеждения по отношению к тем, кто лишь оступился, в общем-то будучи в достаточной степени привержен закону, и применять наказание в сочетании с негативным паблисити в отношении упорно неповинующихся. Прибегая к этому последнему средству, они следят за ситуацией в надежде увидеть «пресс-релиз», сообщающей об изменениях к лучшему, произошедших после вынесенного приговора. Таким образом, идут поиски возможностей для того, чтобы стали возможными прощение и реинтеграция провинившегося.

В регулировании бизнеса, как, впрочем, и семейной жизни, наиболее эффективны в осуществлении контроля те, кто довел до совершенства искусство внушения чувства стыда, избегая при этом подводных камней клеймения. В другой своей работе я более подробно обосновывал необходимость для осуществляющих надзор в экономической сфере усвоить уроки семейной модели наказания (Braithwaite, 1985a). Государственные инспекторы должны налагать взыскания таким образом, чтобы сохранялось достоинство и взаимное уважение правоприменителя и нарушителя. По возможности при исполнении наказания не следует приклеивать к человеку ярлык безответственного, ненадежного, изгоя, и, наоборот, необходимо призывать его принять справедливость этого наказания:

Опытный инспектор только по необходимости использует давление с целью обеспечить соблюдение норм. Следуя знаменитому совету Дейла Карнеги, он заставит менеджеров выполнить что-то, убедив их, будто это была их собственная идея. Действительно, наказание иногда может быть наложено столь виртуозно, в виде такого предложения улучшить деятельность организации, что управляющий почти верит, что он сам это придумал. Приведем пример: австралийский инспектор рассказывает о случае, когда он убедил управляющего в необходимости изменений, повышающих меры безопасности работающих на шахте, к которым закон в действительности не обязывал. Отметив согласие управляющего на преобразования в «Книге записей», хранившейся для этих целей на шахте, инспектор ушел со словами: «Условимся, что, если это не будет сделано до моего следующего прихода, работа на производстве будет приостановлена вплоть до выполнения соглашения». Управляющий, искренне убежденный в необходимости изменений, дал согласие. Несколько недель спустя инспектор узнает, что в связи с забастовкой и другими производственными проблемами управляющий не успел внести в работу шахты необходимые изменения. Управляющий расстроен из-за остановки производства, но едва ли считает, что с ним несправедливо обошлись.

(Braithwaite, 1985a: 103)

Как соблюдение гражданами уголовного законодательства, направленного, например, против уличной преступности, не является следствием того, что они испытывают страх перед наказанием, так и выполнение регулятивных предписаний имеет в своей основе веру большинства бизнесменов в необходимость быть законопослушными (см. Kagan and Scholz, 1984; Scholz, 1984). Тем не менее совесть, составляющая нравственную основу соблюдения закона, в значительной мере формируется в условиях, когда индивид становится свидетелем того позора, которому подвергаются организация и деловые люди,

признанные виновными в нарушении закона. Убеждение лишь потому обретает эффективность в качестве регулятивной стратегии, что где-то рядом с ним присутствует наказание. К сожалению, в отношении большинства видов корпоративных преступлений морально-воспитательные функции права глубоко игнорируются в связи с недостаточной развитостью формального наказания, соединенного с общественным порицанием, осуществляемым государством.

Во-первых, регулятивная стратегия, отвергающая антагонистичность в качестве изначальной установки, в состоянии выставить собственное оружие против контрпродуктивного клеймения. Во-вторых, она снизит опасность того, что инспектируемые организации будут воспринимать необоснованное государственное вмешательство как способ блокировать их легитимные возможности получать прибыль, развиваться, укладываться в сроки и достигать иных корпоративных целей. Когда система государственного регулирования носит характер сотрудничества, регулируемые компании и предприятия участвуют в переговорах относительно средств контроля и надзора за ними; иногда им удается добиться таких условий, которые фактически будут не менее эффективны, чем предлагаемые правительством, и одновременно облегчат процесс достижения корпоративных целей. Даже если регулятивные ограничения, ставшие результатом процесса переговоров, окажутся столь же жесткими, сколь и изначальные предложения со стороны государственных ведомств, вероятность появления организованной противленческой субкультуры в этом случае значительно меньше, поскольку корпорации принимали участие в обсуждении и выразили свое согласие с характером этих ограничений. Регулятивная культура, основанная на сотрудничестве государственных ведомств и поднадзорных организаций, имеет отличные перспективы в том, чтобы укрепить корпоративную этику, которая соответствующим образом карала бы за несоблюдение норм и правил, а также в том, чтобы предотвратить появление у них мыслей о некомпетентном правительстве, которое якобы блокирует возможности компаний.

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ И СЕМЕЙНАЯ МОДЕЛЬ НАКАЗАНИЯ

В той же степени, в какой наиболее эффективное осуществление социального контроля над подростковой делинквентностью связано с семьей, а не с полицией, и предотвращение большей части корпоративных преступлений есть заслуга саморегулирования внутри компаний, а не правопринуждения органов государственного регулирования. В работе «Корпоративная преступность в фармацевтической промышленности»¹⁸ я предложил шесть вопросов, ответы на которые помогают определить, обладает ли данная компания эффективной системой саморегулирования, позволяющей обеспечивать соблюдение законов. Один из них выглядел следующим образом: «Имеет ли корпорация историю регулярного применения эффективных мер принудительного воздействия в отношении работников, нарушающих «Стандарты рабочей дисциплины», созданные с целью предотвращения преступлений?» (Braithwaite, 1985a: 362). Теперь я полагаю, что задавать такой вопрос было не совсем правильно. Это изменение позиции вызвано моим исследованием систем внутреннего контроля в угледобывающих компаниях, шахты которых

были известны наивысшем уровне безопасности в Соединенных Штатах (Braithwaite, 1985a). В соответствии со сделанным ранее выводом я полагал, что компании, отличающиеся высоким уровнем безопасности производства, будут подвергаться жестокому наказанию служащих и управляющих, нарушивших корпоративную политику в области безопасности. В наличии должны были иметься свидетельства о регулярных увольнениях, понижениях в должности, штрафах или другого рода взысканиях. Однако мне не удалось обнаружить, чтобы такая внутренняя приверженность к наказанию за нарушения являлась отличительной чертой компаний с образцовой системой охраны труда.

В результате моего исследования стал очевидным другой факт. Для всех пяти компаний — лидеров в области охраны труда было характерно наличие четко очерченных форм ответственности за невыполнение норм безопасности, строгого контроля за соблюдением этих норм, а также системы информирования инженеров и рабочих о том, что их работа не соответствует стандартам в смысле техники безопасности. Выводы относительно условий эффективного социального контроля в рамках компаний, в общем, отразили то, что нам уже известно на примере удачной социализации в семьях. Склонность к наказаниям и репрессиям не является характерной чертой тех семей, которым удастся вырастить законопослушных детей. Родителей, успешно справляющихся со своей ролью, отличает авторитет, а не авторитарность или попустительство (Baumrind, 1971, 1978). Точно так же ни авторитарность, ни попустительство нельзя назвать характерной чертой компаний, осуществляющих эффективное саморегулирование. Такие компании устанавливают четкие нормы и строго следят за их соблюдением, выражая неодобрение и делая строгие внушения за отклонение от правил, демонстрируя одобрение в случае последовательного их соблюдения. Компания «US Steel», один из лидеров в области безопасности труда среди угледобывающих компаний, отличается наиболее частым применением санкций и мер принуждения. Однако приведенный ниже отрывок из моего исследования показывает, что даже для этой компании значительно более важную роль в обеспечении соблюдения требований безопасности труда играют тонкие процессы общественного порицания, внушения чувства стыда, а не механизм наказания:

Большой интерес представляет механизм ответственности региональных руководителей горных работ. Они ежемесячно посещают собрание, которое проходит в головном офисе угольной компании с участием президента и других высокопоставленных должностных лиц. Каждый из региональных руководителей обязан выступить с докладом, во-первых, о безопасности ведения работ (т.е. об уровне несчастных случаев на шахтах) и, во-вторых, о производительности труда (количестве тонн добытого угля) в своем районе за прошедший месяц. После сообщений о мерах безопасности начальник отдела технического контроля компании получает возможность задавать вопросы. Если уровень несчастных случаев возрос в сравнении с прошлыми месяцами или с ситуацией в других районах, неизменно задается один и тот же вопрос: «Почему?» Как мне рассказывали, присутствие двадцати четырех или двадцати пяти вышестоящих должностных лиц оказывает мощное позитивное давление на руководителей, имеющих не слишком впечатляющие данные о безопасности по своему району. Крайнее смущение и стыд испытывают те из них, кому месяц за месяцем приходится докладывать о низких показателях безопасности производства, демонстрируя при этом свое отставание от других районов.

(Braithwaite, 1985a: 362)

Бэйли говорит о бесполезности тотального внешнего контроля над дисциплиной, например, в полиции и о достоинствах таких внешних регулятивных органов, основной задачей которых было бы вызвать к жизни мощное и успешное саморегулирование:

Полицейская организация имеет в своем распоряжении более широкий спектр специальных, причем более совершенных средств контроля и надзора за работой сотрудников, нежели любые внешние органы. Кроме официальных дисциплинарных взысканий, связанных с заработной платой, повышением в звании или продвижением по службе, есть еще меры увещевания, публичного осуждения, похвалы, порицания и т.д.

(Bailey, 1983: 48)

Коротко говоря, теперь я не считаю, что действенное внутреннее регулирование — это обязательно увольнение или понижение в должности руководителей, нарушающих установленные правила. Я полагаю, что эффективное саморегулирование осуществляют компании, которые способны привлечь всеобщее внимание к проступкам тех, кто не смог соответствовать корпоративным стандартам социальной ответственности (процессы внушения чувства стыда), не прекращая при этом советами и поощрениями призывать оступившихся к исправлению (процесс воссоединения). Кроме того, здесь верно то же, что и для семейного социального контроля: более эффективно соблюдение закона способны обеспечить те корпорации и рабочие коллективы, которые характеризуются коммунитарностью и частым выражением социального одобрения, ибо сильнее всего от совершения проступка отвращает неодобрение, укорененное в общий пласт социального одобрения.

КОММУНИТАРНОСТЬ

До сих пор утверждалось, что уровень беловоротничковой преступности будет низким, если за совершением преступлений следует внушение чувства стыда, и в особенности, если при таком внушении избегать подводных камней клеймения — создания изгоев и стимулирования противленческих субкультур. Ну, а что же с верхней частью рисунка 1? Способствует ли коммунитарность внушению чувства стыда? И являются ли они продуктами взаимозависимости?

В связи с беловоротничковой преступностью по этому поводу имеется весьма мало данных. В двух своих исследованиях систем внутреннего контроля корпораций (Braithwaite, 1984, 1985a) я пришел к выводу, что для осуществления эффективного саморегулирования необходимо, чтобы отделения внутреннего контроля (например, отдел безопасности, внутренние ревизоры) обладали влиянием внутри организации. Это значит, что у них должна быть поддержка генерального директора (президента) в том, чтобы их рекомендации выполнялись руководителями среднего и младшего звена. Иными словами, при наличии взаимозависимости между этими руководителями и контролирующим персоналом увеличиваются надежды на то, что законы и предписания будут выполняться. Эта взаимозависимость может принимать множество различных форм. Мой любимый пример — деятельность инспектора по охране животных в крупном австралийском исследовательском институте. Она рассказала мне, что научным работникам приходится

принимать к сведению ее советы по поводу соблюдения правил охраны животных, поскольку они зависят от нее как от сотрудника, отвечающего также за заказ и доставку животных для экспериментов.

Это, в сущности, и есть главный элемент теории организации: внутри корпорации сотрудники, скорее, будут следовать воле тех, от кого они зависят. Если говорить об отношениях между организациями: требования одной организации другая организация, вероятнее всего, будет выполнять в том случае, если находится от нее в зависимом положении (Perrow, 1961; Emerson, 1962; Blau, 1964; Thompson, 1967; Hickson *et al.*, 1971; Jakobs, 1974). Я уже говорил о том, что если контроль над основными условиями ведения бизнеса осуществляется регулятивными органами, то они получают большие возможности обеспечить следование своим предписаниям со стороны компаний, попадающих в силу этого в зависимость от них (Braithwaite, 1984). Например, органам здравоохранения во всем мире много легче добиться соблюдения своих требований от фармацевтических компаний, чем от компаний, производящих продовольственные товары. Как следствие, правовое регулирование в области производства и качества пищевых продуктов относительно часто связывается с судебными преследованиями и разбирательствами (например, конфискация некачественной продукции по предписанию суда). А вот регулирование фармацевтической промышленности носит во многом договорный характер (добровольный отзыв не соответствующих санитарным нормам медикаментов). Данные по Австралии последовательно подтверждают это (Grabosky and Braithwaite, 1986). Фармацевтические компании действительно относительно более уступчивы и отнюдь не жаждут вступать в сутяжнические отношения с органами здравоохранения. Одна из причин этого кроется в их зависимости от этих органов (получение домаркетингового разрешения на новые медикаменты, контроль над качеством производимых препаратов и протоколы их последующей проверки, ценовая политика в области субсидируемых государством льготных фармацевтических программ, а также многие другие условия, которые не касаются производителей продовольственных товаров). Подобным образом, по крайней мере в Австралии, шахты находятся в более сильной зависимости от горных департаментов (необходимость различных согласований и содействия), нежели другие производства от соответствующих департаментов труда. Возможно, именно поэтому контроль и надзор за охраной труда на шахтах в Австралии, осуществляемый соответствующими государственными управлениями, является достаточно жестким и вместе с тем носит «договорный» характер в сравнении с регулированием в других отраслях, проводимым государственными управлениями труда и являющимся одновременно менее строгим и более «сутяжническим» (Braithwaite and Grabosky, 1985).

Можем ли мы на социальном уровне анализа говорить о том, что в обществах с высоким уровнем взаимозависимости и коммунитарности беловоротничковых преступлений будет меньше? Я безоговорочно делаю такой прогноз на основе моей теории, но он, по-видимому, с трудом поддается проверке, поскольку, учитывая способность власть имущих преступников скрывать свои деяния, проведение сравнения уровней беловоротничковой преступности просто невозможно.

Особого рода явление — коммунитарные культуры Японии и Швейцарии. Две эти страны представляют собой примеры того, как коммунитарность общества может способствовать поддержанию

необычайно стойких и сплоченных криминальных субкультур. Так, Япония может «гордиться» субкультурой политической коррупции, окружающей фракцию Танаки в парламенте (Boulton, 1978). Швейцария по праву считается мировым лидером по отмыванию банковскими служащими этой страны грязных денег (Blum, 1984). И Япония, и Швейцария печально известны также корпоративными преступлениями в области фармацевтической промышленности (Adams, 1984; Braithwaite, 1984; Hogetsu, 1986).

Нам не следует удивляться этому. Японский коммунитаризм проявляется также в более высокой организованности обычных криминальных группировок, добивающихся от своих членов абсолютной верности их законам и точности в выполнении преступных предписаний, и в этом с ними не могут сравниться банды большей части других стран (Clifford, 1976). Коммунитаризм — медаль, имеющая две стороны. Однако та ее «сторона», которая связана с предупреждением преступности, представляет гораздо бóльшую значимость, нежели «сторона» криминогенная. Причина этого в том, что уголовные законы, включая те, которые относятся к беловоротничковой преступности, как отмечалось в главе 2, поддерживаются большинством граждан. Будь общества поровну поделены на тех, кто ценит уголовное право, и тех, кто не видит в нем ничего хорошего, тогда коммунитаризм принес бы столько же вреда (гарантируя верность криминальным ценностям), сколько и пользы (обеспечивая большее законопослушание). При существующей же ситуации коммунитаризм в отношении преступности больше помогает, чем вредит.

Способность органов государственного регулирования Японии изменять поведение бизнеса в относительно короткие сроки может показаться поистине поразительной. В конце 60-х годов двадцатого столетия японцы, осознав наличие серьезных экологических проблем, обратились к их решению посредством пропаганды и реализации «Основного закона по охране окружающей среды от загрязнения». Несмотря на интенсивный рост промышленности, в течение последующих пяти лет выбросы сернистого ангидрида были сокращены вдвое, а через десять лет (1977) снизились до отметки в одну треть от пикового показателя 1967 г. (Environment Agency, 1980: 21). Подобных или даже еще более поразительных нисходящих тенденций удалось добиться в уровне загрязнения атмосферного воздуха угарным газом (Environment Agency, 1980: 5), а также уровне загрязнения водных объектов, в частности городских рек (Environment Agency, 1980: 10-11). Неудачными, однако, оказались попытки улучшить ситуацию с прибрежной полосой и выбросами в атмосферу двуокиси азота (Environment Agency, 1980). Японии удалось справиться со многими проблемами загрязнения окружающей природной среды намного быстрее и успешнее, чем какой-либо другой стране (Vogel, 1979: 19, 73). По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), к 1975 г. Япония выделяла на борьбу с загрязнениями часть валового национального продукта, в 10 раз превышающую затраты (в процентах от ВВП) любого другого члена ОЭСР (Vogel, 1979: 73). Отличие Японии в том, что, когда японский орган государственного регулирования, например Агентство по охране окружающей среды, указывает компании на необходимость выполнения какого-либо предписания, оно выполняется. Западные компании в такой ситуации стали бы всячески уклоняться от его выполнения или пытаться оспорить предписание в судебном порядке. Когда мы с Брентом Фиссом проводили интервью в японских компаниях и регулятивных ведомствах (Braithwaite and Fisse, 1985), нам рассказали множество

историй о том, какое потрясение переживали различные японские руководители, получая от государства всего лишь письмо с мягким выговором за несоблюдение закона. Случаи самоубийства, покушений на самоубийство, добровольной отставки и добровольного перехода на более низкую должность как следствие сильного потрясения в связи с общественной реакцией на противозаконные корпоративные действия весьма распространены в Японии. Для беловоротничковой преступности, как и для преступности традиционной, именно стыд, испытываемый в рамках имеющих тесные переплетения семей общин и корпоративных культур, является более сильным сдерживающим фактором, нежели формальное наказание.

Таким образом, есть все причины прогнозировать взаимозависимость коммунитарности и общественного порицания в качестве таких характеристик общества, которые будут существенным образом влиять на распространение в этом обществе как беловоротничковой, так и обычной преступности. Однако с прогнозами на индивидуальном уровне анализа в отношении беловоротничковых преступлений возникают некоторые сложности. Молодежь и безработные не столь связаны отношениями взаимозависимости, как другие социальные группы. В случае с беловоротничковыми преступлениями, как и с традиционной преступностью, это делает их менее восприимчивыми к контролю. Однако факт остается фактом: молодежь и безработные структурно отрезаны от возможностей совершения таких преступлений. Они не обладают высокими должностями и статусом, без чего совершение подобных преступлений невозможно. Итак, по крайней мере, в отношении этих двух характеристик нам необходимо сделать уточнение в наших прогнозах индивидуального уровня. Молодые люди и безработные с большей вероятностью будут совершать преступления, исключая те, для которых требуется обладание высокой должностью и статусом (беловоротничковые преступления). Мы, однако, по-прежнему считаем, что не состоящие в браке (с учетом возраста), проживающие в городах, отличающиеся мобильностью мужчины как отдельные индивиды будут в большей степени склонны к совершению беловоротничковых преступлений, чем люди с противоположными характеристиками. Компании и другие организации с высоким сосредоточием таких индивидов также должны отличаться высоким уровнем этих преступлений.

ВЫВОДЫ НА НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ

Беловоротничковые преступления совершаются по большей части в организационном контексте. Анализируя роль, которую играют организации в контроле над беловоротничковыми правонарушениями, теория воссоединяющего стыда проводит аналогию с семьей, ведущей борьбу с делинквентным поведением. Наиболее результативный контроль осуществляют не те семьи и организации, что чаще других используют наказание, но те, что поддерживают коммунитарные связи и обеспечивают законопослушание посредством выражения порицания и сохранения отношений, определяющей характеристикой которых является социальное одобрение. Они внушают чувство стыда (с тем, чтобы способствовать глубокому внутреннему усвоению норм), а не наказывают (с тем, чтобы сместить рациональный расчет в сторону соблюдения правил и норм).

В возрастной психологии появляется все больше и больше сторонников таких методов социализации в семье, или, иначе говоря, таких отношений, которые отличаются твердостью и теплотой, а не твердостью и холодностью или теплотой и попустительством. Такой же подход постепенно становится общепринятым и в литературе по корпоративным дисциплинарным практикам. Руководители компаний все более разочаровываются в репрессивном подходе к нарушению дисциплины; широкое распространение получает точка зрения, в соответствии с которой соблюдения корпоративной политики можно скорее добиться посредством выражения в рамках корпоративной культуры неодобрения, нацеленного на глубокую интернализацию приверженности правилам.

Реакцией рабочего, наказанного письменным предупреждением или неоплачиваемым «отпуском», является негодование или апатия; количество прогулов и недовольство растут; общение и доверие сходят на нет; результатом становится отношение к работе по принципу «вам же хуже» или «и так сойдет». По сути, распространенность этих проблем и заставила организации изменить подход, отказавшись от преимущественного использования наказания...

Первый шаг такой некарательной дисциплины — сделать «устное внушение». Руководитель лично встречается с работником с целью обсудить возникшую проблему. Первостепенная задача для него — заручиться согласием работника в связи с необходимостью разрешения проблемы. Вместо того, чтобы предупреждать сотрудника о более серьезных дисциплинарных мерах в будущем, руководитель напоминает человеку о его личных обязательствах соответствовать нормам поведения и выполнять должностные обязанности.

(Campbell *et al.*, 1985: 168)

Мы видели, что в тех случаях, когда в процессе нравственного воспитания детей необходима демонстрация преступности деяний, выходящих за рамки непосредственного опыта семьи, социальный контроль в семье, основанный на внушении чувства воссоединяющего стыда, должен быть дополнен «государственным» осуждением, связанным с формальным наказанием. Равным образом и внушение чувства стыда, осуществляемое коммунарными корпоративными культурами, будет действовать весьма слабо (в культурном вакууме отсутствия уголовного права), если за беловоротничковые преступления государство не будет налагать наказание, которое также является формой общественного порицания.

Но как официальному наказанию за «обычные» преступления сопутствует опасность клеймения, которое может подтолкнуть людей к оппозиционным субкультурам, так и правовое регулирование в области бизнеса связано с риском создания организованной противленческой субкультуры. В обоих случаях для сведения этого риска к минимуму используются одни те же методы: прощение преступника и примирение с ним, поощрение раскаяния, наказание, при котором сохраняются узы взаимного уважения правоприменителя и правонарушителя, что позволяет последнему принять справедливость наказания, воздержание от крайних санкций («санкций изгнания»), таких, как тюремное заключение.

Итак, и в той и в другой областях внушение чувства стыда по воссоединяющей модели требует каждодневного отказа от применения только наказания и каждодневного осуществления контроля посредством общественного порицания, за которым может следовать государственное наказание по

возможности связанное с внушением чувства стыда и исключаящее клеймение. В отношении как традиционных, так и беловоротничковых правонарушений прогноз моей теории заключается в том, что в обществах, где контроль осуществляется посредством внушения такого носящего воссоединяющий характер чувства стыда, уровень преступности будет низким.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ В СВЯЗИ С КОНТРОЛЕМ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

В десятой главе мы формулируем выводы, которые можно сделать из теории воссоединяющего стыда с точки зрения политики. Эти общие заключения относятся как к отдельным правонарушителям в белых воротничках, так и к уличным преступникам. Однако здесь мы остановимся на выводах, связанных с преступлениями, совершаемыми организациями или от имени организаций их членами. Нижеизложенное обладает значимостью лишь в отношении преступности в организациях.

Мы говорили о том, что большая часть организаций, будь то отделения полиции, университеты или закрытые акционерные компании, обеспокоены защитой своей репутации не меньше, чем отдельные люди. Организации предпринимают определенные усилия для того, чтобы обеспечить законопослушание тех, кто действует от их имени. В большинстве случаев это происходит потому, что они сами (а вернее, индивиды, исполняющие организационные роли) полагают, что было бы неправильно, если бы организация нарушила закон. Иными словами, совесть (в смысле социальной ответственности) представляет собой более значимую гарантию отсутствия преступности в организациях, нежели страх перед формальным наказанием. Масштабы этой значимости могут претерпевать изменения от культуры к культуре, уменьшаясь в той деловой среде, где имеется организованная субкультура сопротивления регулирующим предписаниям.

За рамками экономического рационализма

К сожалению, очень часто при размышлениях о корпоративной преступности (хотя, может, и не столь часто, если брать в расчет анализ преступлений, совершаемых государственными организациями) принято рассматривать корпорацию как структуру, опирающуюся исключительно на экономическую рациональность. Такой подход чрезмерно умаляет роль корпорации как коллективного агента, способного к выбору организационной стратегии и осознанию ценности социальной ответственности. Кроме того, недооценивается тот факт, что корпорации состоят из индивидов, обладающих определенной нравственностью. Конечно, ищущие наживы корпорации в сравнении с совершающими преступления индивидами скорее ведомы соображениями экономической рациональности, чем страстью, порывом или местью. В этом смысле корпорации в значительно большей степени восприимчивы к удерживающему воздействию, нежели отдельные люди, однако не настолько, чтобы желание избежать наказания в большей степени предупреждало корпоративную преступность, чем желание быть законопослушным. Такая ситуация неизбежна, поскольку система уголовного правосудия институционально не способна на обеспечение надежного удержания корпоративных нарушителей закона от совершения преступлений (Moore, 1987). В консультационном отчете для правительства штата Виктории Грабоски, Фисс и я сообщили следующее:

Для того, чтобы удержать людей от совершения преступлений, нужно показать им, что тех, кто не подчиняется закону, могут ожидать поистине ужасные последствия. Однако подобные удерживающие аргументы, если они относятся к нарушениям безопасности и гигиены труда, нужно воспринимать с известной осторожностью. Там, где работает множество людей, в течение года обычным делом будут сотни, а то и тысячи преступлений, связанных с нарушением мер безопасности труда. Инспектор, скорее всего, появлялся здесь не больше одного раза; большая часть правонарушений не приходится на время его посещения, да и из тех, что случаются в день проверки, многие ускользают от глаза инспектора или совершаются в той части предприятия, куда он даже не заглядывает. Допустим, инспектор выявит ряд нарушений. Даже если он решит возбудить дело по пяти наиболее серьезным из них, то у предприятия, на котором происходит тысяча нарушений в год, по-прежнему остается шанс, равный 99, 5%, что большая часть правонарушений останется без наказания. Если инспектор добьется обвинения и наложит штраф на общую сумму в 50 000 долларов, компания в любом случае будет платить за каждое нарушение, совершаемое в течение года, налог, не превышающий 50 долларов. В зависимости от того, сколько компания экономит на мероприятиях по охране труда, даже при таком карательном сценарии с точки зрения экономической рациональности ей по-прежнему может быть выгодно игнорировать закон. Любая политика правоприменения, опирающаяся исключительно на штрафы с целью изменить соотношение экономических затрат и выгод для компаний, ориентированных на максимизацию прибыли, как это во многом свойственно американским стратегиям правового регулирования, обречена на провал.
(Braithwaite *et al*, 1986: 36)

Итак, в связи с преступностью в организациях большую значимость имеет морально-воспитательная, а не сдерживающая функция наказания. Необходимо значительно чаще, чем это происходит сейчас, использовать формальное наказание и более строгие санкции против таких преступников, чтобы подобное наказание могло быть использовано в целях морального воспитания в отношении преступности в организациях. Однако узко ориентированная на сдерживание преступности политика, коей отличаются американские ведомства, такие, как Управление по охране труда и Управление по надзору в горной промышленности, каждое из которых налагает по 100 000 микроскопических штрафов в год за нарушения техники безопасности и гигиены труда, неверна и ошибочна. Механическое «битье по рукам» при помощи штрафов не выполняет морально-воспитательной функции. Такие штрафы — нейтральный с точки зрения нравственности налог на нарушителя закона, капля в море для удержания от преступлений огромных корпораций.

То же самое соображение можно высказать и в отношении рецептов тех экономистов, которые одним махом удалили бы из законодательства законы, связанные с преступлениями против окружающей среды и заменили бы их платежами за выбросы отходов (Baumol and Oates, 1971; Kneese and Schultze, 1975; Anderson *et al*, 1977). Вместо того чтобы получать наказание за нарушение природоохранительного законодательства, компании выплачивали бы налог на каждую единицу объема вредных веществ, выбрасываемых их фабриками. Иначе говоря, они бы имели право платно загрязнять окружающую среду.

Нельзя лишить социальный контроль морального содержания и ожидать, что такой контроль будет действовать. Если в законе нет морали, если он есть лишь игра с точки зрения экономической выгоды, жульничество станет обычным повседневным делом. Правительство не сможет доверять тем цифрам по

объему выбросов, которые будут предоставлять промышленные предприятия. Для того чтобы проверять эти цифры и преследовать за нарушение нормативов, потребуется такая армия инспекторов, которую не может позволить себе ни одно государство. За последние двадцать лет многие правительства по всему миру достигли значительных результатов в снижении загрязнения окружающей среды при привлечении весьма умеренного бюрократического аппарата. Этого удалось добиться, поскольку большая часть компаний старается выполнять природоохранные законы просто потому, что это — законы, а не потому, что инспектор стоит у них за спиной. Лишите мероприятия по охране природы, обеспечению безопасности потребительских товаров или охране труда их морального содержания, сделайте их предметом дискреционного экономического расчета, даруйте «право загрязнять», и те ограничения, которые большинство налагает на себя добровольно, перестанут действовать. К каждому человеку придется приставить по инспектору, чтобы тот мог следить за всеми его действиями. Экономисты-неоклассики справа и проповедники, пытающиеся предупредить корпоративную преступность угрозой «адских мук», слева одинаково наивны, недооценивая роль совести и социальной ответственности как источников корпоративного законопослушания большинства.

Подобному анализу можно подвергнуть и соображения тех, кто предлагает заменить уголовное право деликтным в таких областях, как безопасность потребительских товаров или борьба с монополиями (например, Posner, 1977; Landes and Posner, 1984). Продажа небезопасных лекарственных препаратов перестала бы считаться преступлением, вместо этого такое поведение сдерживалось бы посредством требований о возмещении вреда, причиненного здоровью, которые предъявляют компаниям те, кто пострадал от приема этого препарата. Даже если оставить в стороне слабую превентивную природу такой стратегии (Braithwaite, 1982), ее основным недостатком остается наивное допущение, что социальный контроль может действовать, будучи лишенным своей обличительной составляющей.

Необходимо так наказывать за служебные преступления, чтобы максимально усиливать чувство стыда у нарушившего закон, и всячески популяризировать идею о том, что беловоротничковая преступность вызывает у общества то же отвращение, что и уличная. Как только члены корпораций осознают и примут это, саморегулирование, в основе которой законы нравственности и корпоративной этики, а также политика законопослушания станут выполнять за государство большую часть работы. Ирония здесь опять-таки заключается в том, что вариант «свободного рынка», основанный на экономическом стимулировании, в конце концов потребует более мощного вмешательства государственного аппарата для осуществления социального контроля, чем вариант «морального общества».

Как утверждалось ранее, добиться наибольшего успеха в том, чтобы корпоративное уголовное право выполняло свои морально-воспитательные функции, можно в значительной мере опираясь на негативное паблисити как на механизм социального контроля. Фисс и я посвятили целую книгу различным вариантам использования этого механизма, поэтому здесь я не буду останавливаться на конкретных деталях. Достаточно сказать, что важнейшие инструменты общественного порицания, направленного против корпоративных преступников, и внушения им стыда — это негативное освещение в СМИ как формальная санкция (заявления об опровержении в случае преступлений, связанных с ложной рекламой, требования о

составлении и публичном оглашении отчетов о недостатках системы соблюдения законности компании), созыв пресс-конференций вслед за тем, как корпорацию уличили в правонарушении. Кроме этого, можно упомянуть здесь поощрение активности граждан или журналистов в составлении более справедливых законов о клевете, обеспечении условий для исков *qui tam*¹⁹, законодательном обеспечении большей открытости и «прозрачности» деятельности корпораций и более творческом (но и более справедливым) использовании данных, предлагаемых официальными комиссиями по расследованиям (Fisse and Braithwaite, 1983).

Борьба за корпоративную социальную ответственность

Однако как и в случае с традиционной преступностью, полем наиболее важных сражений, которые определяют, насколько удачно воздействие совести будет способствовать предотвращению преступности в организациях, станет не система уголовного правосудия, но различные культурные арены. Наибольший интерес в этом плане представляет борьба сторонников движения за корпоративную социальную ответственность и его противников (Stone, 1985). Противники идеи корпоративной социальной ответственности полагают, что корпорация не должна преследовать иных целей, кроме максимизации прибыли; по их мнению, менеджеры, отдающие предпочтение «социально ответственным», а не наиболее выгодным решениям, присваивают себе политические полномочия, не имеющие к ним никакого отношения, подрывают целостность рыночной системы и не выполняют своих моральных обязательств перед акционерами (e.g. Friedman, 1962).

Такая точка зрения равносильна отрицанию того, что корпорации (и индивиды, исполняющие корпоративные роли) являются частью общества, живущего по морально-этическим законам. Это — отрицание коммунитарности, рациональное обоснование, позволяющее оградить членов корпораций от порицания и стыда, внушаемого более широким обществом. Ключом к борьбе с корпоративной преступностью является глубокая интеграция корпораций в общество, и, следовательно, их податливость воздействию неформального социального контроля. Идеология, отделяющая корпорации от общества и обязательств перед ним, носит столь же криминогенный характер, как и идеология, согласно которой для *индивидов* действовать по-иному, нежели в своих собственных интересах, значит проявлять самонадеянность, поскольку подобными действиями они предполагают, будто им известно, что лучше для других. Защитники этой точки зрения полагают, что считаться с другими, когда это не соответствует собственным интересам, значит подрывать основу основ систем естественного отбора и конкурирующего индивидуализма, которые являются источниками эволюции и социального прогресса; не вложить всю свою энергию в собственное социальное продвижение, по их мнению, значит нарушить моральный долг перед родителями и не вернуть им максимум того, что они вкладывали в нас. Нравственная несостоятельность

¹⁹ *Qui tam* (сокр. от лат.) — тот, который подает в суд от имени короля, а также от своего имени. Иск *qui tam* — уголовный иск, с которым выступают представители государства совместно с лицом, сообщившим о преступлении (как правило, это мошенничество коммерческой компании или иной организации, а также индивидов против правительства).

движения противников социальной ответственности становится очевидной, когда мы начинаем применять их аргументы к множеству индивидов. Поэтому необходимо возвращение к коммунитарности, к утверждению примата совести над рациональным расчетом, а не возвращение в джунгли. Уже и так значительная часть населения западных стран рассматривает крупные корпорации как своего рода нарушителей нравственных устоев, награждая работающих в них руководителей высшего звена клеймом *алчных эксплуататоров*. Национальный опрос, проводившийся CBS News и New York Times с 29 мая по 2 июня 1985 г., показал, что большинство респондентов не считает «большую часть руководства американских корпораций честными людьми», а также полагает, что американский бизнес «очень часто» связан с корпоративной преступностью (*New York Times*, 9 June, 1985, Section 3, p.1). *Теория ярлыков* дает нам возможность «прочувствовать» опасность такого положения, связанную с появлением изгоев, которые практически уже ничего не потеряют, действуя в соответствии с тем, что ожидают от них другие.

Устраняя «заранее оговоренное неведение»

Необходимо не только реинтегрировать корпорацию в общество в целом, чтобы неформальный социальный контроль извне мог «проникать сквозь стены, отделяющие кабинеты должностных лиц от внешнего мира», нужно также сделать ее саму более социально интегрированной. Совершение корпоративных преступлений зачастую становится возможным благодаря структурам, которые позволяют одному подразделению намеренно закрывать глаза на поведение другого. Отдельные руководители и более крупные единицы структуры организации «возводят стены» вокруг своей сферы деятельности; они гордятся этичным выполнением своей части корпоративной задачи и считают, что их не касается неэтичность действий других подгрупп. В фармацевтической промышленности менеджер по контролю над качеством продукции может провести внушительную работу с тем, чтобы обеспечить точное соответствие спецификациям лекарства, при проверке действия которого было обнаружено нарушение и которое теперь распространяется среди потребителей. Его вовсе не беспокоит, насколько социально безответственным является сам по себе процесс производства такого препарата (Braithwaite, 1984). Исследователь фармацевтической компании, обнаруживший особый побочный эффект лекарственного препарата, считает, что ответственно подошел к выполнению своей работы, сообщив об этом руководству. Однако тот факт, что менеджеры дочерних предприятий во многих странах третьего мира скрывают это, не вызывает его озабоченности: это уже сфера ответственности международного коммерческого отдела. В компании, интегрированной в общество, живущее в соответствии с определенным нравственно-этическим кодексом, такой исследователь, наоборот, был бы расстроен сокрытием обнаруженного побочного эффекта; он бы связался с руководителями медицинских отделов этих дочерних компаний и, пристыдив их, попытался заставить действовать более ответственно, он бы пожаловался в комиссию по корпоративной этике или принял какие-либо другие меры.

Преступность процветает в тех организациях, которые изолируют сотрудников в отграниченные друг от друга замкнутые зоны социальной ответственности; под контролем она находится там, где бесчестные

индивиды и замешанные в темных делах корпоративные структуры подвергаются общественному порицанию со стороны дисциплинированного большинства организации. Но даже если большинство не столь дисциплинировано, подобное разоблачение, безусловно, будет способствовать возникновению угрызений совести в будущем и увеличит восприимчивость к контролю извне. Некоторые компании, отличающиеся наиболее эффективной внутренней политикой в области контроля над преступностью, изначально были явно нацелены на, как они это называли, создание «организации с многочисленными антеннами» (например, см. деятельность ревизоров компании «Эксон», описанную Фиссом и Брейтуэйтом (Fisse and Braithwaite, 1983: 171-81)).

Хуже всего, что многие компании проводят систематическую политику с целью оградить главное исполнительное лицо компании (директора, президента) «от позора» — знания о совершающихся противозаконных действиях. В соответствии с такой политикой в фармацевтических корпорациях «обязанность садиться в тюрьму ложится на вице-президентов» (Braithwaite, 1984). Корпоративные культуры часто живут по формуле, в которой заключены ожидания начальника: «это должно быть сделано, но не говори мне, как ты будешь это делать». «Оговоренное неведение» характерно для всех уровней сложных организационных структур. «Начальники и подчиненные, «свои» и «чужие» имеют общий интерес в ограничении знаний друг о друге. Заключаются сделки (зачастую молчаливо), которые регулируют объем требуемых одним от другого знаний» (Katz, 1979: 297). Решить эти проблемы можно, лишь опираясь на определенную политику.

В фармацевтических компаниях проблема выглядит следующим образом: менеджеры по контролю за качеством вносят предложения об уничтожении определенных партий медикаментов с обнаруженными примесями или иными несоответствиями нормативам, но их рекомендации отклоняются менеджерами производства. Как правило, поступающие таким образом руководители производства (менеджеры среднего звена) защищают высший менеджмент от знания об этих социально безответственных, зачастую преступных решениях. Решение в данном случае заключается в требовании составлять все отчеты директора по контролю за качеством в письменной форме, и так же письменно, за подписью исполнительного директора, оформлять все решения, отклоняющие рекомендацию директора. Таким образом, исполнительный директор не сможет быть огражденным от знания и наказания за то, что его подчиненные делают для того, чтобы добиться производственных целей.

В качестве еще одного решения этой проблемы можно было бы обязать компании к введению механизмов, позволяющих сотрудникам уведомлять специализированные внутренние инстанции о тех случаях, когда они сообщали своему начальнику о незаконных действиях, но тот решил не предпринимать никаких действий по исправлению ситуации. Осуществить это можно, сообщив сотрудникам об их праве и обязанности информировать о сокрытии нарушений омбудсмана корпорации или комиссию по этике Совета директоров (как это уже практикуется во многих компаниях).

В компании «Эксон» все сотрудники, усматривающие в каких-либо действиях противозаконность, обязаны сообщать о своих подозрениях в юридический отдел компании. Допустим, финансовый аудитор в

ходе своей работы сталкивается со служебной запиской, которая свидетельствует о нарушении антитрестовского законодательства. В большинстве компаний аудиторы оставили бы такой факт без внимания, поскольку рассмотрение его выходит за рамки их обязанностей и поскольку не предполагается (вполне обоснованно), что они являются специалистами в области антитрестовского законодательства. Однако внутренним аудиторам «Эксон» не повезло бы, если бы они не уведомили о своих подозрениях отдел по соблюдению законности компании.

По факту сообщения о нарушении его получатель обязан составить и отослать отправителю уведомление о том, считает ли он, что нарушение произошло в действительности и, если оно произошло, какие коррекционные или дисциплинарные меры должны быть приняты. «Ответная реакция» (или ее отсутствие) дает возможность младшему аудитору, сообщившему о правонарушении и не ставшему свидетелем никаких ответных действий, понять, что сообщение на каком-то этапе «замяли». В таком случае он *обязан* напрямую сообщить о неразрешенных подозрениях в ревизионный комитет правления в Нью-Йорке. В значительной степени ключ к пониманию служебной преступности, будь то мошенничество при проверке на безопасность лекарственных препаратов или коррупция в полиции, — в том, каким образом структура организации используется, чтобы «защитить» людей от укоров собственной совести, от порицания коллег, обладающих более устойчивой совестью, и от разоблачения и уголовной ответственности. Решение здесь очевидно — высвободить стыд, открыв ему путь «наверх», внедрить особую политику контроля, создав «организацию с многочисленными антеннами», где на нарушение реагирует каждый. Необходимо сформировать такую коммунитарную культуру, в которой индивид считал бы себя ответственным не только за свою деятельность, но и за весь процесс, в которой бы на самом деле чувствовал ответственность перед обществом, потребляющим товары или услуги данной корпорации. Весь вопрос в том, каким образом коммунитарность и внушение чувства воссоединяющего стыда как отличительные черты общества могли бы стать противоядием против преступности в организациях, а также преступности индивидов.

Кто ревизует ревизоров? От надзора к доверию

По мере того как наше общество становится все в большей степени обществом организаций, организационное измерение социального контроля обретает все большее значение. Стоун (Stone, 1985: 13) напоминает нам:

Может быть, уровень рождаемости и идет на убыль, но корпоративная «рождаемость» неуклонно растет (и свидетельство тому — новые сертификаты о регистрации организаций). И этот впечатляющий подъем наблюдается не только в коммерческом секторе. Та же самая тенденция характерна и для правительственного, и для благотворительного, и для некоммерческого секторов.

При этом вовсе не обязательно придерживаться убеждения, что корпорации — это носители зла, которыми управляют дурные люди, как не обязательно и задаваться вопросом о корпоративной ответственности. Правда заключается в том, что на настоящий момент все совершается через корпорации, корпорациями и для корпораций. Поэтому, когда что-то происходит не так — будь то загрязнение токсическими веществами или мошенничество, скорее всего, в этом будет замешана корпорация. Этим я не хочу сказать, что закон может пренебрегать необходимостью осуществлять контроль над простыми людьми. Я лишь говорю, что социальные институты, некогда сосредоточенные почти

исключительно на отношениях с индивидами, действующими в своих собственных интересах, должны пересмотреть свою политику в свете того, что доминирующее положение в обществе заняли бюрократизированные организации, поэтому необходимо рассматривать не отдельных индивидов, но должностных лиц.

(Stone, 1985: 13)

Зациклившаяся на индивидуальном уровне криминология — это криминология прошлой эпохи.

Борьба с преступностью в организациях переживает кризис. Причина его в том, что проблему нарушения доверия в организационном контексте мы решаем единственным способом — созданием новых стражей доверия. Для того чтобы следить за правильностью ведения счетов компании, назначается внутренний аудитор; внешний аудитор получает полномочия от сертификационной комиссии, чью деятельность, в свою очередь, время от времени проверяют чиновники государственного регулятивного ведомства; в этом ведомстве существует отдел внутренних расследований, занимающийся борьбой с коррупцией, и так далее — вплоть до судов и законодательных органов, являющихся гарантами последней инстанции. Шапиро (Shapiro, 1987) утверждает, что бесконечное наслаивание категорий «стражей» на отношения доверия не всегда эффективно. Новые сферы деятельности передаются новым «стражам», что может создать проблему новых злоупотреблений; жизнь организации бесконечно усложняется, мешая тем самым достижению иных социальных целей (см. также Vaughan, 1983). Крэсси писал:

Утверждать, что растрату и административное мошенничество можно предотвратить путем установления строгих методов отчетности — значит упускать из виду простой факт: если бы весь персонал корпорации находился под строгим контролем, число растрат и административных мошенничеств значительно снизилось бы, однако бизнес едва ли развивался бы... «Слабый» учетный контроль является неотъемлемой частью современного бизнеса, равно как для современной демократии необходим «слабый» полицейский контроль.

(Cressey, 1980: 125-6)

Если проблему злоупотреблений стража n мы можем решить единственно назначением стража $n+1$, тогда ответ на вопрос о том, кто сторожит самих стражей, становится бесконечным возвращением в одну точку и жизнь организации безнадежно застопоривается. Теория воссоединяющего стыда предлагает в качестве решения коммунитарную культуру, в которой, когда речь идет о соблюдении закона, каждый — страж другого и никто не выступает в роли гаранта "последней инстанции". В коммунитарной культуре надзор депрофессионализирован. Кроме того, такая культура создает благодатную почву, на которой произрастает доверие; доверие действительно является определяющей характеристикой концепции коммунитаризма. Мы абсолютно доверяем коллегам, когда у них высоко развита совесть и нас связывают взаимные обязательства и уважение. Только при наличии этих условий коммунитарности мы с уверенностью можем заменить надзор доверием.

Американцев зачастую поражает отсутствие формальных механизмов ответственности в японских государственных и частных организациях. Суть в том, что формальные механизмы ответственности являются лишь суррогатом доверия, которое в коммунитарной культуре взращивается чувством стыда, совестью и взаимными обязательствами. Доверие, собственно, и обходится дешевле, что делает японские организации более гибкими и конкурентоспособными.

Коммунитарные корпоративные рычаги регулирования

Еще одна рекомендация в отношении борьбы с корпоративной преступностью, выводимая из теории воссоединяющего стыда, заключается в том, что государство должно стремиться передать обязательства по осуществлению социального контроля агентам, находящимся в каждодневных отношениях взаимозависимости с теми, чья деятельность подлежит регулированию. Вернемся к уже рассмотренной ситуации. Безусловно, гораздо полезнее для существа дела, если охрана животных в крупном исследовательском институте будет находиться в руках сотрудника этой организации, ответственного за заказ и доставку животных для экспериментов (при контроле за его деятельностью со стороны государственных инспекторов), нежели если государственные инспекторы будут осуществлять надзор напрямую. Причина этого отчасти кроется в том, что обеспечить доверие и ответственность, составляющие основу добровольного следования нормам, в полной мере позволяет наличие тесной взаимозависимости. Сотрудник института, занимающийся охраной животных, вполне может установить отношения доверия и взаимных обязательств в легко управляемой группе ученых, с которыми он находится в постоянном контакте. Государственный инспектор просто не в состоянии поддерживать доверительных отношений с этими, а также еще с сорока группами таких же исследователей в других лабораториях, зато он может наладить подобные отношения с сорока сотрудниками, отвечающими за охрану животных в своих институтах. На том же самом принципе должна строиться и эффективная деятельность по проверке соблюдения норм охраны труда: на каждом рабочем месте контроль за выполнением предписаний следует выполнять представителям по охране труда со стороны сотрудников, а также служащим, отвечающим за безопасность труда, со стороны работодателя (Braithwaite *et al.*, 1986).

Если говорить коротко, теория воссоединяющего стыда предполагает возвращение обществу обязанностей по выявлению и пресечению противозаконных действий, равно как и обязанностей решать проблемы преступности посредством осуществления неформального социального контроля и формирования совести граждан. Государству в таком случае все чаще и чаще отводится место проверяющего, чье вмешательство требуется, когда общественные рычаги контроля отказывают. Роль государства состоит также и в том, чтобы в случае наиболее тяжких преступлений осуществлять формальное наказание, что позволяло бы выполнять морально-воспитательную функцию уголовного права и служило бы гарантом легитимности общественного контроля, указывая на то, что пренебрежительное к нему отношение всегда вызывает реакцию государства в виде строгого наказания.

Таким образом, политика, основанная на внушении воссоединяющего стыда, не есть политика, в которой нет места формальному наказанию. Эта политика не предполагает также действия общественных рычагов контроля без государственного вмешательства. Это именно интервенционистская политика борьбы с преступлениями в организациях, где вмешательство в меньшей степени основано на исправлении и коррекции и в большей — на формировании совести и поддержке и усилении механизмов взаимозависимого наблюдения в рамках межличностных отношений, основанных на доверии. Можно утверждать, что с целью

выполнения морально-воспитательной функции уголовного права в случаях традиционных преступлений, таких, как физическое нападение, мы наказываем сверх надобности, строже и чаще, чем этого требует необходимость выполнения морально-воспитательной функции уголовного права. Должностные же преступления, напротив, наказываются так редко, что морального воздействия, осуществляемого посредством уголовного права, нам крайне недостает. Уголовные законы, которые практически не применяются, являют собой непрочный фундамент для построения основанной на внушении чувства стыда стратегии контроля. Как мы отмечали в заключении к главе 6, связанное с формальным наказанием внушение чувства стыда, осуществляемое государством, является важнейшей составляющей политики воссоединяющего стыда. Если говорить о должностных преступлениях, ключевым оказывается, как это ни печально, пренебрежение этой составляющей.

Первым практическим шагом на пути контроля над преступлениями в организациях может стать выбор генеральных директоров, президентов компаний и т.п. в качестве объектов внушения чувства стыда, ибо, как указывает соответствующая литература, именно высшие руководящие лица особым образом участвуют в создании общей атмосферы криминогенной корпоративной субкультуры (Cressey and Moore, 1980; Clinard, 1983; Braithwaite, 1984). Ведь именно лицо президента (исполнительного директора) компании появляется в деловых журналах, когда объявляется о рекордных прибылях. Следовательно, лучшей гарантией эффективности коммунитарных средств контроля над преступностью в организациях является регулярное появление в деловых журналах фотографий высших руководящих лиц компаний, обвиненных в корпоративных преступлениях:

Какой президент не обеспечит полную поддержку специалисту компании по охране окружающей среды в борьбе против не согласных с ним руководителей предприятий, если это поможет ему снизить вероятность появления собственного снимка в *Fortune*? Даже фото в «Газете для владельцев похоронных бюро» может стать крайним унижением, если ваша референтная группа — владельцы похоронных бюро.

(Braithwaite, 1985b: 58)

Будучи гарантом полномочий специалистов по охране окружающей среды и других агентов внутреннего корпоративного контроля, фотографии в «Газете для владельцев похоронных бюро», помимо этого, крайне важны для трансляции чувства стыда, формирующего, если так можно выразиться, «корпоративную совесть». Нам необходимо чаще обращаться к государственному наказанию, основанному на внушении чувства стыда, с тем, чтобы сформировать совесть сотрудников, что, в свою очередь, сделало бы возможным осуществление контроля над преступностью в организациях через взаимозависимое наблюдение в рамках отношений, базирующихся на доверии и обязательствах. Таким образом, основанные на внушении чувства стыда наказания могут располагаться на вершине пирамиды правоприменения, где регулятивная деятельность, состоящая по большей части из осуществляемого под государственным надзором саморегулирования, находится у самого основания (далее об этом см. Braithwaite, 1985a).

ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА И ХОРОШЕЕ ОБЩЕСТВО

В этой главе мы обозначим несколько наиболее важных стратегических выводов, следующих из теории воссоединяющего стыда в случае, если она окажется верной. Как мы видим, теория предлагает ядерный принцип эффективности социального контроля. Будь то социализация в семье, воспитание учеников в школе, работа полиции с подростками или чиновников контрольных ведомств с руководящим административным персоналом, беспристрастный и опирающийся на наказание социальный контроль не есть подходящий способ борьбы с преступностью, равно как и недостаточно определенное порицание, характеризующееся излишней мягкостью и попустительством. Правильная стратегия — это социальный контроль, основанный на отношениях, которые характеризуются твердостью и теплотой, причем необходимую строгость во всех случаях, кроме чрезвычайных, обеспечивает внушение чувства стыда, а не причинение боли.

Безусловно, выводов, следующих из моей теории, много больше, чем приведено в этой главе. Назначение ее отнюдь не в том, чтобы набросать план систематического применения выводов — это скорее следует сделать лишь после эмпирической проверки теории. В то же время я не буду выступать с критикой основных альтернатив «вразумляющей» модели в политике уголовного правосудия: модели «справедливости» и прочих карательных вариантов, модели удержания, представляющей преступника аморальным расчетливым существом, медицинской модели, в соответствии с которой преступник — это не что иное, как патологическая личность, и других реабилитационных моделей. В мои намерения, скорее, входит показать значимость новой теории, которая представляет наиболее важные вопросы уголовной политики в новом свете и предлагает несколько интересных прогнозов относительно того, какая политика контроля над преступностью будет эффективной. Любая теория должна не только объяснять уже известные факты, но и генерировать прогнозы, наибольшую степень полезности из которых имеют прогнозы в отношении направлений политики; теория должна помогать в объяснении того, что нам известно, равно как и в понимании того, что неизвестно.

И СНОВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Некоторые социологи склонны не замечать потенциал теорий, подобных той, что изложена в данной книге, в смысле стратегических выводов. Уровень коммунитарности и природа внушения чувства стыда в обществе, утверждают они, формируются под влиянием мощных социальных сил, над которыми люди, разрабатывающие ту или иную стратегию, практически не властны. Урбанизация и увеличивающаяся географическая мобильность — две переменные, фактически способные свести коммунитарность на нет, превратив разговоры о ней в некую романтическую мечту об ушедшем веке. Два этих структурных ограничения имеются в виду в нашей теории, хотя, безусловно, существует и ряд других. В частности, культурная разнородность, в которой многие могут увидеть основной ограничивающий фактор (я же, напротив, обесценил ее значимость, см. главу 6). Еще один фактор, в сущности, имеющий право на

включение в мою теорию, — секуляризация общества и упадок религии в качестве действующей силы социального контроля (ср.: Hammond, 1985).

В главе 8 были предложены некоторые исторические объяснения той большой роли, которую играло внушение чувства воссоединяющего стыда в викторианскую эпоху, однако я отнюдь не претендую на изложение общей теории расцвета и упадка коммунитаризма в истории человечества. Поскольку на протяжении вот уже столетия попытки бесчисленного количества социологов создать убедительную общую теорию такого рода не увенчались успехом, я не стану добавлять свое имя к списку неудачников.

При всем при этом социологам не следует принимать чрезмерно детерминистскую концепцию человеческой истории, в которой, как подчеркивалось в главе 1, человеческому фактору отводится незначительное место. Эту точку зрения я отношу к структурным ограничениям, включенным в теорию: действительно, городская жизнь усложняет достижение коммунитарности в обществе, тем не менее японцам удалось достичь ее в наиболее урбанистических контекстах (особенно примечателен в этом смысле Токио); да и викторианская эпоха, когда некоторые страны добились значительного снижения уровня преступности, на самом деле была временем интенсивной урбанизации.

Сто лет назад деревенский парень, знавший всех и каждого в своей сельской общине и находившийся под сильным влиянием местного церковного прихода, имел несколько столь мощных отношений взаимозависимости, какими очень немногие молодые люди его возраста обладают сегодня. Однако сегодня взамен утраченной сельской общины человек обретает общину, правда, уже в несколько ином виде: современный горожанин связан более тесными, нежели были у того деревенского парня, взаимозависимыми отношениями с коллегами и начальством на работе. На смену церкви пришло разнообразие групп, связанных с проведением досуга и интересами (футбольный клуб, гольф-клуб, объединение кормящих матерей и т.д.). Сколь бы уникальны ни были эти интересы, современному мобильному человеку много легче, чем человеку прошлого, общаться с теми, кто разделяет его взгляды.

Если мы правы в том, что все основные группы общества разделяют приверженность важнейшим ценностям уголовного права, тогда мы вполне можем ожидать, что, хотя группы людей, объединенных особыми интересами, и не будут, подобно церкви, склонны к морализаторству в отношении вопросов непреступного свойства, они, однако, будут иметь общую с церковью склонность внушать членам своего сообщества чувство стыда за совершение преступлений. Это, безусловно, слишком громко сказано, поскольку церковь более приспособлена к реализации социального контроля поучающего, вразумляющего характера, чем другие общественные объединения. Институционально церковь скорее способна к внушению чувства воссоединяющего стыда преступившему закон члену своей паствы, чем ассоциация овцеводов (исключая стыд за нарушения закона, связанные с ведением бизнеса). Указанное в скобках, однако, представляет собой важную оговорку: корпоративизация сфер деятельности и отраслей промышленности путем образования ассоциаций производителей стала важной тенденцией, открывшей новые возможности для неформального социального контроля. Чтобы жалоба на неподобающие действия вашего биржевого

маклера или дантиста возымела действие, которое напрямую коснулось бы нарушителя, с ней скорее нужно обращаться на биржу или в ассоциацию зубных врачей, нежели к государству.

В середине 80-х годов продолжавшийся в течение столетия процесс централизации государственного регулирования бизнеса (Macdonagh, 1961) был обращен вспять, все бóльшую значимость стали обретать попытки государства взрастить в промышленных и профессиональных объединениях и крупных корпорациях саморегулирование (см., например, Grabosky and Braithwaite, 1986). В связи с этим можно назвать еще одну форму передачи социального контроля от государства к группам и структурам среднего уровня. В ее рамках проходила, например, ускоренная приватизация деятельности полиции (Shearing and Stenning, 1982, 1987). Действуя параллельно с государственной полицией, общественная («местная») полиция и программы соседского контроля^х стали, пусть и незначительно, способствовать снижению доминирующей роли государства в этой сфере. Это происходит посредством наделения местных избирателей бóльшим влиянием, а также путем мобилизации сообществ для самостоятельного поддержания внутреннего порядка.

Ниже мы будем говорить о либерально-корпоративистских тенденциях в идеологии социально-демократических партий, а также о склонности многих крупных корпораций передавать обязательства по созданию внутренней коммунитарной корпоративной культуры дочерним предприятиям, подразделениям и рабочим группам.

Все это указывает одновременно на отсутствие как исторического движения прочь от коммунитарности, так и на фатально противоположную тенденцию. Тенденции действительно разнородны. Тривиальная истина заключается в том, что люди получают удовольствие от общения друг с другом, а также извлекают практическую выгоду из отношений обмена. А поскольку люди стремятся получить удовольствие, даже в относительно индивидуалистических культурах при разрыве (в случае структурных изменений) одних отношений взаимозависимости они предпочтут искать другие, нежели станут отшельниками. Причины делового свойства могут заставить руководителей фирмы, заметивших, что их сотрудники чувствуют отчуждение в аномичной корпоративной культуре, способствовать становлению культуры более коммунитарной.

Иначе говоря, существуют объемлющие нашу деятельность структурные реалии, сдерживающие совершение стратегического выбора в пользу рекомендаций, предлагаемых данной теорией. Но действие этих структурных реалий зачастую разнонаправлено. Кроме того, ни одно из социальных структурных ограничений не является настолько мощным, чтобы не поддаться воздействию человеческого фактора, согласованно мобилизующего коллективное действие. Не могу предложить ни одной причины, по которой кто-то, считающий иначе, до сих пор утруждал бы себя чтением этой книги. Это, конечно, не означает, что изменение курса политики есть лишь вопрос простого механического изменения в устройстве общества или что такое изменение возможно без политической борьбы с оппонентами.

ДИЛЕММА СТЭНЛИ КОЭНА

Проведенное мною различие между клеймением и внушением чувства воссоединяющего стыда сходно с тем, которое делает Стэнли Коэн между инкорпорирующей («включающей») и изолирующей («исключающей») формами социального контроля (Cohen, 1985). Коэна привлекает «включение» (ассимиляция, объединение, нормализация), но его решительно не устраивают недостатки, которые вскрываются, когда *теория включения* начинает применяться на практике. *Теория воссоединяющего стыда* уточняет суть идеи инкорпорирования, закладывая тем самым основы для анализа стратегий, что может стать началом разрешения проблемы, столь выразительно поставленной перед нами Коэном.

Во-первых, Коэн указывает на то, что инкорпорирующий контроль не может выполнять ни «психологических функций поиска козла отпущения (искупления, напоминания праведным об их непорочности)», ни Дюргеймовых общественных функций:

Не предлагая альтернативную концепцию стигмы, стремясь ликвидировать или преуменьшить значение всех подряд элементов церемониального снижения статуса, настаивая с трогательной верой сторонников теории ярлыков, что преступники, в конце концов, не слишком отличаются от непроступников, инкорпорирующие средства контроля не в состоянии способствовать социальной интеграции. Изолирующий контроль в символическом плане много богаче.

(Cohen, 1985 :233)

На самом деле, внушение чувства воссоединяющего стыда имеет перед клеймением преимущество символического свойства, ибо церемонии раскаяния обладают даже бóльшим интегрирующим потенциалом, нежели церемонии снижения статуса. Социальной политике воссоединяющего стыда не свойственно недооценивать ритуалы обвинения, как это делается в рамках практики инкорпорирования, вдохновленной теорией приклеивания ярлыков; она стремится стимулировать как ритуалы обвинения, так и ритуалы раскаяния и прощения.

Коэн прав, указывая на то, что отсутствие символического наполнения в работах 60-х годов, посвященных теме «включения», оставило пространство свободным для консервативной политики закона и порядка. Пространство оказалось свободным еще и в связи с отсутствием в этих работах инструментального наполнения; рекомендовать лишь терпимость и принятие девиантов в общество — значит потерпеть неудачу в попытках предложить какое-либо решение проблемы уличной преступности.

Оно [«включение»] не выдерживает сопоставления с нравственными категориями вины, злодеяния, наказания и ответственности, а также эмпирическими проблемами вреда, опасности и страха, неизбежно сопутствующими проблеме преступности.

(Cohen, 1985: 268)

Решение, как я утверждаю, заключается в том, чтобы прежде всего поучать и вразумлять оступившегося во всем, что касается вины, злодеяний и ответственности, используя при этом принципы теории воссоединяющего стыда, позволяющей ставить причинившего вред лицом к лицу с негодующим обществом и, в конце концов, дающей ему шанс на примирение. Вразумление должно проходить таким образом, чтобы обвиняемый попадал в положение, где он должен либо доказать обществу свою невиновность, либо убедить всех в том, что его девиантность есть лишь не приносящее особого вреда

проявление его отличия от других, к которому следует относиться терпимо, либо выражать раскаяние и пытаться возместить причиненный вред. Внушение чувства стыда по воссоединяющей модели противостоит невмешательству, которое не признает ответственности общества за более слабых своих граждан (как оправдание подобного невмешательства иногда использовалась идея декарцерации). Оно также противостоит «терапевтическому профессионализму», использующему лозунги инкорпорирования с целью оправдать расширение аппарата принудительного государственного контроля над лицами с отклоняющимся поведением. Общественное вразумление — это антитеза как профессиональной технократии, так и общественному невмешательству. И в символическом, и в инструментальном плане оно являет собой альтернативу консервативной политике правопорядка. В Японии мы находим безопасные улицы, пустые тюрьмы и, главное, общественные ценности, не ориентированные на наказание (Hamilton and Sanders, 1985). Все это наглядно показывает, что политика вразумления и ощутимо выраженное негодование вовсе не обязательно должны выродиться в «моральную панику» по поводу «сказочных дьяволов» (Cohen, 1973)²⁰.

СТЫД И НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Во время Второй мировой войны, после сдачи Сингапура, мой отец провел три года в японском лагере для военнопленных в Сандакане, на Борнео. Место было ужасное: из двух с половиной тысяч пленных до конца войны дожили только шестеро, в числе их был и мой отец. Австралийские и британские военнопленные строили для японцев взлетно-посадочную полосу и за свой труд получали японские оккупационные деньги: на недельную зарплату можно было купить одно яйцо. Безопасного места для хранения этих денег не было, и каждый военнопленный просто держал свою небольшую стопку банкнот на выступе за кровать. Правила соблюдались, пока однажды не пропала некоторая сумма денег. Серьезные улики указывали на одного молодого человека. Было инсценировано импровизированное судебное разбирательство. Парень бился, как рассказывал мой отец, в душераздирающих рыданиях и убеждал своих товарищей в собственной невиновности. Он был признан виновным и приговорен к общему бойкоту. Тот факт, что друзья перестали с ним общаться, эмоционально уничтожил юношу: его здоровье, и так подорванное, быстро ухудшалось.

Приблизительно через месяц после начала этой моральной пытки, сочетавшейся с физическими истязаниями охранников, в балках хижины было найдено крысиное гнездо, построенное из обрывков пропавших денег. Несколько месяцев спустя молодой человек умер. Когда мой отец вернулся в Австралию, с ним связались родственники этого юноши, которые хотели знать, как провел свои последние месяцы их сын и брат. Мой отец не мог рассказать им ужасную правду.

В этой книге я говорил о силе процесса внушения чувства стыда, который может принести пользу в предотвращении преступности. Трагедия страданий этого молодого австралийского солдата подтверждает сказанное, но одновременно указывает на необходимость взвесить все «за» и «против», прежде чем делать

²⁰ Книга Стэнли Коэна называется «Сказочные дьяволы и моральная паника» (S. Cohen Folk Devils and Moral Panics. St Albans: Paladin, 1973).

стратегические выводы. Увеличивая способность общества внушать чувство стыда, мы одновременно увеличим возможность использования силы этого процесса как во благо, так и во вред. Внушение чувства стыда может быть направлено на уравнивание, устранение разнообразия индивидов, которое лежит в основе интеллектуального, политического и художественного прогресса, или просто для подавления индивидуальных различий, не приносящих вреда другим. Внушение чувства стыда может стать главным оружием тирании большинства. Диктатура большинства оправдана в том случае, если используется для того, чтобы гарантировать свободу каждого, защищая индивида от того, чего не желает никто, — оказаться жертвой преступления. Однако когда при помощи внушения чувства стыда подавляется меньшинство, полагающее нормы неправильными, причем нормы, не связанные с гарантией свободы каждого, большинство становится по-настоящему деспотичным.

Как показывает история этого австралийского военнопленного, более важно то, что неформальные средства контроля именно по причине своей неформальности с большей вероятностью могут повлечь осуждение невинного (в особенности это печально, когда речь идет о тех, кто признает справедливость норм, в соответствии с которыми их притесняют). Если это означает наказывать больше невинных людей, желаем ли мы действительно поддерживать политику, которая подразумевает некоторое смещение социального контроля в сторону от формальности, гарантирующей справедливость процесса, к неформальности?

Сколько бы я ни восхищался достижениями Японии в области контроля над преступностью, вряд ли я захотел бы жить там, поскольку, полагаю, неформальное давление, требующее конформности, было бы для меня слишком тягостным. Многие ученые замечали, что японская культура, делая особый акцент на обязанностях граждан (включая обязанность соблюдать закон), одновременно снимает такой акцент с их прав (включая право в рамках закона быть отличным от других; например, Clifford, 1976; Wilson and Herrnstein, 1985: 526-7).

В большей части этих работ неявно подразумевается необходимость совершения политического выбора между правами и обязанностями. Можно выбрать Токио с его акцентированием обязанностей и пренебрежением к правам (и, как следствие, низким уровнем преступности и уравниванием разноликости) или Нью-Йорк, где культивируются права и игнорируются обязанности (а также буйствует преступность и не прекращается артистическое и интеллектуальное брожение). Эта формулировка, однако, не предлагает объяснения якобы обязательного наличия негативной корреляции между акцентом на правах граждан и акцентом на их обязанностях. Отнюдь не очевидно, что не существуют или не могут существовать общества, в культуре которых существенное внимание уделяется и тому и другому. Собственно, нет причин, по которым политика, направленная на укрепление обязанностей, непременно должна ослаблять права, и наоборот.

Концептуальное представление о некоего рода замкнутых отношениях между правами и обязанностями (сколько убудет от одного, столько прибудет другому, и наоборот) является частью более широкой традиции в криминологии. В соответствии с ней высокий уровень преступности — это цена, которую мы платим за свободное общество. Считается, что тоталитарные режимы лучше других способны подавлять

преступность. Когда-то для Вэлери Брейтуэйт и меня это казалось столь очевидным, что мы использовали показатели индекса политической свободы, созданного *Freedom House*²¹, в качестве контрольной переменной в регрессивном анализе для выведения прогноза о соотношении неравенства доходов и высокого уровня убийств в различных государствах (Braithwaite and Braithwaite, 1980). Вопреки нашим ожиданиям положительной корреляции между уровнем свободы и убийств коэффициент корреляции оказался $-0,7$. Наблюдалась также устойчивая тенденция к наличию низкого уровня убийств в странах с высокими показателями на 100-балльной шкале индекса политической свободы. Эмпирически бессмысленным было бы предполагать, что нам нужно выбирать между свободным обществом и обществом с низкой преступностью. Но должно ли это удивлять нас? Если бы успешное осуществление наказания действительно было способом снизить преступность, тогда мы могли бы ожидать, что в тоталитарных государствах совершалось бы меньше преступлений, поскольку они в состоянии более энергично следовать карательной политике. Однако нам известно, что увеличение наказаний не есть путь к контролю над преступностью.

Государственная политика, по сути, должна стремиться к тому, чтобы развивать такое общество, где при максимальной свободе и защите прав граждане в то же время максимально ориентированы на выполнение своих социальных обязательств, в особенности обязанности соблюдать закон. Это — сложные, однако не взаимоисключающие задачи.

Существуют некоторые очевидные шаги, которые общество может предпринять для того, чтобы одновременно стимулировать и обязанности по соблюдению закона, и права быть отличным от других в рамках того, что законом не запрещено. Один из таких шагов — использование механизмов социального контроля, гарантирующих соблюдение обязанностей, причем именно для того, чтобы гарантировать соблюдение прав. Примером может служить «Билль о правах»: закон гарантирует свободу, так же как в других ситуациях он гарантирует защиту от нарушения закона. Телевизионная программа, в которой выставляется на посмешище человек, преследующий молодых людей за привычку одеваться не так, как все, являет собой пример внушения чувства стыда, нацеленного на поддержание разнообразия вне рамок того, что запрещено законом. Подобным же образом передача «Полицейские и воры» есть пример внушения чувства стыда, формирующего законопослушание. Нет никакого внутреннего противоречия в том, что люди выбирают культуру, в которой общественному порицанию подлежит противоправное поведение и одновременно неустанно защищаются разнообразие и человеческая индивидуальность. В конце концов, именно на такую школьную культуру склонны ориентироваться либералы, выбирая учебное заведение для своих детей; акцент на права и акцент на обязанности, оказывается, не столь уж несовместимы, как представляется на первый взгляд.

²¹ Freedom House («Дом Свободы») — неправительственная организация, ставящая своей целью содействие распространению политических и экономических свобод во всем мире. Эксперты Freedom House начиная с 1955 года проводят исследования и публикуют свои выводы в ежегодных докладах. Исходя из уровня политических прав и гражданских свобод каждой из исследуемых стран присваиваются баллы по специальной шкале. В соответствии с получаемыми баллами страны относят к «свободным», «частично свободным» и «несвободным».

Однако сложнее всего решить проблему, с которой мы начали, поведав историю о молодом австралийском военнопленном: предполагается, что процессу неформального контроля в сравнении с формальным в большей степени свойственно неверное установление фактов. Мы не станем здесь спорить, говоря, например, о том, что такое предположение, возможно, ошибочно, что процедурная «небрежность» неформального социального контроля сполна компенсируется преимуществами более тесного знакомства с обвиняемым, потерпевшим и обстоятельствами дела. На самом деле, упомянутый молодой человек стал жертвой клеймения, а не внушения чувства воссоединяющего стыда. Я утверждаю, что лучшей защитой от случаев несправедливости (что, впрочем, неизбежно) является такое внушение чувства стыда, которое проходит по воссоединяющей, а не по отчуждающей модели.

В семейной жизни часто случаются ошибки, и дети получают наказание безвинно. Но поскольку родительское наказание налагается в рамках постоянной взаимоотношаемой любви, совершенная несправедливость нередко становится очевидной. Отец обвиняет сына в том, что тот изуродовал стену на кухне, разрисовав ее цветными мелками. Ребенок отрицает свою вину, однако отец, не веря его оправданиям, наказывает сына, отправляя того в детскую комнату. Несколько дней спустя, когда отношения снова налажены, мальчик говорит: «Знаешь, папа, ведь это, правда, не я изрисовал стену». Отец достаточно хорошо знает своего сына, чтобы понять, что после того, как конфликт исчерпан и наказание получено, тот не стал бы упорствовать в своей лжи. В конце концов, может, это сделала его сестра. Отец говорит, что если был не прав, то извиняется, и предлагает ребенку своего рода компенсацию, особое развлечение. Безусловно, родители, которые наказанием отторгают своих детей и постоянно рвут нити общения с ними, лишают себя возможности исправить допущенную в прошлом несправедливость.

Необходимо отметить еще один момент: несмотря на то, что формальное правосудие, возможно, способно к более точному установлению фактов, чем правосудие неформальное, оно также допускает ошибки. Когда в конце концов устанавливается, что пострадал невинный человек, в плане компенсации незаслуженно обвиненному системы официального правосудия действуют просто ужасающе. Обвиняемый, потративший все свои сбережения на судебные издержки, потерявший работу, семью и проведший месяцы в камере предварительного заключения, просто выталкивается обратно в общество, и ему остается лишь собирать осколки того, что осталось от его жизни. В формальном правосудии суть процесса есть наказание (Feeley, 1979), и те, кого несправедливо заставляют пройти через этот процесс, так никогда и не получают должного возмещения.

Не забывая о недостатках неформального правосудия, следует, однако, принимать во внимание то, что сумел увидеть Кристи в отношении решающего преимущества неформального социального контроля, отмечаемого в коммунитарных контекстах (см. главу 6). Когда люди имеют более комплексный опыт взаимодействия друг с другом и видят друг в друге целостную личность, меньше вероятность того, что их ответом на антиобщественное поведение будет поставленное на человека клеймо преступника, а автоматической реакцией — стремление наказать: преступление, скорее, может стать «отправной точкой для настоящего диалога, а не для «топорного» ответа в виде причинения боли с лихвой» (Christie, 1981: 11).

Иными словами, хотя процедуры формального правосудия способны привести к более точному установлению фактов, тем не менее, когда осуждается невиновный, вреда от них может быть много больше, чем от неформального коммунитарного реагирования, что связано с их чуть ли не автоматическим обращением к наказанию и стигме. Можно было бы предполагать, что государство обладает более мощными ресурсами, для того чтобы компенсировать ложно обвиненным моральные и материальные издержки, нежели слабо структурированные сообщества, внушающие чувство стыда. Однако на практике оно крайне редко оказывается способно на возмещение тем, кто несправедливо пострадал от системы уголовного правосудия. С другой стороны, обычным людям, незаслуженно обвинившим сына, сотрудника или соседа, часто хватает ума и готовности пойти на своего рода мировую, предложив, например, компенсацию, символическую или материальную (ребенка ведут в кино, соседу, который, как оказалось, не брал чужую газонокосилку, стригут лужайку, напрасно обвиненный сотрудник получает досрочное повышение). В случае с австралийским военнопленным те, кто острее других переживал свою вину перед ним, предложили за свою ошибку самую большую компенсацию, которая только могла существовать для голодающих людей: часть своего продовольственного пайка.

Остается, однако, один важный момент. Внушение чувства стыда — это, если так можно выразиться, «поспешное» правосудие, связанное с высоким риском обидеть невиновного, и самой важной гарантией от возможной ошибки здесь служит воссоединяющий характер внушаемого стыда. Он позволяет оставить каналы общения открытыми, что дает возможность узнать о совершенной несправедливости; социальные связи остаются неповрежденными, облегчая тем самым принесение извинений и возмещения за ошибку. Таким образом, внушение чувства воссоединяющего стыда не только более эффективно, чем клеймение, но и более справедливо.

РАСКАЯНИЕ

Мы только что увидели, что внушение чувства стыда может быть более справедливым, если происходит при сохранении уз уважения, поскольку всегда возможна смена ролей: несправедливо обвинявший теперь уже будет выступать в роли раскаивающегося. Безусловно, в случае справедливости обвинения теория отводит важное место для раскаяния в качестве поворотного пункта: человек, испытывающий чувство стыда, стремится к воссоединению.

Желание положить конец переживанию чувства стыда и путем раскаяния вновь стать частью единого со всеми целого бывает настолько сильным, что люди сознаются даже в тех преступлениях, которые они не совершали:

Наказание как следствие противоправного действия или даже незаслуженное наказание за несовершенно поступок может стать убежищем от стыда. В ситуации, когда человека переполняет стыд, он может признаться в том, чего не делал, навлекая на себя наказание с целью восстановить — пусть и посредством осуждения — общение с другими членами сообщества.

(Lynd, 1958: 66)

Это приводит к еще одному более тонкому, но и более важному выводу, следующему из моей

теории. Культуры, поощряющие принятие роли раскаивающегося, смогут преуспеть во внушении такого чувства стыда, который будет носить воссоединяющий характер. Подобные ролевые модели действительно существуют в христианских культурах Запада, хотя блудного сына едва ли можно считать главным народным героем. Таинства крещения, исповеди как обряды перерождения грешника и его очищения от прошлых грехов, а также другие культурные механизмы, делающие возможным «повседневное» раскаяние, сегодня потеряли свою значимость или вовсе исчезли.

Для практиков эта рекомендация покажется слишком туманной и неконкретной: отдавать предпочтение культуре, которая содействует внушению чувства стыда, обеспечивает его воссоединяющий характер, носясь с раскаянием как с писаной торбой?! Однако из такой рекомендации следует и несколько более конкретных выводов. Принятию роли раскаивающегося могут способствовать реабилитационные программы. Трайс и Роуман видят в этом объяснение успеха движения «Анонимные алкоголики»:

Теория ярлыков предполагает относительное постоянство девиантных карьер. Сколько-нибудь систематические попытки проанализировать процесс снятия ярлыка и смены обозначения практически не предпринимались. «Анонимные алкоголики», похоже, представляют собой уникальную организацию, которой успешно удастся осуществлять такое снятие клейма и смену ярлыков. Ее успех объясняется в значительной степени использованием имеющейся в американском обществе роли раскаивающегося, делающей возможным для «раскаивающихся» алкоголиков «возвращение», основанное на их несомненно глубокой приверженности ценностям среднего класса в сочетании с отказом от «преисподней удовольствий», в которую они «катились», будучи алкоголиками.

(Trice and Roman, 1970: 538)

На встречах общества «Анонимные алкоголики» роль раскаивающегося находит свое выражение в полных покаяния и угрызений совести публичных выступлениях, равносильных церемониям аннулирования девиантного обозначения, сигнализирующим о восходящем движении от положения, которое воспринимается самими рассказчиками как положение «бомжа» или «почти бомжа»:

Рассказы «анонимных алкоголиков» о том, как они «опустились на дно», как падали все ниже и ниже, постепенно утрачивая свой статус, служат для того, чтобы подтвердить их нисходящее движение. Наблюдения и другие данные показывают, что многие из этих историй являются в той или иной степени преувеличением и что значительная часть «анонимных алкоголиков» сохраняли, по крайней мере, относительно стабильные статусные позиции в период своей пагубной склонности. Однако благодаря акценту на происшедшем из-за принятия спиртного движении вниз «дистанция», пройденная «анонимным алкоголиком» вверх по социальной лестнице, в их рассказах разрастается до максимальных размеров. Это, безусловно, задает основу для того, чтобы «успехи на пути возвращения к жизни» были впечатляющими.

(Trice and Roman, 1970: 543)

К сожалению, то, как мы на Западе реагируем на девиантное поведение, и в особенности на преступность, открывает дорогу как формальным, так и неформальным церемониям снижения статуса и утверждения девиантного обозначения, фактически не оставляя в культуре места для церемоний снятия этого обозначения. Нам нужна такая культура (или реабилитационная субкультура, как в обществе «Анонимные алкоголики»), где тех, кто достиг выдающихся успехов на пути реабилитации, считают образцами для подражания: будь то поп-идол, покончивший с героином, или знаменитый футболист, который раскаялся в приступах беспричинного насилия. В такой культуре, где церемонии аннулирования девиантного

обозначения поняты всем и легко доступны (Meisenhelder, 1982), группы среднего уровня будут обладать бóльшим мастерством в искусстве внушать чувство воссоединяющего стыда.

Этот подход применим также и к внушению чувства стыда за преступления, совершаемые в корпорациях. В исследовании «Влияние паблисити на корпоративных преступников» (1983) Фисс и я показали, что ни одна из компаний, поднявших (вследствие скандала) уровень корпоративной морали и усовершенствовав правила производства, не получила в ответ на проведенные изменения хоть в скольконибудь значительной степени благоприятного паблисити. При этом нами были обнаружены примеры таких корпоративных реформ, реализация которых приводила к тому, что данные компании становились лидерами в своем секторе промышленности по определенным показателям политики в области соблюдения норм. Для средств массовой информации, отражающих приоритеты культуры, которая бурно реагирует на скандал, но остается равнодушной к позитивным изменениям, хорошие новости отнюдь не представляют интереса. Подобным же образом и контрольные органы не проявили интереса к проводимым в корпорациях реформам и не предали гласности соответствующие факты, тогда как ранее они с удовольствием информировали общественность об их негативной практике. Таким образом, в данном случае стратегический вывод из теории заключается в следующем: контрольные органы могли бы лучше предупреждать преступность, если бы устраивали больше пресс-конференций, на которых выносили бы общественное порицание корпоративным преступникам, и больше пресс-конференций, где деятельность компаний, отреагировавших на критику проведением значительных превентивных реформ, приводилась бы в качестве образца для подражания.

Как следствие, в западной культуре чрезвычайно редко можно стать свидетелем публичного раскаяния руководителя корпорации; принятие им такой роли не несет ему никаких выгод и связано лишь с потерями. Наиболее яркий контраст в этом смысле представляет Япония, где общественность через СМИ регулярно получает сообщения о руководителях, которые публично просят прощения за совершенные проступки и обязуются реабилитировать в глазах общества честное имя своей корпорации.

Президент «Японских авиалиний» предстал перед родственниками жертв самого страшного в истории крушения самолета и склонился перед ними в низком и долгом поклоне.

Он повернулся к стене, покрытой деревянными табличками с именами погибших, и снова поклонился. Затем прерывающимся голосом Ясумото Такаги попросил прощения и принял на себя всю ответственность за случившееся.

Церемония, состоявшаяся в четверг, завершила последнюю поминальную службу, организованную «Японскими авиалиниями» в память о 520 погибших в происшедшем двадцатого августа крушении самолета авиакомпании.

Во вторник на службе в Осаке присутствовали 3271 человек. В четверг около 1400 человек, в числе которых были 700 родственников погибших и 693 сотрудника авиакомпании и других приглашенных, заполнили Хибия Холл...

Для господина Такаги и его сотрудников эта служба ознаменовала кульминацию продолжавшейся в течение двух месяцев демонстрации ответственности. Начиная с ночи на двенадцатое августа весь персонал компании, от президента до самого низшего

служащего, был мобилизован с тем, чтобы выражать искренние извинения и сожаления по поводу случившегося, которые требуются в такие моменты от японцев...

Компания «Японские авиалинии» учредила фонд, из которого будет оплачиваться обучение детей, чьи родители погибли в катастрофе. Было потрачено 1,5 миллиона долларов США на две большие поминальные службы. На похороны каждой жертвы компания направляла должностных лиц, хотя некоторые из них приняты не были. Жестом ответственности стало также и обещание господина Такаги в ближайшем времени уйти в отставку.

Напряжение от общения со скорбящими родственниками сказалось на самочувствии некоторых сотрудников авиакомпании. В течение двух месяцев после катастрофы умерли двое из них. Двадцатого сентября покончил с собой пятидесятидевятилетний Хироо Томинага, инженер технического обслуживания. Пятидесятичетырехлетний Мийоко Инуэ, работавший с семьями погибших, скончался от инсульта одиннадцатого октября.

(International Herald Tribune, 26 Oct. 1985, p.3)

Ошибкой было бы полагать, что японские культурные традиции раскаяния можно с легкостью перенести на Запад, однако столь же неверно забывать о том, что раскаяние имеет место и в нашей культуре, однако наша система уголовной юстиции — один из тех институтов, которые систематически разрушают эти традиции. Обратимся к примерам, первый из которых приводится у Хэйли (Haley, 1982: 272), а второй — у Вагатсумы и Росетта (Wagatsuma and Rosett, 1986: 486). Двое американских военнослужащих обвинялись в изнасиловании японской женщины. По совету японского адвоката была устроена специальная процедура примирения с пострадавшей. Суду было представлено ее письмо, в котором говорилось, что она получила полное возмещение и всецело простила американцев. Заслушав это свидетельство, судья обратился к солдатам и спросил, не хотят ли они что-нибудь сказать. «Мы не виновны, ваша честь», — был их ответ. Их адвокат-японец был потрясен: ему и в голову не приходило, что военнослужащие могут не принять роль раскаивающихся. Их приговорили к максимальному сроку тюремного заключения.

Второй пример — история о японке, прибывшей в США с большой суммой американской валюты, о которой она не заявила должным образом в таможенной декларации. Как правило, по таким случаям уголовное преследование не начинается. Законодательство направлено на то, чтобы пресечь ввоз денежных средств, нажитых в результате незаконной деятельности, а на это ничто не указывало. К тому же, скорее всего, женщина просто не все поняла в форме, требовавшей от нее декларирования валюты. Покинув аэропорт, она написала в Таможенную службу письмо, в котором говорилось о нарушении закона с ее стороны. Женщина не выдвигала никаких оправданий своим действиям, неоднократно извинялась и просила прощения. По случаю, который обычно не повлек бы за собой преследования, преследование все же было начато, поскольку она созналась и принесла извинения; Департамент юстиции США в свете прямого признания вины посчитал себя обязанным начать судебное разбирательство.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЕРПИМОСТЬ И ПОНИМАНИЕ

Как уже говорилось в главе 1, для *теории ярлыков* характерна более внимательное и **социально** причастное отношение к преступнику, а также призыв к терпимости и пониманию. Терпимость и понимание

представляются безусловными ценностями. Среди современных либеральных родителей весьма популярен следующий логотип действий: если оказывается, что твои дети курят марихуану, не следует «слишком обострять отношения» или «взрываться от гнева». Скорее, нужно сесть и с пониманием, сочувственно, просто обсудить с ребенком все «за» и «против» употребления наркотиков. Вместе с тем можно сказать, что те самые делинквентные поступки, по отношению к которым современные «прогрессивные» родители демонстрируют наибольшую терпимость (злоупотребление алкоголем, марихуаной и табаком), и являются наиболее распространенными формами делинквентности в современных обществах. Причина этого отчасти кроется в том, что большинство родителей в свое время употребляли или употребляют какого-либо рода наркотические вещества; данные свидетельствуют, что у подобных родителей, скорее всего, и дети будут такими же (Pekkanen, 1973: 97-8; Akers *et al.*, 1979; Fawzy *et al.*, 1983; McDermott, 1984).

Употребление алкоголя, курение табака и марихуаны в западных обществах не подлежит контролю, поскольку фактически или вовсе не связывается с чем-то постыдным. Также и вождение автомобиля в нетрезвом состоянии находится вне рамок контроля и не влечет за собой общественного порицания, вызывающего стыд, сопоставимый с тем вредом, который причиняет, поскольку большинство из тех взрослых людей, кто совершает это нарушение, вряд ли могут назвать свое поведение постыдным.

Скорее всего, «либеральная мудрость» является заблуждением, и терпимое отношение к употреблению наркотиков есть лишь способ усугубить проблему. Эйкерсу и его соавторам (Akers *et al.*, 1979) удалось объяснить 68% вариаций употребления марихуаны и 55% различных типов употребления алкоголя среди подростков при помощи разнообразных переменных *теории социального обучения*. Среди них — одобрительное или неодобрительное, с точки зрения подростка, отношение к употреблению марихуаны и алкоголя со стороны взрослых или других подростков, чье мнение для него имеет значение; общее число «вызывающих восхищение» примеров (родители, друзья, другие взрослые и т.д., употребляющие наркотические или токсические вещества) и так далее (см. также Akers and Cochrane, 1985). Коротко говоря, данные подтверждают ту точку зрения, что нетерпимость — более верный способ реагирования на токсикоманию, чем терпимость. *Теория воссоединяющего стыда* предполагает, что вместо того, чтобы быть терпимыми и понимающими, мы должны быть нетерпимыми и понимающими. То есть нам следует внушать чувство стыда за то, за что сейчас мы его не внушаем, сохраняя при этом узы общения, привязанности и уважения. Итак, разочарование и диалог, а не стигма.

Если говорить о семье, то из теории следует, что родителям следует стремиться воспитать чувство привязанности у своих детей, установив поистине теплые и дружеские отношения, но только этого недостаточно. Любящие, но терпимые к делинквентному поведению семьи являются столь же благодатной почвой для будущих делинквентов, как и эмоционально холодные семьи, устанавливающие многочисленные запреты (см., например, McCord *et al.*, 1959). Маккоби (Maccoby, 1980: 394) подытожил существующие свидетельства:

Все эти данные объединены общей темой: родительская теплота рождает привязанность детей к родителям, дети оказываются в большей мере восприимчивыми к влиянию родителей и в большей мере готовыми принимать их руководящую роль. При наличии

между родителем и ребенком тесных взаимоотношений родитель имеет возможность осуществлять требуемый контроль, не прибегая при этом к жесткому дисциплинарному давлению. Получается, что родительская чуткость, любовь и очевидное стремление действовать на благо собственных детей дают основание выдвигать требования и осуществлять контроль.

Чувство стыда, скорее всего, возникнет, когда его внушает близкий человек, потерять уважение и симпатию которого было бы весьма мучительно. То есть чем более любящей является семья, тем больше возможностей для того, чтобы родительское порицание, внушение чувства стыда полностью возобладали над иными формами дисциплинарных взысканий, носящими более ярко выраженный карательный характер. Литература по психологии фактически не оставляет сомнений в действенности словесных упреков, в особенности, когда они сочетаются с невербальным неодобрением (например, с укоризненным взглядом) (Van Houten and Doleys, 1983: 4). Как только ребенок достигает возраста, когда на него начинает действовать увещание, возможность осуществления социального контроля, исключая необходимость прибегать к более строгим санкциям, нежели словесный упрек, становится в любящих семьях вполне реальной. Имеются даже данные, подтверждающие, что любовь родителей не только усиливает восприимчивость к внушаемому ими чувству стыда, но и снижает подверженность влиянию сверстников-делинквентов (Johnson, 1979: 101).

Внушение чувства стыда, возможно, связано с меньшим риском нарушить отношения в семье, нежели физическое наказание, тем не менее любые негативные санкции увеличивают вероятность того, что нарушитель будет стремиться избегать социальных ситуаций, в которых данные санкции налагаются. Таким образом, чтобы чрезмерное использование родительского порицания не разрывало социальных связей, важно обеспечить наглядность и позитивное подкрепление форм поведения, альтернативных тем, за которые внушается чувство стыда. Эксперименты показывают, что появление альтернативной, не подлежащей наказанию формы поведения увеличивает эффективность наказания:

Таким образом, подкрепление альтернативного поведения приводит к двум желательным результатам: во-первых, оно позволяет сделать наказание более эффективным, во-вторых, снижает вероятность того, что индивид, получающий наказание, будет избегать ситуации, в которой наказание налагается.

(Van Houten, 1983: 38)

Существуют данные, которые свидетельствуют, что родители делинквентных подростков в большинстве случаев не хвалят их за то, что они делают хорошо (Chapman, 1985). Таким образом, ключ к успеху в обеспечении внушения чувства стыда, носящего именно воссоединяющий, а не клеймящий характер, заключается в том, чтобы даже в случае конфликта поддерживать чувство взаимной непрекращающейся любви, и в том, чтобы «замешивать» стыд на похвале.

Джералду Паттерсону и его коллегам из Центра социального обучения штата Орегон удалось показать, что родителям детей с антисоциальным поведением не хватает умения наказывать. Они хвалят и наказывают вне зависимости от обстоятельств за хорошие и дурные поступки и скорее попросту «придираются» к детям, нежели после совершения проступков доводят дело до конца.

... Они угрожают и ругаются *очень* часто, но редко действительно решают проблему. Здесь под конфронтацией мы имеем в виду то, что родитель реагирует таким образом, чтобы

одновременно и прервать настоящее девиантное поведение, и снизить вероятность его повторения в будущем. Эффективная конфронтация — это и немедленное *подавление* конкретного поведения, и ослабление импульсов, его вызвавших. Я предполагаю, что трудный ребенок часто одерживает победу в такой тотальной конфронтации; а вот родители, таким образом, бесцельно бурчат, так и не разрешая ситуацию.

(Patterson, 1982: 227)

К сожалению, даже в культурах, которые благоприятствуют внушению чувства воссоединяющего стыда, многие семьи и другие институты будут внушать стыд с недостаточной силой. Они «бесцельно бурчат», пренебрегают тем, чтобы в нужных пропорциях сочетать укоры с похвалой, применяют стыд и похвалу вне зависимости от обстоятельств, не контролируют поведение детей, оставляя тем самым без внимания или молчаливо одобряя самые ужасные его проявления. В таких семьях и стыдят за поступок, и провоцируют его («Как ты мог так поступить — отнять у Сьюзи ее шоколадку! На, вот, возьми лучше эту».) Они пренебрегают необходимостью объяснить причины, по которым данный поступок влечет неодобрение (Parke, 1974).

К счастью, большинство родителей достаточно компетентны для того, чтобы избегать этих ошибок. Очень хотелось бы сказать, что проблему тех, кто постоянно оказывается некомпетентен, могут решить образовательные программы для родителей, позволяющие усвоить несколько простых принципов дисциплинарных взысканий. Однако, как это ни печально, обучающие программы для родителей, имеющих детей с поведенческими проблемами, могут похвастаться пока лишь скромным успехом и не только в связи со сложностью донесения этих принципов до родителей, но и в связи с более серьезными трудностями обеспечения их мотивацией к использованию этих программ (Patterson *et al.*, 1982).

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ИНДИВИДУАЛИЗМ

Идеология индивидуализма приносила свою пользу в период раннего развития капитализма, но сегодня мы все меньше и меньше зависим от успешной деятельности последовательных индивидуалистов. Экономическая деятельность осуществляется по большей части в бюрократизированных организациях, научные прорывы все чаще и чаще становятся заслугой исследовательских групп, даже современное искусство существует в рамках государственных и частных развлекательных конгломератов, в учреждениях и институтах. К сожалению, многие люди искусства, науки и бизнеса порой напрасно растрачивают свой талант, поскольку, будучи глубоко погруженными в идеологию индивидуализма, они не могут найти себе место в бюрократических структурах, где их способностям, несомненно, нашлось бы применение. Эти люди не в состоянии эффективно работать в команде.

Обязательства перед группой, взаимозависимые отношения, характеризующиеся взаимопомощью и доверием, — эти неперенные составляющие коммунитарности дают современной Японии преимущество не только в области борьбы с преступностью, но и в смысле наилучшего применения талантов отдельных индивидуумов в постиндустриальном обществе. В послевоенный период в большинстве случаев (конечно, здесь есть и свои исключения) наиболее устойчивого экономического роста удалось добиться тем промышленно развитым странам, которые отличались мощным «корпоративизмом» или другими формами

согласия (Schmidt, 1982; Schott, 1984; Australia Reconstructed, 1978:9; Lehner, в печати; но см.: Cameron, 1984; Marks, 1986).

Едва ли можно утверждать, что в либеральных корпоративистских обществах, например в Швеции, Норвегии или Австрии, меньше политической и социальной свободы и не столь велико брожение идей в сравнении с индивидуалистическими обществами, примером которых служат США. Индивиды вполне могут работать в группах для достижения общей цели, при этом вовсе не обязательно, что эти группы будут ограничивать поведение индивидов в областях, выходящих за рамки общих интересов. Это — та же самая идея, которая высказывалась в предыдущем разделе в отношении того, что сильная культурная приверженность законопослушанию отнюдь не препятствует закреплённой в культуре поддержке многообразия (вне ограничений, устанавливаемых законом). Так что вполне можно быть профессором какого-либо университета — демонстрировать лояльность по отношению к своему факультету и университету, посещать семинары коллег, участвовать в дискуссиях, находить консенсус, присоединяясь к мнению большинства, сформулированному на заседании профессорско-преподавательского состава, пусть даже в ущерб собственной позиции, считать себя обязанным помогать и доверять коллегам, — и при этом нисколько не утратить свое право быть гомосексуалистом, защищать взгляды, не приемлемые для остальных на факультете, или участвовать в политических акциях, к которым коллеги относятся неодобрительно. Таким образом, действенная коммунитарность в учебном заведении не связана со сколько-нибудь существенными посягательствами на свободу, открывая при этом новые возможности (например, свободу студентов выбирать из сбалансированного набора вариантов, а не из похожих друг на друга курсов, читаемых профессорами, претендующими на оригинальность позиции).

Если говорить о контроле над преступностью, существует широко распространенная точка зрения, что коммунитарность — это «гибкое дело», утопическое обращение к безвозвратно потерянной прекрасной особенности прошедшей эпохи. В социологии права существует вполне оправданное мнение в отношении того, что местные сообщества, такие как семьи, церковные приходы и соседские общины, в значительной мере утратили свою способность налагать за отклоняющееся поведение неформальные санкции. В своей блестящей монографии Бэйли исследует то, что представляется ему «основной традицией социологии права»: «с ходом истории осуществление санкций в соответствии с нормами общества теряет свою рассредоточенность и оказывается все более сконцентрированным на суперординантном уровне, и в особенности в руках государства (Bailey, 1985: 117-18). Эта основная традиция проявляется в расширении применения «закона» по мере усложнения общества (социального контроля, осуществляемого государством) за счет неформального социального контроля (Блэк, 1976), в движении от статуса к контракту (договору) (Мейн, 1861), в переходе от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft* (Теннис, 1887), от органической к механической солидарности (Дюркгейм) и от народного общества к урбанистическому (Редфилд, 1947).

Хотя Бэйли (1985) и признает, что эмпирически едва ли можно сомневаться в том, что усложнение социальной структуры связывалось и связывается с расширением регулятивной роли государства (например, Freeman and Winch, 1957; Adams, 1982), он убедительно доказывает, что «применение санкций

органами государственной власти вовсе не обязательно ослабляет систему субординантных санкций» (Bayley, 1985: 131). И, действительно, он приводит примеры того, как новое суперординантное регулирование фактически стимулировало развитие субординантного регулирования или регулирования со стороны тех или иных социальных групп среднего уровня. Литература по контролю бизнеса изобилует примерами того, как в результате осуществления государством новых форм контроля в определенной отрасли промышленности формировалось саморегулирование (правительственные предписания в области оборота ценных бумаг, ведущие к саморегулированию фондовой биржи, государственная цензура кинофильмов и, как следствие, создание внутри кинокорпораций системы классификации кинопродукции и т.д.). Государственное вмешательство в решение проблемы новых форм употребления наркотических веществ (например, вдыхание паров различных токсических веществ) зачастую осуществлялось посредством привлечения общественных объединений, действующих на местном уровне, и финансирования их деятельности (например, финансирование общественных объединений австралийских аборигенов для проведения кампаний, призванных снизить число проживающих в определенных малозаселенных регионах страны, или кампаний, направленных против токсикоманов, вдыхающих пары бензина). Правительственные инициативы по оказанию материальной поддержки местным ассоциациям по предупреждению преступности, центрам общинного правосудия, деревенским судам и программам соседского контроля сейчас внедряются по всему миру. Иными словами, Бэйли утверждает, что суперординантные системы осуществления санкций вовсе не обязательно ведут к ослаблению силы санкций субординантных групп. Применение санкций может происходить одновременно на обоих уровнях и иметь под собой различные основания.

Как считает Бэйли, то, в каком именно социальном пространстве будут осуществляться санкции, — это, по сути, вопрос политический. Однако в данном случае на политический выбор накладывает ограничения тот факт, что в то время как в коммунитарных обществах государство может рассчитывать на привлечение к осуществлению контрольных функций различных общественных деятелей и на эффективность санкций с их стороны, в обществах индивидуалистических эта возможность закрыта.

Индивидуализм приучает людей к сопротивлению любым санкциям, осуществляемым той или иной социальной группой. Индивид противится любой властной структуре, которая уполномочена применять санкции. Простой расчет мог бы привести индивидуалистов к убеждению, что их свободу в большей степени обеспечит сохранение уравновешивающих друг друга полномочных центров, однако этот политический урок индивидуалисты до сих пор не извлекли. Действительно, привычка оказывать сопротивление санкциям любой юрисдикции порождает слабость в отношении суперординации, осуществления санкций «сверху». Индивидуалистическому обществу, истощенному преступностью, возможно, просто некуда будет обратиться за контролем, кроме как к идее «максимальное государство». Индивидуализм может создать на промежуточном, а также на индивидуальном уровне вакуум, который сделает обращение к системе суперординантного осуществления санкций естественным, но фактически бесполезным средством. Как предвидел Гоббс, Левиафан порождается анархией. Я утверждаю, что анархию в большей степени провоцирует индивидуализм, нежели коммунитарность.

(Bayley, 1985: 124)

Итак, ирония заключается в том, что индивидуалистические общества не имеют выбора, кроме как полагаться на государство в качестве всемогущего агента социального контроля: идеология «минимум государства» порождает социальную реальность «максимум государства». Поскольку санкции со стороны близких людей и различных социальных групп, таких как школа, церковь, профсоюз и промышленная ассоциация, не могут возыметь действие в индивидуалистической культуре, государство реагирует на предполагаемый рост преступности единственным доступным ему способом, сажая под замок все большее число людей, предоставляя полиции и чиновникам регулирующих органов больше полномочий, попирая те самые гражданские свободы, которые и составляют собственно основу идеологии индивидуализма. И реагирование это крайне неэффективно.

Бэйли утверждает, что чем более коммунитарным является общество, тем больше свободы оно имеет в совершении политического выбора относительно того, как деятельность, связанная с использованием санкций и применением мер, будет распределяться между суперординантным, субординантным и промежуточным уровнями. Это — свобода выбрать такое соотношение, которое было бы удовлетворительно с точки зрения контроля над преступностью и приемлемо для людей, когда речь заходила бы об ограничении их свобод. Крайне индивидуалистические общества имеют в этом смысле лишь одну возможность выбора: не предпринимать никаких действий и приспособливаться к жизни в обществе с преступностью или развивать репрессивное государство, но и в этом случае учиться уживаться с преступностью.

Однако вполне возможно, что это слишком смелый вывод. Соединенные Штаты представляют собой, вероятно, крайний пример индивидуалистического общества. Тем не менее, несмотря на ряд неудачных попыток использования движений, действующих на местном уровне, в борьбе с преступностью, в особенности во время так называемой «войны с бедностью» президента Джонсона, имеются также достаточное количество вселяющих надежду исследований, посвященных воздействию местных добровольческих организаций (таких, как программы соседского контроля) на преступность в США. Обзор именно этих исследований позволил Гринбергу и его коллегам прийти к следующим выводам:

В существующих исследованиях содержатся достаточно серьезные свидетельства того, что местные добровольческие организации способны оказывать влияние на преступность и сокращать страх перед преступностью. Можно говорить о трех возможностях такого влияния. Как было обнаружено, участие в подобной организации находится в положительном соотношении с неформальным взаимодействием, которое, в свою очередь, ведет к повышению вероятности вмешательства свидетелей в подозрительную ситуацию и отношением к данной территории как к «своей». Однако по-прежнему не существует данных, которые непосредственно указывали бы на то, что усиление неформального взаимодействия влияет на снижение местного уровня преступности.

(Greenberg *et al.*, 1985: 133)

Гринберг и его коллеги обнаружили также, что данные о воздействии соседского социального контроля (измеряемого через оценку отношения к «неместным», плотности местных социальных сетей, частоте общих для соседей мероприятий и т.д.) являются неубедительными:

Главное, что показала эта литература, — отсутствие возможности с уверенностью говорить о наличии связи между неформальным социальным контролем и преступностью в данном

районе. Данные указывают, что неформальный контроль и разнообразие проблем преступности имеют тенденцию к пространственному соизменению. Иными словами, один и тот же район, как правило, отличается высоким уровнем неформального контроля и низким уровнем преступности, и наоборот. Именно вследствие этого (а также, поскольку интуитивно это похоже на правду) между этими двумя показателями часто проводится причинно-следственная связь. Но их пространственное соизменение, помимо всего прочего, может являться отражением какого-то набора других причин, что позволяет считать подобное соотношение мнимым. Вообще, причинно-следственная связь между двумя этими показателями исследователями установлена не была.

(Greenberg *et al.*, 1985: 170)

Наиболее последовательное подтверждение нашло соотношение показателя территориального уровня преступности со следующими переменными неформального контроля: «ожидание от себя или соседей вмешательства в криминальную или подозрительную ситуацию, чувство ответственности за территорию рядом с домом и за район, наблюдение за этими территориями, а также эмоциональная привязанность к месту проживания. Но все установки такого рода могут быть следствием уровня преступности в данной местности, а не его причиной» (Greenberg *et al.*, 1985: 102).

С одной стороны, остальному миру не стоит слишком уж близко к сердцу принимать эти несколько обескураживающие данные, поскольку почерпнуты они в культуре, которая могла бы служить, вероятно, крайним примером индивидуалистической культуры. С другой стороны, данные на сегодняшний день не исключают вероятности того, что даже в Соединенных Штатах мы можем увидеть, как государственные программы, поощряющие неформальный социальный контроль, действительно снижают уровень преступности. Мы должны понимать, что, несмотря на антикоммунитарную эволюцию современного общества, влияние государственной политики на эффективное развитие коммунитарных инициатив в области контроля над преступностью остается вполне реальным.

Это развитие обретает еще более реальные очертания, если мы принимаем во внимание взгляды тех теоретиков, которые считают, что в современных урбанистических обществах «сети» личных и социальных отношений индивидов не распадаются, но оказываются в меньшей мере локализованными пространственно, что местоположение взаимозависимости смещается от соседских общин к объединениям по интересам, связанным с работой и досугом (Stein, 1960; Keller, 1968; Webber, 1970). Эти новые общности по интересам вполне могут стать альтернативными центрами коммунитарных инициатив борьбы с преступностью. Так, на рабочих местах можно, используя японский опыт, организовать ассоциации по предупреждению преступности; в профессиональных объединениях по указанию правительства могут быть созданы надзорные и дисциплинарные комиссии, призванные заниматься вопросами злоупотреблений в данной отрасли; можно обратиться к футбольным ассоциациям, убедив их вмешиваться в ситуацию в тех случаях, когда полиция не в состоянии решить проблему хулиганствующей толпы, и т.д.

Один из сторонников коммунитарных стратегий в контроле над преступностью (Alderson, 1984: 213) выдвинул предложение о том, чтобы каждый раз, когда подростки предстают перед судом, обязательным должно быть присутствие представителей соседского окружения правонарушителя. Данный подход можно распространить и на другие сообщества. Так, в обязанности офицера службы пробации может входить

необходимость убедить представителей школы (если речь идет о подростке), работодателя, директора спортивного клуба или представителей других групп, особенно значимых для правонарушителя, посетить судебное заседание и высказать свое мнение о том, какой вклад они могли бы внести в реабилитацию провинившегося и надзор за его поведением в будущем. Это укрепило бы коммунитарные обязательства присутствующих по осуществлению неформального социального контроля, а также увеличило бы силу морального воздействия — стыда, внушаемого перед представителями тех или иных референтных групп, и гарантировало бы со стороны этих самых групп стремление к реинтеграции правонарушителя.

Вполне вероятно, что «местечковость» Альдерсона — это торжество надежды над реальностью, если говорить о применении подобного подхода к урбанистическим обществам с некоммунитарной культурой. Однако лежащую в его основе идею все же можно использовать. У большинства из нас, помимо семьи, есть и иные социальные группы среднего уровня, которым мы принадлежим и которые являются для нас значимыми. Если бы меня арестовали за нападение, наибольший стыд я испытал бы, если бы в суде присутствовал кто-нибудь из сотрудников моего факультета в университете, представитель движения потребителей и, вероятно, еще нескольких добровольческих объединений, в которых я состою, а также члены моей семьи и мой сосед из дома напротив. И именно эти люди могли бы предоставить суду наиболее убедительные заверения в том, что будут приглядывать за мной в дальнейшем, что я и носа не покажу в тот бар, где влез в драку, и что я буду выполнять условия распоряжения об общественных работах. Больше того, не назови я сам эти референтные группы офицеру службы пробации, полчаса на телефоне — и он с легкостью установил бы их сам. Конечно, посещение судебного заседания стало бы наложением дополнительных обязательств на всех этих людей, однако все они пришли бы на мои похороны, если бы мне серьезно не повезло в той драке, поэтому наверняка они пришли бы и в суд — особенно, если просили их об этом потому, что именно они могут убедить суд, что я не представляю опасности для общества и могу быть отпущен.

В конечном счете, нам не следует слишком отчаиваться в связи с недостатком методологически убедительных благоприятных оценок правительственных инициатив США, направленных на становление неформального социального контроля. Оставляя в стороне ограниченный характер как самих инициатив, так и их оценок, напомним также и о возможности того, что через какое-то время даже США могут стать культурой более коммунитарной, представляющей более благоприятную почву для развития подобных инициатив. Эта возможность возникает из того, о чем я упоминал раньше: движение в сторону коммунитарности может оказаться в интересах американского капитала. Многие руководители американского бизнеса пришли к этому выводу и начали работу по формированию более коммунитарных культур в рамках своих компаний: одни — осмысленно приспособливая японские идеи к американским культурным традициям, другие — механически внедряя японские модели в американскую среду. Вполне возможно, что общества, коммунитарность в которых за последние два столетия была сметена волной урбанизации, пройдут через постепенное восстановление идей коммунитаризма на предприятиях, в школах и в добровольческих объединениях.

УСТРАНЕНИЕ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ В СТИЛЯХ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ОТ СЕМЬИ К ДРУГИМ ИНСТИТУТАМ

В главе 4 мы говорили о том, что в рамках семьи процесс социализации развивается от первоначального акцентирования внешнего наказания ко все более усиливающемуся со временем акценту на стимулирование внутренних рычагов контроля. Когда ребенок вступает во взаимодействие с новыми представителями власти, такими, как учителя и полицейские, обозначенная тенденция вновь меняет направление. Ребенок оказывается отброшенным назад, в мир социального контроля, осуществляемого посредством внешнего наказания; нравственное развитие в некотором смысле обращается вспять.

Таким образом, нам необходимо продумать возможности изменения типа воздействия, используемого школой и полицией, с тем, чтобы он способствовал, а не препятствовал переходу к зрелому интернализированному контролю. Несомненно, как мы увидели в предыдущей главе, существует также широкий простор для преобразования дисциплинарной практики в трудовых коллективах посредством отказа от карательной модели и приближения этой практики к модели семейной.

Если говорить о полиции, японцы с их акцентом на участие местных сообществ, на привлечение семей, школ, работодателей и близких знакомых к решению ситуаций, связанных с делинквентным поведением, являют собой лучший пример подобной деятельности (Bayley, 1976). Полиция при осуществлении своих функций для разрешения проблем подростковой преступности не стремится прибегать к формальному наказанию, подчеркнуто используя внушение чувства вины, сохраняя направленность к воссоединению. Для японских полицейских роль моралиста и помощника столь же важна, вероятно, сколь и роль блюстителя закона.

Если говорить о школьном обучении, я в значительной мере согласен с Уилсоном и Херрнштейном (Wilson and Herrnstein, 1985: 264-88), которые полагают, что школы, удачно справляющиеся с делинквентностью, обладают теми же основными характеристиками, что и благополучные в этом отношении семьи: они создают «строгую, но благотворную» социальную атмосферу. Их характеризует не строгость и безучастность и в то же время не теплота и попустительство, но именно строгость и теплота. В этом заключении Уилсон и Херрнштейн опираются главным образом на анализ делинквентности, проведенный в шестистах американских школах, при финансировании Национального института образования (Gottfredson and Gottfredson, 1985). Готфредсон и Готфредсон на основе весьма значительного объема данных отчетов о виктимизации — случаях, когда учителя и ученики становились жертвами преступлений, а также самоотчетов учащихся о совершении противоправных действий пришли к выводу, что школы с наименьшим количеством проблем, связанных с делинквентностью, отличаются не только строгим, но и «четким, последовательным и беспристрастным применением правил. Полученные результаты указывают на то, что дурные поступки следует не игнорировать, но, напротив, реагировать на них таким образом, который ученики могут предвидеть заранее и ожидать...» (Gottfredson and Gottfredson, 1985: 173).

Это исследование выявило еще один важный факт: «занятия учащихся в разных классах с постоянно меняющимися преподавателями влияет на уровень виктимизации — подверженности учителей преступным действиям со стороны подростков в средних школах» (Gotfredson and Gotfredson, 1985: 172). Очевидно, что возникновение взаимозависимости между учеником и учителем, которая в состоянии будет обеспечить непрерывность воспитательного процесса, как бы продолжив семейную практику социализации, более вероятно в том случае, когда ученик имеет постоянный контакт с небольшим количеством преподавателей, а не сталкивается ежедневно с новыми лицами. Готфредсон и Готфредсон в качестве стратегии снижения делинквентности рекомендуют реорганизовать обучение таким образом, чтобы обеспечить более регулярные контакты ученика с определенным учителем или определенными учителями. Это, например, может означать поочередные занятия с классным руководителем и рядом других преподавателей.

Теория воссоединяющего стыда в качестве основной проблемы, связанной с преступностью молодых людей, выдвигает проблему утраты ими социальной интегрированности по мере отдаления от семьи, в которой они родились и с которой полностью себя идентифицировали. Школа являет собой одну из возможностей сохранения социальной интегрированности, и, действительно, мы видели данные, последовательно подтверждающие, что учащиеся, слабо интегрированные в школьную жизнь (те, что слабо привязаны к школе, не любят ее, потерпели в ней неудачу и оказались отвергнутыми), в значительно большей степени склонны к делинквентности. Нелегкая задача, стоящая перед школами, заключается в успешной интеграции всех учеников, и особенно тех, для кого в силу их низких способностей велик риск разочарования. Чтобы снизить делинквентность, следует не создавать внутри школы анклавы изгоев, сортируя учеников по способностям. Вообще любые процессы, обособляющие слабо успевающих учеников, потенциально криминогенны. В этом смысле довольно сложно придумать определение «компенсирующего» обучения лучше того, которое дал Найт:

Практика компенсирующего обучения нацелена на включение учеников во все аспекты школьного процесса, а не на возведение между ними стен посредством бюрократических ритуалов или сделанных ранее предположений об их способностях. Позиция преподавателей должна состоять в том, что научить можно каждого ребенка. Ученики, в свою очередь, должны твердо верить в то, что они могут научиться. Школа имеет успех и приносит пользу обществу, когда умения и способности каждого ценятся и используются в самых разнообразных социально приемлемых проектах. То же самое, по сути, можно сказать и о хорошем обществе.

(Knight, 1985: 266)

В школах, ориентированных на интеграцию, все ученики будут иметь возможность приобретения позитивной репутации: «каждый может стать кем-то». В школьных культурах, избегающих конкурирующего индивидуализма и отдающих предпочтение коллективному решению проблем, ипсативному состязанию (то есть стремлению ученика превзойти свои собственные результаты, а не результаты других учеников) или межгрупповой конкуренции, все учащиеся могут вкусить сладость успеха, видя, как совершенствуются их собственные умения, или отмечая тот полезный вклад, который они вносят в работу группы.

Огорчение от постоянных неудач забывается благодаря использованию при обучении сильных сторон ученика; чувство принадлежности коллективу поощряется посредством участия в решении совместных задач.

(Knight, 1985: 270)

Здесь можно отметить близость с нашей точкой зрения, поскольку вышесказанное означает, что школа может помочь в сглаживании непоследовательности в социализации, осуществляемой семьей и другими институтами, посредством такой ориентации на интеграцию, которая позволила бы школе закладывать основы коммунитарности в культуре (обязательства перед группой как коллективная ценность ставится выше конкурирующего индивидуализма).

Необходимо рассмотреть и другие направления общественной политики, которые ставят своей целью остановить тенденцию к удлинению периода взросления. Дети порывают с зависимостью от семьи происхождения, и здесь отмечается некоторое растяжение периода их пребывания на «культурно нейтральной территории» (Silberman, 1978: 32). Они живут в некоем вакууме, который заполняется молодежной культурой, включающей в себя характерные вкусы в одежде и музыке, зачастую употребление наркотиков и другие формы символического мятежа против лицемерия взрослых.

Безусловно, ради того чтобы остановить обозначенную тенденцию, отнюдь не стоит пропагандировать такую общественную политику, которая подталкивала бы молодых людей к более раннему принятию обязанностей, связанных с взаимозависимостями в прокреационной семье. Однако есть другие варианты такого рода вмешательства: например, изменение создавшейся ситуации с сокращающимися возможностями занятости для молодежи в современной экономике, отдающей все большее предпочтение зрелым работникам и обретающей все более широкие возможности «привередничать», отвергая молодых претендентов на рабочие места. Тем не менее польза проведения в жизнь подобных установок на приоритет молодых людей при принятии на работу в государственные учреждения и при переподготовке специалистов, а также на снижение минимальной оплаты труда для молодежи не столь очевидна, как может показаться. В экономике с ограниченным числом рабочих мест предоставлять большее количество рабочих мест молодым — значит отнимать их у более зрелых работников. Отсутствие занятости может обернуться и более серьезными социальными последствиями для более старших по возрасту работников, которым нужно обеспечивать семьи. Оно может стать и более чувствительным ударом по их гордости в сравнении с молодыми людьми, которые никогда не имели работы. Таким образом, с другой точки зрения, попытка справиться с проблемами, порожденными все расширяющейся культурой «юношеского дрейфа», посредством проведения агрессивной политики занятости молодежи способна лишь ухудшить ситуацию. Здесь необходимо более глубокое переосмысление структуры капиталистической экономики.

Рассмотрим альтернативный вариант: общество может приложить усилия к тому, чтобы внести в образование «на последнем этапе юности» более «взрослые» социальные конструкции и продлить период этого образования с тем, чтобы ликвидировать «культурно нейтральную территорию». Это, например, могут быть более демократические формы управления учебными заведениями, осуществляемого самими учащимися, впрочем, исследование Готфредсона и Готфредсона (Gotfredson and Gotfredson, 1985) не

слишком обнадеживает на этот счет. Возможно сочетание обоих подходов: можно построить социальную модель таким образом, чтобы учащиеся на год или два во время «юношеского» периода становились рабочей силой (что определялось бы как новая социальная конструкция перехода во взрослое состояние), а затем, по окончании этого периода, возвращались бы для завершения образования. Ни один из вариантов создания общества, где принятие взрослых обязанностей и взаимозависимых отношений неизбежно происходит в раннем возрасте, не является ни легко осуществимым, ни, если учитывать все вышесказанное, особенно желательным.

ВЫВОДЫ ДЛЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Как и большая часть социологических теорий преступности, *теория воссоединяющего стыда* предполагает, что принципиальное решение проблем преступности следует искать не в системе уголовного правосудия самой по себе. Тем не менее, учитывая значимость формального наказания, налагаемого государством, важно подчеркнуть, что «наказание как средство морального воспитания, несомненно, действует на сокращение преступности в значительно большей степени, нежели наказание в качестве средства удержания» (Wilson and Herrnstein, 1985: 495). В этом смысле Уилсон и Хернштейн проводят различие между желанием избежать наказания в дальнейшем (удержание), оказывающим влияние на снижение преступности посредством инструментального обусловливания, и субъективным ощущением дурного характера поступка (моральное воспитание), снижающим преступность благодаря механизму классического обусловливания:

Единожды укоренившись, совесть действует без какого-либо принуждения со стороны внешних агентов. Однако с самого начала появление ее связано с осознанием отвращения общества к определенным поступкам, познаваемым либо через неформальное общественное порицание, институционально отображенное в законе, либо через формальное наказание.

(Wilson and Herrnstein, 1985: 495)

Если, как следует из моей теории, контролю над преступностью в основном способствуют морально-воспитательные, а не сдерживающие функции наказания, это должно научить нас умению публично преподносить наказание. В конце века некоторые уроки уже извлек Дюркгейм:

Поскольку наказание непременно предполагает укор, лучшим наказанием является то, в котором осуждение (а оно и есть суть наказания) являет себя наиболее выразительным и наименее дорогостоящим образом... Суть не в том, чтобы заставить страдать, — страдание отнюдь не обладает каким-то мистическим достоинством, и самое главное заключается вовсе не в том, чтобы запугать и вселить страх. Скорее, речь должна идти о новом подтверждении обязательства перед обществом в тот момент, когда оно оказывается нарушенным, с тем, чтобы укрепить чувство долга как виновного в преступлении, так и ставших тому свидетелями — тех, кого оно может деморализовать. Любую часть наказания, не служащую к этой цели, любую жестокость, не ведущую к ее достижению, должно запретить как безнравственную.

(Durkheim, 1961: 181-82)

По мнению Дюркгейма, наказывать более жестоко, чем того требуют морально-воспитательные функции наказания, — значит не только тратить впустую государственные ресурсы, не только

безнравственно налагать на преступника бесполезное наказание. В таком наказании он видит риск разрыва социальной интеграции и получения результатов, противоположных ожидаемым: «Чтобы наказание несло в себе воспитательное воздействие, необходимо, чтобы тот, на кого оно налагается, относился к нему уважительно» (Durkheim, 1961: 197).

Теория воссоединяющего стыда несет в себе ту же самую мысль: наказание не должно быть более суровым, чем требуется для того, чтобы передать степень общественного неодобрения, соответствующую преступлению. Наказание должно быть очевидным для всех, публично обсуждаемым с тем, чтобы благодаря недвусмысленной трансляции отвращения, которое общество питает по отношению к преступным деяниям, могло осуществляться формирование совести. Едва ли с этим возникают сложности, когда речь идет об уличной преступности, дающей так много пищи для изобличающих материалов в прессе. Однако сообщения о наказаниях за разнообразные формы беловоротничковых преступлений встречаются редко, поскольку и наказываются эти преступления нечасто, и факты дела бывают запутаны и сложны для изложения в печати, и страх быть обвиненным в клевете существенно больше. Поэтому существует особая причина для более активного освещения в печати случаев, связанных с разоблачением беловоротничковых преступлений.

Если мы правы в наших выводах относительно того, что не только на уровне нравственного воспитания, но и на уровне удержания от совершения преступления неформальное внушение чувства стыда обладает большей значимостью, нежели формальное наказание, то, следовательно, и коммуникация, призванная обеспечить удержание, должна быть сосредоточена на внушении чувства стыда. Это осознали специалисты в области связей с общественностью, которые создают программы, нацеленные на предотвращение краж в магазинах: в проводимых ими кампаниях они акцентируют внимание скорее на позоре, связанном с «приводом», нежели на вероятном наказании (Jensen and Erikson, 1978: 120-1).

Если подлинную основу контроля над преступностью составляет зримое внушение чувства стыда в сочетании с реинтеграцией, то современный институт тюрьмы является страшным заблуждением^{xi}. В 1759 г. доктор Джонсон написал в «Бездельнике»: «В тюрьме трепет перед отношением общества исчезает, закон утрачивают свою силу; мало что вызывает страх, ничто не вызывает стыд. Распутные становятся развращеннее, бессердечные сильнее ожесточаются». По сути, тюрьмы — это своего рода складские помещения для изгоев. Они отделяют правонарушителей, «трудных» людей от тех, кто бы мог с успехом внушать им чувство стыда, и от тех, кто бы мог способствовать их реинтеграции в общество. Лишение свободы — это политика, одновременно разрушающая легитимные взаимозависимые отношения и подталкивающая к участию в криминальных субкультурах.

Если мы и должны наказывать (а формальные наказания до какого-то момента неизбежны), то делать это следует явно, а не тайно и так, чтобы благоприятствовать социальной интеграции преступника. Примером могут служить судебные распоряжения об общественных работах. Возмещение ущерба, столь ярко представленное в Японии, где особый акцент сделан на принесении извинений, — санкция, которая имеет свое будущее и в американской культуре (Schneider, 1986). Распоряжения об общественных работах и

возмещение ущерба — это санкции, которые пресекают клеймение на корню, поскольку дают преступнику возможность искупить вину, «возвратив свой долг».

Существуют и другие возможности, не имеющие в настоящий момент места в структуре вынесения приговоров. Суд мог бы, например, отсрочить исполнение приговора о тюремном заключении до того момента, пока нарушитель вместе с сотрудником службы пробации не поговорит со своим работодателем. Работодателю можно предложить следующий вариант: в течение определенного периода времени вместо тридцати восьми часов в неделю правонарушитель мог бы работать сорок пять часов. При этом за дополнительное время наниматель платил бы только половину нормы, и деньги эти шли бы государству или жертве преступления. Компания получила бы немного дешевого труда и сэкономила на необходимости подыскивать и обучать другого сотрудника; государство получило бы от правонарушителя некоторую сумму денег для выплаты компенсации потерпевшему; правонарушитель не попал бы в тюрьму и сохранил бы за собой рабочее место. Кроме того, весь этот социальный процесс расширил бы для работодателя и коллег правонарушителя круг возможностей для участия как в процессе общественного порицания и внушения чувства стыда, так и в процессе реинтеграции. Если офицер службы пробации считал бы подобное наказание достаточным и положительным в смысле реабилитации, тогда оно было бы рекомендовано суду в качестве альтернативы тюремному заключению. Это — лишь одна из многочисленных возможностей конструирования наказания в соответствии с принципами внушения чувства стыда по воссоединяющей модели.

Следовательно, если нам необходимо прибегать к тюремному заключению, рекомендуется приложить максимальных усилий для интеграции заключенных и общества (возможность временного освобождения для работы, учебы, доступность семейных посещений). Кроме того, после освобождения заключенного требуется максимальная поддержка его/ее ближайшего окружения для облегчения трудного процесса реинтеграции. Существуют данные, указывающие на то, что ощущение, что тебя ждут дома, и наличие прочных межличностных связей «на свободе» с большой долей вероятности предотвращают повторное попадание в тюрьму и гарантируют успех иных специальных мер адаптации после освобождения (Glaser, 1964; Ekland-Olson *et al.*, 1983).

Более важно, однако, то, что система уголовного правосудия, сориентированная на теорию воссоединяющего стыда, должна стремиться противопоставить внушение чувства стыда и воссоединение в качестве общей альтернативы государственным санкциям. Чтобы способствовать этому, нам необязательно прибегать к «народным судам» — понятию романтическому и вместе с тем потенциально деспотическому. Как утверждалось ранее, мы можем придерживаться надлежащей правовой процедуры, в то же время приглашая на судебное заседание соответствующих людей, которые могли бы свидетельствовать о том, почему подсудимого можно (или нельзя в ситуации с определенным родом жертвами) отдать на поруки обществу. Эти люди могли бы пристыдить подсудимого уже самим своим присутствием и внести предложения в отношении того, как они, будучи членами местного сообщества или родственниками преступника, могли бы наблюдать за ним или помогать ему, если бы того отпустили. Возможен и другой взгляд на правовую процедуру, а именно: сохранение собственно процедуры для установления вины с

последующей передачей обязанностей по реагированию на правонарушение от суда к соответствующим социальным группам, которые были бы творчески подобраны в зале суда специалистами службы пробации.

Конвейерное правосудие современных судебных систем, движимое исключительно идеей эффективной «раздачи» санкций, уделяет недостаточно внимания общественному порицанию. В Калифорнии за то или иное преступление осуждают порядка 85% тех, кому были предъявлены обвинения. Но только около 10% проходят через соответствующую процедуру с судьей и присяжными (Rosset and Cressey, 1976: 33-4). Большинство преступников не вовлечены в процесс судебного разбирательства, состоящий из ритуалов, в которых они воочию наблюдали бы пренебрежение общества, вызванное тем, что они содеяли. Их судьба определяется технократически, «за сценой», зачастую благодаря сделкам, заключаемым между обвинением и защитой. Росетт и Крэсси утверждают, что даже те редкие моменты, когда подсудимые все же появляются в суде, весьма непродолжительны и наполнены, с точки зрения подсудимого, юридической болтовней, значение которой не всегда до конца им понятно. Прямым осуждением пренебрегают. Правонарушители движутся по конвейерной линии, вдоль которой располагаются адвокаты, занимающиеся всем, чем угодно, только не морализаторством и вразумлением в отношении содеянного. Юристы действуют рутинно, стремясь выполнить побыстрее свою работу и перейти к следующему делу.

Для тех, кому близка «воздающая» неоклассическая традиция в криминологии, эти выводы «погоды не сделают». Если полагать, что система уголовного правосудия должна быть построена так, чтобы максимально увеличивать вероятность получения преступниками заслуженного наказания, а не так, чтобы снижать преступность, предлагаемые мной идеи окажутся, вероятно, бесперспективными.

Выводы, которые могут извлечь из моей теории криминологи-утилитаристы, будут касаться, безусловно, смещения акцента от карательного социального контроля к вразумляющему социальному контролю. Однако и им необходимо помнить об аргументах, не использованных в теории. Система уголовного правосудия должна уметь разбираться с ситуациями, развивающимися по наихудшему сценарию, поскольку именно такие варианты угрожают ее легитимности. Мы говорили, что психопат, который не подвержен угрызням совести, скорее всего, будет также не восприимчив и к социальному контролю, осуществляемому посредством наказания. Тюремное заключение, тем не менее, будет временами необходимо, чтобы защитить общество от подобных психопатов. Или от террористов, для которых значение имеет лишь то чувство стыда, которое внушается оппозиционной субкультурой. Мы, возможно, не сумеем пристыдить или уstrasить их, но, по крайней мере, сможем физически удержать от новых преступлений.

Наконец, необходимо помнить, что степень наказания, предусматриваемая государством за преступление, сама по себе несет информацию о том, насколько постыдным является данное преступление. Когда государство за нарушения правил парковки предусматривает штраф в размере пяти долларов, оно тем самым сообщает, что такого рода правонарушение не является особо опасным или постыдным. Нужно, чтобы степень наказания за преступление соизмерялась с тем, какого осуждения оно действительно достойно и какой вред причиняет другим. В обстоятельствах, когда преступник настойчиво пренебрегает

возможностями раскаяния, необходимо задействовать именно эти максимальные наказания. К счастью, политика уголовного правосудия, основанная на внушении чувства стыда, способна обеспечивать морально-воспитательный эффект, прибегая к подобной необходимости лишь изредка, но таким образом, чтобы подобные акции имели широкий общественный резонанс.

Больше того, скептически относиться к удерживающей силе формального наказания вовсе не означает отрицать теоретическую возможность сдерживания преступности именно таким образом. Просто дело в том, что эффективное осуществление контроля над преступностью посредством формального удержания требует наказаний такой частоты и строгости, которые невозможны с финансовой точки зрения. Более того, наказание столь пагубно с точки зрения ограничения гражданских свобод, столь несправедливо, что и с точки зрения политики оно тоже становится невозможным. Можно бороться с преступностью, выделив трех полицейских, которые работали бы посменно по восемь часов, наблюдая за каждым гражданином в его повседневных занятиях. Очевидно, преступность можно было бы держать в узде, скажем, в определенном районе, обеспечив его мощными полицейскими силами. Но такое поддержание порядка не отменит существования субкультур, приемлющих преступление как образ жизни; просто преступники будут действовать в других местах или изберут мишени иного рода, не столь усердно защищаемые. К тому же невозможно (как с финансовой, так и с политической точки зрения) обеспечивать интенсивные полицейские действия во всех районах, нельзя ужесточить охрану всех возможных мишеней. Достоинство же вразумляющего социального контроля в его нацеленности на преодоление самой приемлемости преступления как образа жизни, на стремление убедить преступников в том, что они вообще не должны совершать преступления, — ни в каком районе, ни в какое время.

О ПОЛИЦИИ И ПОДДЕРЖАНИИ ПРАВОПОРЯДКА

Идет ли речь о работе инспекторов труда или полицейских, несущих службу в рабочих кварталах, наша теория предполагает, что государственным агентам, осуществляющим функции поддержания правопорядка, следует изо всех сил стараться вернуть сообществам обязательства по выявлению и пресечению противозаконных действий, равно как и обязательства решать проблемы преступности посредством неформального контроля и формирования совести граждан. Таким образом, программы соседского контроля и организованные на рабочих местах комитеты по безопасности и гигиене труда можно считать шагами в указанном направлении.

Полицейскому в своей повседневной практике следует реже пропускать правонарушителей через систему уголовного правосудия и чаще обращаться за помощью к семье, школе правонарушителя, его коллегам по работе или футбольному клубу, способствуя примирению и возмещению ущерба. Это общее предписание отнюдь не отрицает существования исключительных областей (в особенности это касается домашнего насилия), где внутрисемейные отношения рожают проблемы, требующие вмешательства общества для защиты более слабых членов семьи. Также и инспекторы труда лучше справлялись бы со своими обязанностями, если бы перераспределили свое время, уделяя больше внимания не собственным

посещениям предприятий, но общению с выборными представителями рабочих и должностными лицами компании, отвечающими за охрану труда. В рамках такого общения обсуждались бы конкретные мероприятия, которые последние могли бы осуществить с целью большей эффективности своей деятельности.

Полицейские силы должны в большей степени, чем сейчас, создаваться и действовать как часть местных сообществ. Нужно, чтобы они не воспринимались как стоящие над обществом. Ориентированная на местное сообщество полиция, однако, обладает определенными недостатками. Опасно исходить из того, что у «местной» полиции есть возможность набирать в свои ряды агентов, а точнее марионеток, подконтрольных государству, поскольку такое видение может привести к распространению властных полномочий полицейского государства на тех, кто не подчинен действию сдерживающих и уравнивающих сил, которыми демократии ограничивают людей в форме. Такое видение антидемократично, поскольку увеличивает контроль центра над обществом вместо того, чтобы делегировать ответственность от центра к периферии. «Местная» полиция будет служить укреплению демократии, а не угрожать ей в том случае, когда стратегия ее деятельности будет определяться «снизу вверх», а не «сверху вниз». То есть, для того чтобы полиция стала эффективным катализатором общественного контроля над преступностью, ее представители должны выяснить мнение граждан о том, какие изменения в деятельность полиции в их местности и расстановку ее приоритетов следует внести, чтобы ее методы и распределение ресурсов соответствовали принципу демократической ответственности (Pepinsky, 1984).

Представитель наделенной наименьшей властью в обществе меньшинства должен иметь возможность подать жалобу на действия полиции, посетив собрание общественной организации, уполномоченной через своих представителей обеспечивать взаимодействие полиции и граждан. Это не пропаганда в защиту замены «правления законов» на «правление людей», это просто способ сделать политику, которой руководствуются полицейские, в большей степени подотчетной обществу. Целью является отнюдь не политическое вмешательство в определенные правоприменительные решения, а общественное участие в дебатах относительно политики, которая определяет правоприменительную практику. В этом отношении в Британии имела место небезынтересная дискуссия, возникшая как следствие беспорядков, произошедших в начале 80-х годов, а также доклад лорда Скармэна, касающийся различных способов повышения ответственности полиции (Baldwin and Kinsey, 1982; Brown, 1982; Bayley, 1983; Alderson, 1984; Jefferson and Grimshaw, 1984; Kinsey *et al*, 1985; Spenser, 1985; Downes and Ward, 1986). Однако каждая страна должна найти собственное решение этой проблемы, которое отвечало бы ее институциональной истории, культурным и демократическим традициям.

Моя миссия заключается не в том, чтобы предложить в виде рецепта модель полицейских структур, которые несли бы ответственность перед обществом. Я просто хочу сказать, что повышение подотчетности полиции обществу и повышение эффективности ее деятельности — это цели, которые не только не противоречат друг другу, а скорее «идут рука об руку». Это действительно так, поскольку полиция, согласно моей теории, будет действовать наиболее эффективно именно тогда, когда станет частью общества,

передавая обязанности по социальному контролю гражданам, конструктивно содействуя принесению извинений, возмещению ущерба и прощению. Когда полиция станет частью общества, уже невозможной будет ситуация, при которой «полицейские арестовывают просто за неимением альтернативы» (Pepinsky, 1982: 263). Однако если полиция не будет считаться с гражданами, то ее постигнет неудача. Как никто другой, именно полицейские должны усвоить, что наиболее эффективными агентами социального контроля их сделают отношения *взаимозависимости* с обществом, в которые они поставят себя вместо того, чтобы упорствовать во мнении, будто общество зависит от них (мнении, которое, безусловно, не разделяют многие из тех, кто, как предполагается, находится в зависимом от полиции положении). Когда отношения взаимозависимости между полицией и обществом будут установлены, мы все окажемся в выигрыше, получив более дешевую, более эффективную, более гуманную систему уголовного правосудия, которая идет по пути отказа от репрессивного социального контроля в сторону контроля вразумляющего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВОССОЕДИНЯЮЩИЙ СТЫД И ХОРОШЕЕ ОБЩЕСТВО

Как мы увидели, внушение чувства стыда является мощным орудием социального контроля, которое может быть использовано как во зло, так и во благо. Я утверждаю, что важнейшей чертой культурных моделей внушения чувства стыда, определяющей, будет ли внушение стыда использоваться с тем, чтобы гарантировать свободу или, наоборот, попирает ее, является то, проходит ли оно по воссоединяющей модели. В тех обществах, где на протяжении всего процесса внушения чувства стыда сохраняются узы уважения, скорее всего, с терпимостью будут относиться к «деревенскому идиоту» или трансвеститу. Такие общества также будут более справедливы при выявлении и исправлении тех ситуаций, когда общественному порицанию подвергаются невиновые.

Принимаясь за эту главу, я видел свою основную задачу в том, чтобы выразить следующее: независимо от того, какой стратегический вывод мы извлекаем из *теории воссоединяющего стыда*, нам следует избегать ложного представления о необходимости выбирать между обществом консенсуса и обществом, основанном на конфликтных отношениях, между культурой, ориентированной на долг и обязательства, и культурой, ориентированной на права, между преступностью и свободой.

В здоровом обществе существует консенсус относительно определенного набора основных ценностей, включая уголовное право, но также имеются институты, которые поощряют конфликт вне сфер этого глобального согласия. Среди ценностей, в отношении которых в хорошем обществе должен существовать консенсус, — свобода, стимулирование разнообразия и конструктивного конфликта. Если нет согласия по поводу ценности институтов, которые одновременно защищают свободу и способствуют конфликту, подобных судам общего права и свободным тред-юнионистским союзам, тогда в обществе будет меньше и свободы, и конфликта.

Хорошее общество нетерпимо к отклонениям от основных ценностей и при этом толерантно относится к многообразию, и даже поощряет его, но за рамками ограничений, задаваемых этими ценностями.

В числе основных ценностей, уничтожение которых не приемлемо для хорошего общества, — уголовный закон, а также свобода и разноликость вне границ закона. Иначе говоря, достойное общество твердо защищает как обязанности, так и права, а в особенности — те обязанности, которые гарантируют права.

Сочетание прав и обязанностей — это вопрос политического выбора и конфликта. Мы все должны сражаться за наше видение хорошего общества, не сгибаясь при этом под «пращами и стрелами» тех, кто упрощенно полагает, будто соотношение между правами и обязанностями может быть исключительно обратно пропорциональным. Серьезные дебаты будут посвящены тому, за какое сочетание прав и обязанностей, доверия и подотчетности нам следует сражаться на уровне принятия политических решений.

Со своей стороны, я в наибольшей степени готов дать бой оппонентам справа, выступающим за уголовный закон, чрезмерно противодействующий тем формам индивидуального поведения, порицание которых есть предмет весьма сомнительного консенсуса (например, употребление наркотиков, проституция), и недостаточно противодействующий корпоративному поведению, предосудительность которого не вызывает в обществе никаких сомнений (например, нарушения охраны труда, преступления против окружающей среды). Я также хочу возразить тем оппонентам слева, которые по-прежнему полагают, что «задача заключается в том, чтобы создать общество, в котором проявления разнообразия людей — на уровне личностных, физических или социальных отклонений — не стали бы подвергаться уголовному преследованию» (Taylor *et al.*, 1973: 282). Я, безусловно, не подписался бы под циничным заявлением Дарендорфа в отношении коммунитаризма. Тем не менее едва ли можно ставить под вопрос его вывод о том, что идеология, оспаривающая право любой власти криминализировать деяния, создаст общество, где такая криминализация будет происходить на основе авторитарного права:

Отсутствие доверия к государству, беззаконие и являющаяся следствием этого смесь хаоса и мятежа характеризуют не тоталитаризм, но условия, которые ведут к его возникновению. Некоторые их составляющие со всей очевидностью проявились в Веймарской Германии, хотя в ретроспективе 20-е годы двадцатого столетия представляются не столь аномичными, как полагали современники. Вопрос о том, существовали ли элементы аномии в том Советском Союзе, который достался пришедшему к власти Сталину, или иные условия позволили ему построить свою ужасную тиранию, я на данном этапе должен оставить открытым. Как бы то ни было, мы увидели, что царство Аномии не может быть вечным. Она есть не просто хаос, но и вакуум, который привлекает наиболее жестокие силы и требует грубого давления. Мы также видели следы этой грубой самоуверенной силы в современном мире. Скажу лишь, что я обеспокоен тем, что дорога к Аномии пробудит Левиафана и Бегемота и что новая волна тоталитаризма захлестнет мир.

(Dahrendorf, 1985:158-159)

Следует отвергать абсолютный функционализм — упрощенный взгляд Дюркгейма на общественную солидарность, в соответствии с которым коммунитарное общество неизбежно будет использовать свою власть с тем, чтобы стыдить как насильников, так и гомосексуалистов. Ведь точно так же общество может порицать насильников и полицейских, которые притесняют гомосексуалистов. В здоровых обществах стыд может использоваться и используется против посягательств на свободу людей, на их право быть иными. Это — сфера политического выбора, конфликта, человеческого фактора. Не существует функционального императива, определяющего, за какие нарушения гражданского долга общество будет порицать и какие

свободы будут находиться под его защитой. Очевидно, однако, что общества, не способные осуществлять неформальный контроль и над нарушениями долга, и с целью защиты свобод, лишаться своей свободы. Это верно, во-первых, потому, что свободу нельзя защитить, если посягательства на эту свободу не подлежат наказанию. Во-вторых, если защита жизни и собственности граждан от преступных посягательств не может быть обеспечена посредством общественного порицания, вразумления преступников, все громче и сильнее будут звучать политические требования в пользу репрессивного государства. Крах вразумляющего социального контроля влечет за собой возникновение вакуума, который неизбежно заполняется наиболее жестоким, репрессивным и вездесущим полицейским государством.

ⁱ**«...некоторые из основных теоретических традиций...»** Здесь и далее автором описываются основные концепции зарубежной криминологии XX века. А как развивалась отечественная криминология?

В конце XIX — начале XX века в России были представлены все основные направления мировой криминологической мысли.

Так, *антропологическое* (биологическое) направление, усматривающее причины преступности во врожденной биологической и психической патологии личности, было представлено трудами таких российских ученых, как Д.А. Дриль («Преступный человек». СПб., 1882; «Психофизические типы в их соотношении с преступностью». СПб., 1890 и др.), В.Ф. Чиж, С.Н. Данилло и др.

В недрах уголовно-правовой науки формируется *социологический* взгляд на преступность (М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий и др.). Так, Духовской главной причиной преступности считал общественный строй, «дурное экономическое устройство общества, дурное воспитание». Социологический подход в изучении и объяснении преступности был последовательно использован в работах Х.М. Чарыхова («Учение о факторах преступности: (социологическая школа в науке уголовного права)». М., 1910), А.А. Жижиленко («Преступность и ее факторы». Пг., 1922), в трудах М.Н. Гернета («Социальные факторы преступности». М., 1905; «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества». М., 1916 и др.) и многих других.

Первые годы после Октябрьского переворота 1917 г. продолжались криминологические исследования, авторы которых постепенно ограничивались изучением индивидуальных, личностных особенностей преступников (В.В. Браиловский, Н.П. Бруханский, С.В. Познышев и др.), не затрагивая «опасной» темы социальной обусловленности преступности. Были открыты кабинеты и клиники по изучению преступника и преступности (первый такой кабинет — Петроградский, 1918 г.), а в 1925 г. в Москве открывается Государственный институт по изучению преступности и преступника. В результате многочисленных эмпирических исследований создаются «портреты» детоубийц, конокрадов, хулиганов, поджигателей, насильников, убийц и др. Однако к середине 30-х годов практически все научные работы по криминологии были свернуты, а многие ученые-криминологи разделили участь миллионов жертв ГУЛАГ'а. Только критика «буржуазной» криминологии и «их» криминальных нравов изредка восполняла наши знания о мировой науке.

Долгий мучительный процесс возрождения отечественной криминологии начался в 60-е годы с хрущевской «оттепелью». Первые шаги — работы А.Б. Сахарова («О личности преступника и причинах преступности в СССР». М., 1961), А.А. Герцензона («Введение в советскую криминологию». М., 1965), В.Н. Кудрявцева («Причинность в криминологии». М., 1968), И.И. Карпеца («Проблемы преступности». М., 1969), А.М. Яковлева («Преступность и социальная психология: Социально-психологические закономерности противоправного поведения. М., 1971). В 1963 г. открывается Всесоюзный институт по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений, с 1964 г. начинается преподавание криминологии в юридических вузах страны.

С конца 60-х — начала 70-х годов отечественная криминология бурно развивается, формируются многочисленные относительно самостоятельные направления: преступность несовершеннолетних, насильственная преступность, виктимология (наука о жертвах преступлений), семейная криминология, география преступности, прогнозирование и профилактика преступлений, методология и методика криминологических исследований и др. Основными характеристиками отечественной криминологии 60-80-х годов являются:

- вынужденная идеологическая ограниченность исследований, ибо официальная позиция властей состояла в том, что в социалистическом обществе нет и не может быть иных причин преступности, кроме «пережитков прошлого» («родимых пятен капитализма») и влияния «капиталистического окружения»;
- столь же вынужденная изоляция от мировой криминологии; лишь единицы отечественных криминологов были «выездными», труды зарубежных криминологов за редчайшим исключением были недоступны в СССР;
- вместе с тем наряду с официальной доктриной развивается «параллельная» криминология, изучающая социально-экономические причины преступности в стране, географию преступности, связи преступности с другими социальными явлениями;
- очень медленно, но устанавливаются связи с мировой криминологией, издаются труды зарубежных криминологов, в Москве организуются международные конференции и семинары;
- накоплен огромный эмпирический материал относительно тенденций преступности и отдельных ее видов, факторов, влияющих на преступность, а также изучены социально-демографические характеристики лиц, совершивших преступления.

Горбачевская «перестройка» позволила криминологам избавиться от идеологических, цензурных ограничений, стали публиковаться статистические сведения о преступности, большинство ранее «секретных» данных стали достоянием ученых, появилась возможность изучать ранее «запретные» темы (наркотизм, проституция, организованная и профессиональная преступность и т.п.). Началось постепенное, все расширяющееся вхождение в мировую науку (участие в международных

конференциях и исследованиях, публикации за рубежом и т.п.). К числу важнейших достижений этого периода можно отнести фундаментальные исследования организованной преступности, коррупции, преступлений, связанных с наркотиками, семейного насилия, проблем социального контроля над преступностью.

ii Делинквентное поведение — от англ. delinquency — проступок, правонарушение. По отношению к принятым в обществе социальным нормам (правовым, моральным, обычаю) различают поведение *конформное*, не нарушающее социальные нормы, и *девиантное* (отклоняющееся), нарушающее какие-либо нормы, а потому оцениваемое как нежелательное для общества, порицаемое. Если девиантное поведение включает нарушение всех видов социальных норм, в том числе обычаев, традиций, морали (например, пьянство), то *делинквентное* («правонарушающее») поведение — это нарушение различных правовых норм (административных, дисциплинарных), а *преступное* поведение (преступление) — нарушение уголовно-правовых норм. В мировой криминологии под делинквентным обычно понимается правонарушающее поведение подростков и молодежи (начиная от прогулов в школе и кончая малозначительными преступлениями — мелкими кражами и т.п.).

iii «...неформальный социальный контроль...» *Социальный контроль* — механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации девиантного (отклоняющегося, нормонарушающего) поведения. Социальный контроль заключается в том, что общество через свои институты определяет *ценности* и соответствующие им *нормы* — правила поведения; обеспечивает их трансляцию (передачу) и *социализацию* (усвоение индивидами в процессе воспитания, обучения, совместной жизни); *поощряет* за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование (новаторство); *порицает (наказывает)* за нарушение норм; принимает меры по предупреждению (профилактике) нежелательных форм поведения (девиантного, делинквентного, преступного).

Различают *формальный контроль*, осуществляемый компетентными органами, организациями, учреждениями (администрация школы, места работы, милиция, прокуратура, суд и т.п.) и их представителями в пределах должностных полномочий и в строго установленном порядке, и *неформальный контроль* — со стороны родных, родственников, друзей, соучеников, сослуживцев, иных граждан. При неформальном контроле используются и неформальные санкции, обращенные к совести, чести, стыду «контролируемого».

iv Автор приводит список корреляционных зависимостей между различными факторами и преступностью, которые обычно используются в криминологических теориях. К некоторым из этих зависимостей добавим комментарий из российской действительности.

1. *Несоразмерно большее количество преступлений совершают мужчины.* Действительно, и в России доля зарегистрированной женской преступности за 1987–2000 гг. колебалась от 11,2% в 1987 г. до 21,3% в 1992 г. Наименьший удельный вес женщин среди лиц, совершивших грабежи и разбои (4–8%), наибольший — среди совершивших растраты и присвоение вверенного имущества (38–49%).

2. *Несоразмерно большее количество преступлений совершается людьми в возрасте от 15 до 25 лет.* И эту закономерность подтверждает российская уголовная статистика. Так, за те же годы (1987–2000) доля несовершеннолетних (14–17 лет) и молодых (18–29 лет) среди всех преступников превышала 49–58%. Но при этом и нами, и зарубежными криминологами учитывается, что это статистика в основном «уличной преступности», если же говорить о «беловоротничковых» преступлениях, т.е. должностных, экономических и т.п., то они совершаются в основном представителями более старших возрастных групп.

4. *Несоразмерно большее количество преступлений совершается людьми, проживающими в больших городах.* А вот здесь имеется российская специфика. Так, уровень (в расчете на 100000 жителей) тяжких насильственных преступлений в сельской местности у нас в 1,5–2 раза выше, чем в городах, а в целом уровень преступности выше в малых городах, чем в больших..

12. *Как для мужчин, так и для женщин, нахождение на низших ступенях классовой структуры...увеличивает коэффициент преступности для всех видов преступлений, кроме тех, условия для совершения которых систематически недоступны бедным (т.е. «беловоротничковой» преступности).* Это очень важное обстоятельство. Оно полностью подтверждается и в российских условиях. Причем с изменением социальных условий меняется и характеристика «униженных и оскорбленных». Так, в 60–70-е гг. основную массу «уличных преступлений» совершали рабочие (60–70%), что, кстати говоря, лишний раз свидетельствовало о лживости советской пропаганды, именовавшей рабочий класс «ведущей силой», «гегемоном» и т.п. Начиная с конца 80-х годов среди совершивших преступления непрерывно растет доля лиц, не имеющих постоянного источника доходов, достигнув в 2000 г. 54,8%. Удельный вес безработных вырос с 2,9 % в 1993 г. до 9,6% в 2000 г.

v «уровень зарегистрированных индексных преступлений» В США приняты две основные системы учета преступности. Первая — статистические данные, публикуемые ФБР (Единый отчет о преступности — Uniform Crime Report — UCR) о *восьми* видах преступлений, которые и служат *индексом* (показателем) преступности в стране. Эти восемь преступлений — убийство, изнасилование, грабеж, разбой, бэрглери (проникновение в чужие владения с целью совершения преступления), кража, кража автомобилей, поджог именуется обычно «индексными преступлениями». Вторая система учета — Национальный виктимологический опрос (National Crime Victimization Survey — NCVS), т.е. опрос населения с целью выявить реальных жертв преступлений, а следовательно, и сами преступления, служит для уточнения, проверки сведений ФБР. Полученные в результате опроса сведения также публикуются. Криминологический анализ преступности в США всегда учитывает данные и UCR, и NCVS.

vi «...идея природно-обусловленных детерминант личности...» Восходит к представлению о врожденной преступности, связанным с именем Ч. Ломброзо (1835-1909), который в своей книге «Преступный человек» (1876) обосновывал преступные проявления как следствие врожденной патологии, атавистического строения черепа «преступного человека». Многочисленные последующие исследования, в том числе современников Ломброзо (Горинг, Хиле и др.), не подтвердили его выводов, обнаружив те же самые «атавистические признаки» на черепах студентов престижных вузов Англии, офицеров, учащихся колледжей.

vii Местная полиция (перевод с английского - Community policing). Современные концепции социального контроля над преступностью, помимо иных идей, возлагают надежды на "community policing", что несколько условно можно перевести как взаимодействие, сотрудничество населения и полиции. Речь идет о том, что если полиция будет лучше сотрудничать с населением, будет внушать населению больше доверия, то и деятельность ее будет более эффективной. Предлагаются различные модели community policing — от программ сотрудничества до *местной* («коммунальной») полиции, сотрудники которой хорошо известны жителям района (микрорайона). Такая полиция должна финансироваться местными органами власти, т.е. оплачиваться налогоплательщиками — жителями места дислокации «коммунальной полиции». Некоторым аналогом может служить отечественная милиция общественной безопасности (в отличие от службы криминальной милиции), но до воплощения идей сотрудничества, взаимодействия, взаимодоверия между населением и милицией в России очень далеко.

viii «Синномия». Согласно теории *аномии* («безнормия») Э. Дюркгейма (1858–1917), в быстро реформирующемся обществе происходит распад нормативного порядка, когда старые нормы уже не действуют (не соответствуют новым реалиям), а новые еще не действуют (не сложились, не усвоены населением), когда возникают коллизии, противоречия между различными социальными нормами (например, правовыми и нравственными, правом и обычаем), когда некоторые важные сферы жизнедеятельности оказываются не урегулированными нормами («нормативный вакуум»). Состояние аномии сопровождается ростом различных проявлений девиантности — преступности, наркотизма, алкоголизма, самоубийств и т.п. В противоположность дюркгеймовской аномии было введено в научный оборот понятие *синномии*, т.е. состояния хорошо интегрированного общества, при высокой солидарности (сплоченности) его членов, с устойчивой нормативной системой. Ясно, что в таком обществе нежелательные девиации находятся на низком уровне.

ix «...в кодексах содержится больше норм, криминализирующих поведение бизнесменов, чем норм, криминализирующих поведение бедных, даже при том, что власть имущие могут, в общем-то, обеспечить себе практическую неприкосновенность от применения этих законов».

Обе части этого предложения соответствуют действительности.

Во-первых, национальные уголовные законы предусматривают огромное количество «беловоротничковых» (экономических, экологических, должностных) преступлений. Более того, согласно УК РФ, например, надо привлекать к уголовной ответственности всех предпринимателей: за незаконное получение кредита, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, монополистические действия, заведомо ложную рекламу, невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте, уклонение от уплаты таможенных платежей, уклонение от уплаты налогов, обман потребителей и т.д. и т.п. (ст.169-200 УК РФ). А ведь есть еще экологические преступления, взяточничество и многое другое. При опросе представителей отечественного бизнеса, а также сотрудников правоохранительных органов наши респонденты отвечали: «В сфере бизнеса совершенно невозможно работать, не нарушая законы», «без нелегалщины работать нельзя», «очень криминализирована предпринимательская среда», «без взятки в сфере предпринимательства невозможно работать» и т.п.

Во-вторых, при этом большинство предпринимателей, банкиров, чиновников всех уровней остаются вне поля зрения уголовной юстиции. И это понятно: невозможно всех привлечь к уголовной ответственности, зато государству удобно всех «держать под юстиком» и выборочно возбуждать уголовные дела против тех, кто оказался неудобным.

x «...программы соседского контроля...»

Одно из направлений практических рекомендаций криминологии, возникшее в последние десятилетия в теориях социального контроля над преступностью рекомендует населению участвовать в процессе «самозащиты». Одним из примеров может служить концепция neighbourhood watch («соседский контроль»), предлагающая вовлекать в обеспечение безопасности соседей по месту жительства. Целям объединения усилий полиции и населения служат также активно развиваемые концепции community crime prevention и community police. Первая из них сосредоточивает внимание на общинных (включая соседские) методах профилактики преступлений, вторая — на создании и деятельности местной полиции, сотрудничающей с населением обслуживаемой территории.

Концепция соседского контроля уделяет большое внимание возможностям разрешения социальных конфликтов, в том числе криминального характера, силами и средствами гражданского общества, минуя институты официального (формального) социального контроля, включая полицию и уголовную юстицию. Большое значение придается также согласованному взаимодействию граждан и полиции. Программы соседского контроля предполагают совместные действия «соседей» — лиц, проживающих в одном доме, на одной лестнице, поблизости друг от друга, по защите от возможных преступных посягательств. Так, увидев незнакомых, подозрительных людей, пытающихся проникнуть к соседям (в широком смысле этого слова), или же услышав крики о помощи, иные подозрительные звуки, следует не крепче закрывать двери собственной квартиры и делать вид, что ничего не видишь и не слышишь, а немедленно сообщить по телефону в полицию и применить иные меры защиты (выстрелить в воздух из ружья, если таковое имеется, крикнуть прохожим, чтобы они сообщили в полицию и т.п.). Соседи могут договориться о совместных средствах защиты (наем охранника, установление общих систем охранной сигнализации и др.), о присмотре за квартирой на время временного отъезда. Понимание взаимности обязательств гарантирует их выполнение. Кроме того, помощь полиции в налаживании программ «соседского контроля», в советах и рекомендациях, в обеспечении немедленного реагирования на звонки и иные сигналы о помощи способствует установлению и упрочению делового взаимодействия и взаимодоверия между населением и полицией.

xi «...современный институт тюрьмы является страшным заблуждением»

К середине XX столетия криминологам становится очевидной неэффективность лишения свободы, тюремного заключения как меры уголовного наказания. Все чаще говорят о «кризисе наказания», имея в виду прежде всего лишение свободы. Действительно, человечество перепробовало все возможные виды жесточайших наказаний (квалифицированные виды смертной казни, увечья, пытки, каторжные работы, одиночное заключение и др.), но преступность от этого не сокращалась, а скорее росла.

Было установлено, что удельный вес рецидивной преступности стабилен для каждой из стран (для СССР и России, например, это 20–25%), несмотря на все принимаемые меры «исправления» и «перевоспитания» в тюрьмах, колониях, лагерях. Более того, тюрьма не только не исправляет и не устрашает (об этом свидетельствует постоянство рецидивной и рост первичной преступности), но служит местом получения или повышения криминального профессионализма. Кроме того, по данным психологов, нахождение в заключении свыше 5–6 лет приводит к *необратимым* (разумеется, не в лучшую сторону) изменениям психики. Таким образом, чем больше людей общество отправляет за решетку и чем дольше срок нахождения там, тем больше оно получает назад высококвалифицированных, обозленных на весь мир преступников (разумеется, есть и исключения, но это не благодаря тюрьме, а вопреки ей). Понимание всего этого привело современные цивилизованные страны к тому, что, во-первых, лишение свободы применяется в исключительных случаях как крайняя и вынужденная мера в отношении действительно опасных преступников (в Японии, например, к лишению свободы приговариваются не более 3–4% всех осужденных за уголовные преступления, а 95% — к штрафу). Во-вторых, если уж лишают свободы, то на минимальные сроки (так, в Германии свыше 70–80% осужденных к лишению свободы получают срок до 1 года, а в Швеции — до 6 месяцев). В-третьих, лишение свободы, как правило, вообще не применяется к несовершеннолетним. В-четвертых, условия отбывания лишения свободы исключают «дополнительные», не предусмотренные приговором суда наказания в виде голодания, издевательств, отсутствия лекарств и медицинской помощи и т.п. Предусматривается система «пробаций» (испытаний), в результате которых осужденные переводятся на все более льготные условия отбывания наказания, включая отпуск, возможность на день (или на ночь) возвращаться домой к семье и т.п.

Наконец, все активнее обсуждаются возможности широкого применения альтернативных мер (например, ограничение, а не лишение свободы путем применения средств электронного контроля за осужденным), а также замены «возмездной юстиции» (retributive justice) «восстановительной юстицией» (restorative justice), когда с помощью незаинтересованного, уважаемого посредника преступник и жертва урегулируют свои отношения (возмещение причиненного ущерба, морального вреда) без обращения к органам уголовной юстиции.